ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 32 (4838)
5 августа
1981 г.
СРЕДА

ГОД ИЗДАНИЯ 53-й

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ОТЧОВСКОЕ ПОЛЕ

Страдная летняя пора — в разгаре. Ее приметы повсюду: от урожайной нивы до элеваторов и хлебоприемных пунктов, между которыми нескончаемым потоком идут автомобили с зерном. Жатвой живет сейчас на селе каждый. И не удивительно, что наиболее многолюдно и оживленно нынче в поле и на току. Даже письма и газеты сельские почтальоны доставляют адресатам в это горячее время прямо в поле.

Трудовой энтузиазм взрослых захватил и детвору. Ваня Лукьянов (на снимке) из села Генеральское Энгельсского района Саратовской области вместе со своими школьными товарищами решили во время каникул потрудиться в родном колхозе «Победа». Помощь школьников на току оказалась кстати, ведь нынешняя страда у саратовских хлеборобов выдалась особенно трудной — засуха. Тем напряженнее труд на уборке, тем нужнее каждые рабочие руки.

Так с детства проникаются сельские ребятишки чувством сопричастности нелегкому труду родителей, так забота об отцовском поле становится для них глубоко личным, кровным делом.

Фото В. БОГДАНОВА

Борис САЧЕНКО

ЗЕМЛЯ ОТБЛАГОДАРИТ

РЕПОРТАЖ ВЕДЕТ ПИСАТЕЛЬ

НАСТУПАЕТ июнь — и все мои знакомые, горожане и сельчане, писатели и рабочие, нет-нет да взглянут на небо и скажут тебе: «Что-то долго дождика нет. Как бы не высушило хлеб...» А наступит июль—август — та же тревога у друзей и знакомых: «Как там на поле, в деревне? Ведь четвертые сутки льет...»

Как там на поле?

Движимый этой тревогой я не выдержал недавно, взял и поехал на свою родину, в Хойникский район. Было погожее, непривычно жаркое воскресное утро, когда мы с председателем колхоза «Путь к коммунизму» Анатолием Дмитриевичем Рудобельцем приехали в районный центр.

— Может, к начальству зайдем? — спросил Анатолий Дмитриевич.

— Но ведь сегодня воскресенье. Выходной.

— У нас нет сейчас выходных. Самое горячее время. Косим траву. Закладываем сенаж. Убираем лен. Началась жатва хлебов. Грешно устраивать сейчас выходной.

Действительно, председатель Хойникского райисполкома Владимир Степанович Ворожбитов оказался на месте, в своем рабочем кабинете.

— Если бы вы опоздали на минуту, меня не застали бы,— пожимая нам руки, сказал Владимир Степанович. — Райком убирает хлеб. Первый секретарь райкома партии Георгий Трифонович Карасевич уже уехал в хозяйства... Только что звонил по телефону.

— А как в этом году с урожаем? — спросил я. — Довольны ли вы?

— И да, и нет. Люди старались. Все вовремя сделали. Посевы досмотрели. Думали, на круг не менее 30 центнеров соберем. Да на самом финише погода подвела. Малость подсушила хлеба. Пришлось 800 гектаров яровых пустить на корма. Но озимые уродились неплохие. Многие колхозы берут по 30 центнеров.

— Помнится, в прошлом году вы позже начинали жатву?

— Да, чуть позже. Жатва этого года проходит одновременно с уборкой трав, заготовкой кормов. Нет, вы не думайте, что мы не сумели заготовить нужное количество сена и силоса. По сравнению с прошлым годом кормов заготовлено значительно больше. В некоторых хозяйствах план выполнен на 120—130 процентов. Но повсюду, как никогда, выросла трава. И мы стараемся скосить все, заготовить кормов столько, сколько можно. Ведь не во всех районах страны такой урожай трав. Вот мы и поделимся зимой. Конечно, не просто вести одновременно две ответственные кампании: жатву и косовицу, но люди настроены по-боевому. Трудовой подъем в колхозах даст возможность провести уборку ранних колосовых за 8—10 дней, если, конечно, не подведут погодные условия. Но мы готовы ко всему. В колхозах и совхозах созданы штабы по уборке урожая. При помощи радиосвязи мы поддерживаем с ними ежедневный контакт. Если что-то где-то не так, посылаем помощь. Естественно, возглавляют борьбу за урожай коммунисты, народные депутаты, комсомольцы...

Из родного района я отправился в соседний, Калинковичский, побывал во многих хозяйствах белорусского Полесья. Повсеместно выращен неплохой урожай хлеба, радуют травы, картофель, овощи.

Социалистическое соревнование, умело организованное на жатве, порождает новые формы взаимоотношений между людьми. Например, многие комбайнеры заключают между собой договоры, где обещают друг другу намолотить тысячу тонн зерна, не меньше. Герой Социалистического Труда Н. Короткевич из Кормянского района заключил такой договор со своим бывшим учеником В. Здоровцовым. Оба обязались дать по тысяче тонн хлеба. В моем родном районе в колхозе «Октябрь» работает прославленный белорусский комбайнер-тысячник, Герой Социалистического Труда Л. Саковский. В этом году соревнование комбайнеров Белоруссии идет под знаком борьбы за приз имени Л. Саковского — такой приз учредили республиканская «Сельская газета» и Гостелерадио БССР.

Поистине, труд у нас очеловечен, освящен высоким смыслом созидания. Такой труд приносит и результаты, и радость. Кажется, совсем недавно, несколько дней тому назад, началась жатва. А в оперативной сводке, ежедневно появляющейся в республиканских газетах, значится: южные области Белоруссии — Брестская и Гомельская — убрали более половины зерновых. Активно вступают в жатву и северные районы. А там, где уже убрали, быстро освобождают поля от соломы, проводят лущение стерни, готовят поле под урожай 1982 года, второго года пятилетки. Не забывают и о кормах.

Недавно бюро Минского обкома партии одобрило инициативу тружеников колхоза «Ленинский путь» Слуцкого и совхоза «Новое Полесье» Солигорского районов по созданию переходящих запасов травянистых кормов.

Сколько изобретательности, ума проявляют люди в сложных погодных условиях нынешнего года! И когда побываешь среди них, пообщаешься с ними в круту семьи, на колхозных полях, токах, всякий раз укоряешь себя, что мало, как непростительно мало мы о них пишем! А они — настоящие хозяева земли. Поговоришь с ними, посмотришь, как они работают, — и уходит из сердца тревога, которую чувствуешь под огромным и жарким летним небом. Судьба хлеба в их руках — что же может быть надежнее?

МИНСК

СОТРУДНИЧЕСТВО КНИГОИЗДАТЕЛЕЙ

Дальнейшему развитию и обогащению сотрудничества в области книгоиздательского дела будет служить перспективная программа на 1981—1985 годы, подписанная в Москве 31 июля между Госкомиздатом СССР и Комитетом по культуре Народной Республики Болгарии.

Решено продолжить выпуск серии книг «Критика буржуазной идеологии и ревизионизма», «Социализм: опыт, проблемы, перспективы», а также расширить работу по изданию международной библиотеки «Маоизм — угроза человечеству» и серии «Европейская поэзия».

Особое внимание обращается на выпуск лучших произведений современных авторов в области политики, культуры и науки обеих стран.

Программа предусматривает систематическое проведение выставок и декад книг СССР и НРБ. Так, в 1982 и 1985 годах состоятся выставки советских книг в Народной Республике Болгарии, а в 1981 и 1983 годах — экспозиции болгарских изданий в Советском Союзе. Намечен также широкий обмен информацией и специалистами.

Корр. ТАСС

XII БЛОКОВСКИЙ ПРАЗДНИК ПОЭЗИИ

Ежегодно в первое воскресенье августа...

СТАЛО уже доброй традицией проводить ежегодно в первое воскресенье августа на солнечногорской земле поэтический праздник, посвященный Александру Блоку. И в этом году в двенадцатый раз собрались здесь почитатели его поэзии.

Как всегда, праздник начался возложением цветов к бронзовому бюсту Блока перед зданием школы № 1 Солнечногорска, носящей его имя. В одном из классов разместился своеобразный литературный музей, хранящий фотографии поэта, его книги, подлинные вещи из шахматовской усадьбы.

Программа нынешнего поэтического праздника включала новый маршрут. Около деревни Сергеевка есть холм, с которого открывается панорама, характерная для здешних мест: лощины, перелески, холмы, куда сходятся «разбежавшиеся внизу полосы хлебных полей». Сюда отправились гости праздника, чтобы еще раз почувствовать всю прелесть дорогого сердцу поэта Подмосковья. Здесь пела птица вещая Гамаюн, здесь находится озеро Бездонное, глубина которого таит в себе много загадок. В этих краях Блок черпал вдохновение, создавая свои бессмертные творения. Тут роднились строки «Возмездия» и «России», «Осенней воли» и первые стихи из цикла «На поле Куликовом».

В Парке культуры и отдыха Солнечногорска состоялась литературная встреча. Ее открыл председатель исполкома Солнечногорского горсовета Ю. А. Спащёв. Вел встречу Ю. Прокушев. В празднике приняли участие Б. Тусов, В. Бочкарев, П. Железнов, В. Кострав, Ю. Кузнецов, В. Лазарев, С. Лесневский, И. Ляпин, В. Матвеев, А. Парпара, Д. Паттерсон, Т. Реброва, В. Сорокин; выступили и земляки поэта.

«Литературная газета» уже рассказывала о том, что одиннадцать лет назад, когда отмечалось 90-летие со дня рождения поэта, в селе Тарханово, в здании бывшей земской школы, была открыта выставка, посвященная Александру Блоку. Она послужила началом блоковского музея. В числе его экспонатов более 300 фотографий, копии материалов, связанных с жизнью и деятельностью поэта, принадлежавшая Любови Менделеевой, родственнице его жены, скатерть, на которой вышиты имена тех, кто бывал в ее доме, в том числе и А. Блока, старинный венский рояль 70-х годов прошлого века.

Тархановской библиотеке ежегодно дарят книги писатели. В минувшем году сюда поступило много новых изданий. Среди них — только что вышедшие первые две книги 92-го тома «Литературного наследства», посвященные А. Блоку. И на этот раз библиотека пополнилась новыми книгами, которые привезли участники поэтического праздника.

И вот наконец тропа к Шахматову. Раскинул свои могучие ветви серебристый тополь — и сожалению, сохранился только один из двух, росших около усадьбы. Чуть дальше, в стороне от тропы, начаты раскопки фундамента шахматовского дома. За последние годы сделано многое для увековечения памяти поэта. Но хотелось бы, чтобы планы восстановления усадьбы стали наконец реальностью. Ведь к Блоку сюда идут и едут со всех концов страны, как в Михайловское к Пушкину, в Тарханы к Лермонтову, в Константиново к Есенину, и не только в праздники, но и каждодневно.

А еще дальше, на поляне, в этот день звучали проникновенные стихи Пушкина, Блока, Цветаевой, поэтов — наших современников.

А. ИВАНОВА,
спец. корр. «ЛГ»

Фото В. ШАГОВА

ПИСЬМА СПОРЯТ

После публикации письма О. Доброзракова «Библиотека моя, библиотека наша» редакция получила свыше 70 откликов. Нужна ли домашняя библиотека, «книжный бум» — отрадное явление или тревожное? Эти вопросы не оставили равнодушными наших читателей. Студенты, рабочие, научные работники, домохозяйки — вот далеко не полный перечень поспешивших поделиться с газетой своим мнением. Сегодня мы знакомим вас с письмами, отражающими, на наш взгляд, два наиболее характерные точки зрения на поднятую проблему.

КНИГА—ПОД РУКОЙ

Не могу остаться равнодушным к проблеме, поднятой в письме «Библиотека моя, библиотека наша...». Я против книжного стяжательства, однако двух-трех десятков книг в домашней библиотеке, на мой взгляд, недостаточно.

У каждого из нас есть свои любимые писатели. Для меня, например, это Пушкин, Лермонтов, Шевченко, Гоголь, Чехов, Есенин, Симонов и другие. Это мои духовные наставники, к которым я обращаюсь постоянно. А какая библиотека, скажите, пришлет мне в 21 час 30 минут сонеты Шекспира, если мне вдруг захочется вновь их перечесть?

Я постепенно собрал книги всех своих любимых писателей. Да, кроме того, в моей библиотеке имеется техническая литература для работы и медицинская — для жены, номера журналов, выписываемых постоянно, справочники, словари...

Речь идет о книгах жизненно необходимых, в число их уже раз в 10 превысило предложенный О. Доброзраковым «лимит». Занимают они семь книжных полок — мне думается, это немного. Такое, на мой взгляд, должно быть в среднем домашняя библиотека, и необходима она в каждой семье.

А. ШЕПЕЛЕВ,
мастер производственного обучения

ДОНЕЦК

КНИГА—ДЛЯ ВСЕХ!

Книга — это источник знаний, радости, вдохновения, это то, без чего и я, и многие другие не представляют себе жизни. Книга должна служить многим, и потому ее место — в общественной библиотеке! Мне думается, что необходимо увеличить тиражи скромных по оформлению книг, предназначенных именно для «делая», в «любителям» оставить роскошные издания — пусть украшают интерьеры. Нужно значительно улучшить комплектование фондов библиотек и процесс межбиблиотечного обслуживания. Это необходимо и для нас, взрослых, и для наших детей и внуков.

Кстати, у общественных библиотек есть неограниченные возможности в воспитании литературного вкуса, в деле пропаганды книги. Думаю, со мной согласятся многие читатели: в сегодняшнем потоке информации подчас трудно выяснить, на что обратить внимание, и кто же, как не работники общественных библиотек, должен помочь в этом своим читателям.

Л. ВСЕВОЛЖСКАЯ

гор. ДУБНА
Московской области

ЛИЦА СКВОЗЬ ФАКТЫ

БУРЯ ПРОХОДИТ, ЦИКЛОН ОСТАЕТСЯ

ОЧЕРЕДНОЙ СКАНДАЛ В ВАШИНГТОНЕ

«Что и говорить, скандал, конечно, грандиозный. Даже провал ценного агента кажется по сравнению с ним детской игрой» — это мнение обозревателя солидного нью-йоркского журнала.

Буквально за неделю до описываемых событий с поста начальника оперативного управления ЦРУ убрали Макса Хьюджла. Как и шеф ЦРУ Кейси, он активно помогал в предвыборной кампании нынешнему президенту. При разделе портфелей его заслуги учли и устроили руководителем тайных операций. Такого позора, правда, кадровые «джентльмены удачи» снести не могли: командовать ими назначили «любителя», ничего не смыслящего в тонкостях шпионского дела... Несколько умело подстроенных «утечек» в прессу о финансовых махинациях Хьюджла еще в бытность его бизнесменом, и с карьерой их шефа, во всяком случае в ЦРУ, было покончено. Ну, а чтобы впредь было никому неповадно, бросили тень и на самого директора: в сенатскую комиссию по разведке подкинули «информацию к размышлению» по поводу его собственных весьма неприглядных сделок и манипуляций на поприще частного бизнеса. Сделано это было настолько умело, что полностью откреститься от выдвинутых обвинений ни Кейси, ни его советникам долго не удавалось.

Джозеф Кейси: кто есть кто?

В отличие от своего босса из Белого дома, Уильяму Кейси не пришлось постигать на практике законы Голливуда, а потому его трудно обвинить в стремлении произвести внешний эффект, «сыграть на публику» — манеры у него просты, о красноречии и дикции он не заботится, одет в мешковатый костюм, да и выглядит старше своих лет — непрезентабельно, не по-вашингтонски. Его достоинство в другом: в коридорах власти он славится своей работоспособностью, умением «выжимать пот» из сотрудников и организаторским талантом. В детстве товарищи по школе прозвали его за кипучий темперамент Циклоном. Благодаря этим качествам к приходу в ЦРУ Кейси уже сделал свои шесть миллионов, завладев акциями сразу в двадцати семи корпорациях. Но на одну только работоспособность, чтобы добраться до вершины вашингтонского политического Олимпа, он явно не надеялся.

Начав свою карьеру с адвокатской практики, Кейси в 1942 году завербовался в управление стратегических служб. В период «холодной войны» закладывал первые кирпичики в здание американского разведывательного сообщества и Центрального разведывательного управления. С тех пор метод «ночного воздушного десанта», излюбленного шпионского приема основателя управления стратегических служб генерала Донована (Дикого Билла), стал и его методом.

Кейси называет себя «адвокатом, автором книг, редактором и антрепренером». Чтобы представить, что за этим стоит, упомянем лишь несколько фактов, на которые, кстати, неплохо было бы обратить более пристальное внимание и американской большой прессе которая лишь вскользь намекает на «некоторые нарушения норм при совершении Кейси коммерческих сделок».

Так, еще в 50-х годах, будучи адвокатом на Уолл-стрит, он составил несколько учебников-наставлений для своей клиентуры (название одного из них — «Как собрать деньги чтобы сделать деньги»). Увы, кончилось это тем, что издательство поймало его на откровенном плагиате, а вскоре суд подтвердил это обвинение.

● ОКОНЧАНИЕ НА 9-Я СТР.

ТОЛЬКО ЧТО ИЗДАНО

ПРОДОЛЖАЯ ЭСТАФЕТУ

АПРИЛСКИ СЪРЦА

В варненском издательстве имени Георгиа Бакалова недавно вышел поэтический сборник «Апрельские сердца», посвященный XII съезду БКП. Название сборнику дал апрельский пленум ЦК БКП, с которым связаны все завоевания современной социалистической Болгарии и который стал толчком к мощному расцвету литературы и искусства в стране.

Об этом прямо пишет Любомир Левчев в своем стихотворении «Апрельские сердца»:

Меня считали дерзким
и везучим,
Не знавшим поражений
и потерь.
А я умел выигрывать
сраженья
Лишь оттого,
что в сердце нес
Апрель.

Открывают этот сборник стихи о партии поэты, прошедшие в годы фашизма через тюрьмы, ссылки, гонения: Младен Исаев, Христо Радевский Лучезар Станчев, Ангел Тодоров, Анастас Стоянов и другие. Они своей жизнью и творчеством как бы продолжили рано оборвавшиеся жизни своих товарищей по борьбе, поэтов, казненных фашистами: Гео Милева, Николы Вапцарова, Христо Смирненского...

В стихотворении Георгия Константинова «Размышления» есть такие строки:

Молчаливо застыли
в граните,
От дождей потемнели
давно...
Но как молоды все —
посмотрите!
Выше нас вечно
быть им дано...

Они адресованы погибшим поэтам-борцам. Г. Константинов, как и все поэты современной Болгарии, понимает всю меру своей личной ответственности перед павшими за то, как и чем живет сегодня страна:

Перед гибелью
их согревала
Мысль о нас.
В наших судьбах они
Дел больших
прозревали начала,
Верои в нас они
были сильны.

Об этой же ответственности пишет в своем стихотворении «К партии» Христо Радевский:

Хочу, как Смирненский,
петь песни,
Хочу, как Ботев, умереть!..

Читая стихи поэтов более молодых: Славы Хр. Караславова, Божидара Божилова, Владимира Голева, Дамяна Дамянова, Евтима Евтимова и других, убеждаешься в том, что для них слово «партия» исполнено глубокого сокровенного смысла, в нем для них сконцентрированы такие понятия, как долг, преданность родине и народу, деятельная причастность к судьбам страны и планеты. И верится, что, если понадобится, эти поэты сумеют с оружием в руках отстоять те завоевания, которых добились в нелегкой борьбе их предшественники. Верится, что пройдут годы, и молодые поэты смогут сказать о себе то же, что сказал в стихотворении «Партия» Лучезар Станчев:

Я чистоты и для
высоких жаждал,
Я знал — они возможны
лишь с тобой,
Мечтал тебя достойным
стать однажды,
Свою судьбу связал
с твоей судьбой.

Лучезар Станчев имеет право на такие слова, он с детства окунулся в мир борьбы: в доме его родителей бывали Димитр Благоев, Георгии Димитров, Васил Коларов. Сам Л. Станчев не побоялся в годы фашистского террора нести народу слово правды о России, борьбе, будущем Болгарии.

Книга «Апрельские сердца» — серьезный экзамен на политическую и творческую зрелость современных болгарских поэтов. В стихах о партии особенно ценны выстраданные, искренние слова, здесь режет слух каждая фальшивая нота. Таких нот в сборнике нет. Не случайно под послесловием к нему стоит не одно имя и даже не группа самых известных имен, а Союз болгарских писателей. В этом заключен глубокий смысл. Болгарские поэты знают, что они выдержали экзамен. Они — представители партийного авангарда, их гражданская лирика проникнута пафосом борьбы. Приняв эстафету своих предшественников, они достойно продолжают ее, чтобы передать следующему поколению.

Елена АНДРЕЕВА

Монография Людмилы Живковой

«Значение монографического очерка Людмилы Живковой о творчестве художницы Доры Боневой отнюдь не исчерпывается содержащейся в нем ценной искусствоведческой информацией. Он привлекает внимание специалистов прежде всего своеобразием подхода, с помощью которого автору удалось проанализировать художественное явление в контексте значительной проблематики, — говорится в рецензии Максимилиана Кирова, опубликованной в софийском журнале «Обзор», на монографический очерк Людмилы Живковой (издательство «Български художник»), посвященный творчеству известной болгарской художницы Доры Боневой. Людмила Живкова логически подошла к выявлению подчеркнутой самобытности творческого почерка Д. Боневой, пишет далее автор рецензии, сочетающего внутреннюю напряженность и внешнюю статичность модели.

Деятельность Л. Живковой в области культуры и просвещения широко известна как специалистам, так и широкому кругу общественности. Много сделала она в области эстетического воспитания подрастающего поколения. Проведенная при ее непосредственном участии всемирно известная Международная ассамблея детей «Знамя мира» явилась одним из крупнейших мероприятий Международного года ребенка. В этом году в Болгарии предполагается вторая ассамблея «Знамя мира», и трудно представить ее проведение без Людмилы Живковой, смерть которой явилась большой утратой как для болгарского, так и для советского народа.

ЧССР

МИР ЧЕСТВУЕТ ГАШЕКА

100-летие со дня рождения Ярослава Гашека, автора всемирно известных «Похождений бравого солдата Швейка» будет широко отмечаться в 1983 году. Празднование юбилея входит в программу культурных дат ЮНЕСКО.

На родине писателя, в Чехословакии, подготовка к торжествам уже началась. В нее активно включились деятели культуры и искусства, особенно «Общество друзей Гашека», объединяющее более 230 критиков, прозаиков, поэтов, актеров, работающих в жанре юмора и сатиры. Будут выпущены юбилейные монеты, памятные медали, почтовые марки, кинематографисты и работники телевидения готовят специальные программы. Чехословацкие издательства также внесут свой вклад в празднование 100-летней годовщины Гашека. В Праге будет открыт памятник писателю, а в Липнице, где он провел последние годы жизни, организуется постоянная выставка юмора и сатиры.

МНР

НА МОНГОЛЬСКОЙ СЦЕНЕ

С большим успехом в Государственном драматическом театре имени Д. Нацагдоржа прошла премьера пьесы советского драматурга Иона Друцэ «Святая святых». Спектакль поставлен молодым монгольским режиссером Б. Мунхдоржем. В главных ролях заняты заслуженный артист МНР Ц. Гантумур, актеры Н. Суид и М. Цолмонбаатар.

ТЕМА НАСУЩНАЯ, ТЕМА НЕИСЧЕРПАЕМАЯ

Иржи СЕКВЕНС

В составе чехословацкой делегации на XII Московском международном кинофестивале побывал известный кинорежиссер, народный артист Чехословакии Иржи Секвенс. Его фильм «Эта минута, этот миг», представленный на фестивальный конкурс, был удостоен специальной премии жюри за оригинальное воплощение темы ответственности человека перед обществом.

Интервью у Иржи Секвенса специально для «ЛГ» взял наш коллега из газеты «Руде право» Любор Казда.

С Московским кинофестивалем у Иржи Секвенса отношение давние, традиционные, добрые. Еще в 1959 году, на первом МКФ, золотой приз получил его фильм «Бегство из тени». Через шесть лет, в 1965 году, вновь завоевал фестивальное золото его фильм «Покушение». Был Иржи Секвенс и членом жюри Московского фестиваля, и — многократно — его гостем. Фильмы Секвенса хорошо знакомы советским зрителям.

— На Московский фестиваль я всегда приезжаю с большой радостью. Ведь это возможность встретиться с моими друзьями, советскими кинематографистами. Многих я знаю еще по совместной учебе во ВГИКе в 1946—1947 годах — С. Бондарчука, Н. Мордюкову, Ю. Озерова, В. Тихонова, С. Ростоцкого, Л. Кулиджанова.

Традиционные встречи кинодеятелей в Москве становятся все более представительным форумом прогрессивных сил в мировом кино. Я стремлюсь, чтобы мои фильмы понимали не только дома, в Чехословакии, чтобы они были близки всем людям, и мне дорог Московский фестиваль, одним из ведущих принципов которого является интернационализм киноискусства. В этом я убедился на практике, когда был членом жюри фестиваля. Многократно убеждался я и в том, что интернационализм — один из важных принципов всего советского киноискусства в целом.

— Вы часто обращаетесь в своих фильмах к теме второй мировой войны. В чем, на ваш взгляд, причина приверженности кинематографистов этой теме?

— Есть люди, которые пытаются утверждать: война давно закончилась и это дело истории, тема исчерпанная, далекая от современности. Подобную точку зрения опровергают сама жизнь и кинематографическая практика. Я действительно множество раз находил в этой теме творческий материал для своих фильмов. А вспомните талантливые картины нового поколения советских кинематографистов: «Восхождение» Л. Шепитько, «Двадцать дней без войны» А. Германа или «Гнездо на ветру» эстонца О. Неуланда. Это тема вечно актуальная, живая, драматичная. Разумеется, если кинематографист не пытается сделать свой фильм простой иллюстрацией к истории. Если он ищет в войне материал, раскрывающий человека во всей глубине его психологии, моральных установок, политических взглядов. Материал, который заново открывает нам такие понятия, как честь, патриотизм, героизм. Нет, эта тема, я совершенно убежден, неисчерпаема.

— Думаю, сама формулировка специальной премии жюри, которой удостоен ваш новый фильм в Москве, — новое подтверждение жизненности именно такой позиции. Тему ответственности человека перед обществом, тему, всегда современную и актуальную, вы успешно решили на материале войны. Как возник фильм, какое место он занимает в вашем творчестве?

— Фильм «Эта минута, этот миг» — завершение кинотрилогии, посвященной войне. Впрочем, если быть точным, сама война в этой последней картине показана лишь косвенно — как обстановка и драматический импульс для конфликта, в который вступает герой. В центре внимания фильма — человек, его моральные принципы, его гражданские установки.

Картина снята по новелле чешского писателя Отакара Халоупки, вышедшей лет шесть назад и привлекшей живое внимание читателей. В ее основе лежит подлинная история чешского врача, главного хирурга больницы в маленьком городке. Война ставит его перед дилеммой: остаться ли лояльным по отношению к нацистскому режиму в оккупированной Чехословакии и тем спасти свою шкуру или перейти от пассивного несогласия с фашизмом к активной борьбе. Он выбирает второй путь, хотя прекрасно знает, что за это ему придется заплатить жизнью. И тем не менее он понимает, что в судьбе человека обязательно наступает однажды «эта минута, этот миг», когда не может быть иного ответа, кроме «да» или «нет». Когда нужно решать. Когда ставка — человеческое достоинство, основные моральные принципы личности.

Литературная основа фильма обусловила главное внимание к психологии героев. Мы стремились прежде всего к тому, чтобы думать вместе со зрителями над теми сложнейшими вопросами бытия, которые подчас ставит перед нами жизнь.

— Что вы считаете самой актуальной, насущной задачей киноискусства сейчас, в 80-е годы?

— Вряд ли я открою что-либо новое, если скажу, что в результате политических, технических, научных процессов развития человечества борьба за мир приобрела первостепенное значение. Не хочу упрощать этот вопрос, он охватывает проблемы политические, экономические, философские и культурные. Но искусство становится, должно стать органической частью этого широкого мирного фронта. Время объективно ставит перед прогрессивными художниками планеты задачу обращаться в своем творчестве к самым острым темам общественного и политического звучания. Любые попытки бежать от этих проблем, убаюкивать людей искусственными идиллиями, бездумными зрелищами, бесконфликтными, далекими от реальности сюжетами становятся просто опасными — не только для искусства, но и для самого человека.

Это полностью касается и кино. Об этом говорилось в приветствии Л. И. Брежнева участникам Московского кинофестиваля: голос художника «оказывается тем слышнее, чем определеннее он выступает за идеалы добра, справедливости, свободы, мира». И это понимают все, кто действительно осознал смысл фестивального девиза. Важно, чтобы идеи девиза претворялись в жизнь в творчестве художников социалистического лагеря, прогрессивных мастеров кино всего мира.

МОЛОДОСТЬ КУБЫ

Фото Т. БАЖЕНОВА

Мастер и его мастерская

ФЕРЕНЦ ЮХАС О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

В тесном кабинетике главного редактора журнала «Найлаш» («Новая литература») пахло кофе и табаком. Его хозяин — коренастый мужчина с крестьянскими усами рисовал на бумаге таинственные точки, соединяя их изломанными линиями. Так Ференц Юхас, известный венгерский поэт, лауреат премии имени Кошута, объяснял мне, что есть, по его разумению, поэтическое вдохновение. У него, у вдохновения, оказывается, две стороны. Одна — это когда поэт натыкается на какое-либо препятствие, на точки. И от этого столкновения возникает чувство и рождаются стихи. Между этими точками возникают паузы — многоточия. Они и характеризуют всю жизнь поэта или прозаика. Другая сторона вдохновения — поточечное сопение. Как у Данте...

Наша беседа носила, как мне поначалу казалось, весьма хаотичный характер. И только в Москве, прослушав ее магнитофонную запись, я понял, что это был не просто разговор, но страстный монолог человека, безмерно влюбленного в поэзию, живущего в ней если и не на поточечном пределе, то уж во всяком случае с минимальными паузами между точками возгорания.

Вот эти мысли о любви и ненависти, о жизни и смерти, о прошлом и будущем рода настоящего — о Поэзии.

— Эй, я живу! —
прокричал я
ветру весенней
отчизны,
Вдаль понесли меня
крылья, —
видите, чьи они? —
Жизни!

(Перевод С. КИРСАНОВА)

Я УБЕЖДЕН, что в поэзии не абсолютно ложных путей, в ней во все времена была и остается допустимой любая манера, любая форма, если только эта форма выражает действительно соответствующее эпохе содержание. В поэзии и сегодня каждый поэт призван совершить свою революцию, построить свою не похожую ни на чью другую вселенную. Новое в жизни требует новых форм. С другой стороны, многие мои коллеги обращаются сегодня к эпосу. Я тоже грешу этим (трилогия «Семья Шанты», «Мой отец», «Моя мать»). Наверное, все зависит от того, что хочешь сказать. Большое, серьезное требует емкой формы, протяженности во времени.

Но, увы, поэзия, как и жизнь, насыщена догмами и каждый пытается доказать свое. Физики, как известно, считают, что наше время ускорилось. Но ведь ускорилось не время, а наши возможности создать что-либо. Этому способствовало развитие техники. Некоторые литераторы между тем считают, что нужно писать короткие произведения поскольку у людей мало времени. А вот большая литература опровергает это мнение.

Когда спрашивают поэта, под чьим влиянием он находится, мы находится обычно отвечают: он под чьим. В отношении себя я сказал бы, что на меня оказали влияние в каждом случае. И прежние тоже — и на них всех мне учиться. А вот перевариваю только хорошее. Я не знаю русского. Но дорого я ценю не полное собрание сочинений В. Маяковского. И как читать со словарем поэму «Про это». Было любопытно, как эта вещь выглядит в подстрочнике. Оказалось, что чтение со словарем ближе к первоисточнику, чем в переводе. Перевод сглаживает оригинал.

А вообще нынче слишком много переводов, все поэты начинают казаться похожими друг на друга. Если не знать фамилии авторов, то трудно определить, кто из них африканский, кто японский, а кто американский поэт. Я говорю о проблеме перевода вообще. Хотя есть замечательные переводчики, способные передать особенности и аромат первоисточника. Но таких, как и настоящих поэтов, не так уж много.

Как сочиняю стихи? Быстро, чаще всего во время отпуска. Пишу почти без исправлений. Поэму «Моя мать» всего с потрясающей тысячи строк написал за два месяца. Вообще-то, сколько себя помню, всегда где-то работал. В Венгрии, как правило, нет чисто профессиональных поэтов, прозаиков, критиков, то есть тех, кто живет только на литературный гонорар. 24 года проработал в издательстве художественной литературы. Я и сейчас являюсь там внештатным консультантом и одновременно руководжу журналом. Это тяжелая ноша. Особенно когда приходится возвращать рукопись и возникают обиды. Но поскольку мы поставили перед собой цель — собрать в журнале все лучшее, что есть в современной венгерской литературе, приходится отбирать.

А еще наша задача в том, чтобы журнал не напоминал остров, чтобы венгерские литераторы не думали, будто вокруг них — пустота. Они должны работать, сознавая, что в мире существует великая литература, а они — лишь часть ее, что и в Советском Союзе, и в Голландии, и в Швейцарии живут и работают прекрасные мастера, что поэтому не следует замыкаться в узких национальных рамках и считать, что ты и есть центр литературной вселенной. Поэтому мы публикуем лучшие произведения зарубежных прозаиков, поэтов, критиков, эссеистов.

Странная штука память. Кто может установить, что выпадет из нее со временем, а что останется до конца жизни? Каждая книга влечет меня к необходимому познанию следующей. Прочитав какую-либо вещь, я хочу больше знать о ее авторе и читаю о нем в другой книге. Потом во мне просыпается интерес к его философским воззрениям, и я читаю о них. По такой цепной реакции я перехожу от книги к книге — таковы моя манера чтения, мой образ мышления.

У меня нет любимых книг, но есть любимая поэзия — венгерская лирика. Когда мне исполнилось 20 лет, и я перебрался в Будапешт, то получил возможность покупать сборники венгерской поэзии. Я чувствую себя обязанным читать все стихи, написанные в течение года нашими поэтами. Эти книги для меня — источник бесконечной радости.

А еще люблю читать старинные добиблейские тексты — ассирийские, вавилонские, египетские и другой эпос, книги Ветхого завета — древний гимн солнцу. И перечитывать почти ежегодно «Смерть Ивана Ильича» и «Воскресение» Л. Толстого. Если судьба посылает мне жестокие мгновения или я сам совершаю нечто жестокое, всегда обращаюсь к замечательным толстовским творениям и чтение его книг вселяет в меня надежду и уверенность.

Стоя же часто я перечитываю Данте. Но это совсем другое. «Божественная комедия» не принадлежит к основным произведениям моей этики, волнует иначе. Эта книга научила меня, что рентгеновским лучам, проникающим сквозь творения разума, может быть только любовь. Она дала мне понять, что литература существует не на островах, между которыми нет даже мостов, в едином материке, позволяющем видеть все ее связи и совершающиеся в ней процессы.

Когда я писал «Детские сказки», мне понадобилось показать, как видит человека дракон. Для этого пришлось прочитать книги по палеонтологии, как ранее я уже проштудировал тома по минералогии, биологии, геологии, кристаллографии. Если мне понадобится описать скелет дракона, я напишу о нем довольно точно — мне помогут прочитанные книги.

Вся моя жизнь окружена книгами. У меня есть ясе, что я когда-нибудь читал, и если проснусь ночью и захочется что-либо вспомнить, достаточно только протянуть руку и снять с полки нужный томик. Я пробегаю десять или двадцать страниц, кладу голову на подушку и удовлетворенно засыпаю.

***

Приникал к подушке
в радостном бессонье,
под ночные звезды
подставлял ладони...

(Перевод И. КОРЧАГИНА)

МНОГИЕ критики, писавшие о моем творчестве, усматривали в нем, помимо всего прочего, жадность к познанию жизни. Наверное, такую оценку можно дать почти любому поэту. Но в нем они были не правы, так это в утверждении, будто такая жадность появилась во мне из-за моего происхождения. Да, я родился в самой гуще рабочих и батраков. Они были моими предками до седьмого колена, никто из них никогда не брал в руки книгу. Если в доме моей матери и у отца я и находил какой-нибудь затрепанный роман, это была не литература. Нельзя сказать поэтому, что именно окружение толкнуло меня к книге. Но знаю, что уже в мальчишеские годы вспыхнула во мне жадность к чтению.

С самого начала, я читал медленно, и теперь читаю так же. Только при медленном чтении возникает в моем мозгу способность к фотографированию, при этом я впитываю в себя человеческую, писательскую, историческую, философскую сущность произведения и запоминаю прочитанное с точностью часового мастера.

О, Человечество —
оно сгорать не вправе,
как огненная линия
в ночи!

(Перевод Ю. ЛЕВИТАНСКОГО)

МЫ В ПОСЛЕДНЕЕ время, думая о будущем, все чаще желаем себе своим близким, всем людям только одного: чтобы не было войны. Мир очень близко стоит перед чертой, за которой — кромешная тьма. Я недавно написал своему другу — французскому художнику: не для того я, пятидесятилетний, дал жизнь двум своим детям, чтобы они погибли или умерли с голода. Люди каждый день слышат об этом по телевидению и радио, читают в газетах и все же никак не могут понять, насколько это опасно.

Сейчас публикуется много исследований о возможных последствиях применения атомного оружия. Никогда не читал ничего более страшного. Совершенно безразлично, у кого сколько ракет и боеголовок. Их предостаточно, чтобы убить жизнь и цивилизацию. Но одной статистики ужасов мало. Важно не просто констатировать грозящую опасность, а взывать к чувствам и разуму людей, чтобы попытаться совместно противостоять этой опасности.

Если принять на веру модную ныне на Западе теорию о том, что человек в этом мире одинок, тогда, действительно, зачем пытаться что-то делать? Но мы говорим здесь о поэзии, а без веры в человека, в его разум, доброту, миролюбие — без всего этого поэзии просто не существует. И коль существует человек — должна быть у него какая-то цель какое-то назначение. Это и любовь, и дети и просто жизнь, которую необходимо оберегать. Так не в этом ли задача поэтов?!

...Но что осталось
от людского рода?
Что — после Атома
и после Водорода?
Проклятье? Ужас?
Ужас и проклятье!
Но ужаснется кто?
Кто, ревьярясь
И проклиная, гневно
вскинет брови?
Гниющие обломки мира?
Грязь,
возникшая из человечьей
крови?
Из мяса вырвавшийся
тополь или клен?
Усеянный костьми
людскими склон?
. . . . . .
Нет, Человечество, —
в верую без меры —
тебя не одолеют
дикие химеры!

Записал М. МАКСИМОВ, спец. корр. «ЛГ»
БУДАПЕШТ—МОСКВА

С. БУПХАНУВОНГ

ВО ИМЯ ОБНОВЛЕНИЯ КУЛЬТУРЫ

В канун VII съезда писателей СССР принимал участие в нашем журнале заместитель главного редактора газеты «Виентьянские литературная и художественная» Симаттон Бупханувонг. Вот что он рассказал корреспонденту «ЛГ» о развитии литературы Лаоса и о становлении новой жизни и культуры.

— На протяжении многих веков наш народ подвергался риску уничтожения как нации. Китайские и таиландские поработители, французские и американские захватчики беспощадно грабили наши национальные богатства, обрекая народ Лаоса на невежество и нищету. Но не только право распоряжаться своим народным достоянием было у нас отнято, нас пытались также лишить возможности культурного развития, насильственным путем отрывая от корней национальной культуры, навязывая чуждые нам языки и традиции.

До освобождения Лаоса от иностранных завоевателей 95 процентов население не умело читать и писать. Преподавание в школах велось не французском и английском языках. Книг на лаосском языке практически не было. Те немногие лаосцы, которые получали возможность учиться, воспитывались на худших образцах реакционной буржуазной мысли или низкопробной литературы, насаждаемой колонизаторами.

Свет Великого Октября указал нам путь борьбы против империалистов. Наш маленький народ, преисполненный веры в победу, вступил в неравный, но справедливый бой за свою свободу. Более тридцати лет продолжалась эта очистительная борьба в которой бок о бок с нами шли и наши вьетнамские братья. Победа далась нам нелегко. Достаточно сказать, что американская авиация сбросила на нашу страну более трех миллионов тонн бомб, разрушила почти все пагоды, уничтожила деревни. Население ушло в леса, в пещеры, но борьба продолжалась.

Прошло всего пять лет после нашего освобождения. Но за это время сделано немало. Процесс восстановление страны, несмотря на все трудности, идет полным ходом. Мы строим новую жизнь, создаем социалистическую экономику. Перед интеллигенцией страны поставлена сложная и ответственная задача обновления духовной жизни народа.

С первых дней республики мы начали борьбу с безграмотностью, создали так называемый ефронт борьбы со слепыми» (так у нас называли тех, кто не умеет читать и писать). И вот всего за пять лет мы добились того, что почти все население страны овладело грамотой. Должен сказать, что в течение всех этих лет огромную помощь в восстановлении национальной культуры оказывают нам Советский Союз. В СССР были изданы первые школьные учебники и детские книги на лаосском языке. Бесценным вкладом в дело воспитания молодого поколения явилось издание на лаосском языке произведений классиков советской литературы — М. Горького, Н. Островского, Б. Полевого и других, также осуществленное с помощью советских издательств.

Нельзя не сказать и о подготовке кадров новой народной интеллигенции, которую мы также ведем с помощью Советского Союза. Множество наших студентов приезжают учиться в вашу страну — в Москву, Ленинград, Киев, Ташкент и другие города, получают здесь высшее и среднее образование, становятся ценными специалистами.

Нам еще предстоит решить много проблем, связанных с повышением общего культурного уровня народа, борьбой с пережитками колониального прошлого в сознании людей. Для этого нужны новые формы работы среди населения и новая литература — литература поистине народного содержания.

Два года назад в нашей стране начала выходить газета «Ваннасин», которая уделяет большое внимание проблемам изучения национального лаосского искусства и народного эпоса, знакомит читателей с наследием революционных мыслителей, произведениями выдающихся писателей социалистических стран. Мы публикуем статьи, стихи и прозу молодых писателей Лаоса, стараемся привлечь в газету как можно больше начинающих авторов, оказываем им практическую творческую помощь. Сегодня уже выросла целая плеяда молодых лаосских литераторов, пользующихся достаточной известностью: Бунтхонг, Пием, Кхамфо, Ампононг и другие.

«Ваннасин» выходит пока всего раз в месяц. Это связано с отсутствием типографской базы, фототехники, нехваткой бумаги. Но, несмотря на все трудности, уже сейчас можно сказать, что газета лаосских литераторов пользуется широкой популярностью. Ее читает все грамотное население страны. И потому мы стремимся, чтобы наше издание превратилось в общественную трибуну, позволяющую широким массам еще глубже постигать великий смысл революционных преобразований и культурного обновления в стране.

ЛИТЕРАТУРА — ЖИЗНЬ МОЯ

...СТУЧАТЬСЯ В КАЖДОЕ СЕРДЦЕ

Михаил ДУДИН

◆ *Беспокойство о беспокойстве*

◆ *Быть сыном Земли*

◆ *Профессия и судьба*

Меня нередко спрашивают: что меня больше всего волнует и беспокоит?

Ожесточение, отсутствие понимания, доброты. Обо всем этом я, как могу, пишу в стихах. Вот недавнее — «Цепная реакция»:

Когда тебя невыносимо
тяжко,
Попробуй сделать хорошо
тому,
Кого гнетет беда
твоей сильнее. —
И сразу полегчает на душе
Сначала у тебя, потом
у человека,
Которому ты сделал
хорошо.
А дальше все пойдет
своим порядком:
На две улыбки посветлеет
сумрак,
На два шага приблизится
рассвет,
И две звезды над хмурым
океаном
Появятся, и мореход
упрямый
На этот раз от гибели
уйдет.

Наше расточительное, а иногда преступно расточительное отношение к природе — тоже одна из моих болей.

Как яблоко на блюде,
У нас Земля одна.
Не торопитесь, люди,
Все выскрести до дна.
Не мудрено добраться
До скрытых тайников,
Разграбить все богатства
У будущих веков.

А БОЛЬШЕ ВСЕГО БЕСПОКОИТ, КОГДА НЕТ БЕСПОКОЙСТВА.

Все великие художники всех времен и народов жили в беспокойстве, даже если их внешняя жизнь казалась благополучной. Гёте был Фаустом и Мефистофелем одновременно. А какой ад таился в душе Льва Толстого, какие противоречия разъедали его, если он, старик, незадолго до смерти не выдержал и ушел из дому?!

На почва благополучие никогда ничего стоящего не вырастало.

Жир жаден и бездарен
И беспощаден жир.
И жиром разбазарен
И предан будет мир.

Мы не должны этого допустить!

Недавно закончился наш VII писательский съезд. Посмотрите, каким беспокойством были пронизаны выступления Юрия Бондарева, Федора Абрамова, Чингиза Айтматова и многих других!

Юрий Бондарев сказал о том, что, как это ни горько, нравственный прогресс и у нас кое в чем начал заметно отставать от прогресса технического. Понятие хорошей жизни стало подчас связываться лишь со всевозможными урбанистическими удобствами. А практицизму не свойственно чувствовать боль ближнего...

Чингиз Айтматов признал, что повышение жизненного уровня имеет, к сожалению, и свои диалектические негативные стороны. Он привел поговорку: «Велика сытость — велико высокомерие». Сигналы тревоги скользят по сознанию людей, занятых сиюминутной жизнью, и — не доходят. А конец света, который человечество представляло в виде потопа или иных бедствий, может наступить не с помощью каких-то внешних сил, а в результате самоистребление, самоубийства человеческого рода, накопившего смертоносные средства.

Федор Абрамов начал свое выступление также с тревоги по поводу гонки вооружений, политической и духовной демагогии. Вот точная цитата: «Мы живем в такое время, в такую эпоху, когда могут сбыться самые мрачные библейские пророчества...».

Какие разные писатели, в обеспокоены, в сущности, одним и тем же. Они выразили с трибуны съезда и мои опасения тоже.

Ты встая, трудовой
Петербург,
и первый начал войну
всех угнетенных
против всех угнетателей,
чтоб тем убить
самое семя войны.

Эти стихи А. В. Луначарского высечены в Ленинграде на гранитных плитах Марсова поля. Мы должны делать все, чтобы «убить самое семя войны». Я возглавляю Ленинградский комитет защиты мира, и работа в нем приносит мне удовлетворение. Потому что я вижу практические результаты. Нельзя забывать что первым декретом Советской власти был Декрет о мире. Когда мы проводили заседания Всемирного Совета Мира, мы начинали их в Смольном, где этот документ был подписан. Чтобы не было войны, мы, писатели, должны стучаться в каждое сердце, к каждому человеку. Идти к нему и с письменным, и с устным словом.

Тревожит меня и не столь глобальное, как жизнь, мир, поэзия.

Беспокоит, например, наша литературная суета, когда творческое общение подменяется канцелярщиной. Когда проблемы изучаются в «ознакомительных» поездках, а не в подлинном единении с жизнью. Главное — духовный опыт писателя. Надо думать и писать. И еще читать, не надеясь на прозрение. Есть очень сильные явления в современной литературе: Маркес — «Сто лет одиночества», «Осень патриарха»; Карпентьер — «Век просвещения»; Хеллер — «Что-то случилось». Я писал уже о романе Ч. Айтматова «И дольше века длится день». Считаю это удачей не только советской литературы, но и мировой. Большие писатели сближают народы. Они учат великому беспокойству. Надо читать и думать. **ДУМАТЬ и ПИСАТЬ.**

Фото В. КРОХИНА

Век наш многогранный. Стремится к страшным скоростям, как бы не подозревая, что чем выше скорость — тем выше ответственность. Наш век — время выработки умения мыслить глобально, умения быть сыном Земли. Мы должны знать друг друга, а для этого — переводить.

В Жуковский совершил подвиг. Зная свое назначение, понимая силу своего таланта, он тем не менее три четверти своего гения потратил на то, чтобы познакомить читающую публику с образцами мировой поэзии. Он и другие прекрасные поэты прошлого века подготовили почву, на которой стали возможны переводы, осуществляемые в наше время.

Сейчас выполнены огромные переводные работы. «Библиотека «семирной литературы» в 200 томах вместила и поэзию Древнего Востока, и античную лирику, Гомера и поэзию средних веков и многовековое другое, поэзию Азии, Африки, Латинской Америки.

Издательство «Художественная литература» завершило еще одно титаническое дело — трехтомник (пять книг) «Поэзия Европы», где представлены поэты XIX и XX веков практически из всех стран Европы. Стихи даны на языке оригинала и по-русски. Рядом с классическими переводами Пушкина, Лермонтова, Жуковского, Тютчева — прекрасные переводы советских поэтов Анны Ахматовой, Давида Самойлова, Леонида Мартынова, Павла Антокольского, Юрия Левитанского, Юнны Мориц, Евгения Винокурова и многих других.

Я перевожу с удовольствием. Даже если эти стихи кем-то переведены до меня. Как бы прослеживаю процесс прорастания дерева стиха. Это увлекательное занятие дает возможность некоего сопереживания творческого процесса, пусть неполного, но прекрасного даже в малой малости.

Я перевел всего Николоза Бараташвили, хотя есть уже ставшие классическими переводы. Но мне захотелось это сделать по-своему. Бараташвили был открыт в Петербурге Княжна Екатерина Чавчавадзе, сестра Нины Грибоедовой привезла на берега Невы свой альбом, куда поэты записывали стихи. Так дошли до России автографы в ту пору мало кому известного юноши, не напечатавшего при жизни ни одной строчки. Теперь это всемирно известный лирик, гордость не только грузинской поэзии.

Эдит Седергран родилась в Петербурге в семье финских шведов. В поселке Рощино (под Ленинградом) на высоком берегу озера стоит памятник, выпиленный из темного камня — это ее могила и памятник. Она не прожила и тридцати лет. Книгу переводов со шведского мы назвали «Возвращение домой». Она «болела» глобальным беспокойством. Впрочем, все, кого я перевожу, — беспокойные люди, думающие о Земле, мире в целом, жизни на земле. Вот и Аветик Исаакян (книга переводов называется «С жаворонком на плече») отличался особенной глубиной сочувствия человеческому страданию.

Только что закончил работу над переводами стихов замечательного армянского поэта Ашота Сагиана. Публикация предполагается в журнале «Дружба народов».

Поэзия наша советская хороша своим разнообразием. В ней сознательно или бессознательно идет общение разных языков. Это очень интересное явление. Русские издают на своем языке литературу других народов страны, а народы нерусские переводят для себя и русских, и других братских писателей.

Переводят у нас очень много, и многое делается для того, чтобы не упустить все самое стоящее, заметное. Талантливое. И все же замечательно было бы создать специальное издательство для выпуска книг, переведенных с языков народов СССР. Основы для него уже заложены при журнале «Дружба народов». Все необходимые силы есть, нет только формального объединения этих сил.

Переводное дело надо всячески поощрять и развивать. Ибо именно оно помогает великой ленинской идее братства. Мы отмечаем дорогие слова «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и душевные, добрые народы, распри позабыв, в семью семью предстанут». Поэзия многое может для этого сделать.

Александр Сергеевич Пушкин не называл себя поэтом. Он был, по его, жизнь сверстника — все узловые моменты России.

Познание мира идет через сознание и внешнее. Если нет у поэта своего опыта, знания и навыка, он должен обладать таким сочувствием, которое равно самой боли.

И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...

ПОЭЗИЯ НЕ ПРОФЕССИЯ, А СУДЬБА. Жизнь всякого раз доказывает правоту этой мысли.

До войны Ольга Берггольц была неприметным сотрудником. Война обрушилась на нее всей тяжестью. И молодые плечи приняли этот груз. Было немало мужчин-поэтов в блокированном городе, но время выбрало ее. Песня женского голоса стала символом мужества ленинградцев.

А вот другая судьба, тоже мне очень близкая. В начале июня 1941 года мать отвезла в деревню Горбово Псковской области своего сына, десятилетнего Глеба. Она везла его на летний отдых. А свиделись они через пять лет. Сын ее прошел через лагеря Европы. Видел пытки, смерть. Был расстрелян. Выжил и стал поэтом Глебом Горбовским. Я много лет наблюдал, как сплетаются с не с отчаяние, как возникает любовь. В последних книгах стихов и поэты — пронзительный взгляд на человечество и человека, вера в него. Я удивляюсь стойкости души, прошедшей через фашистский ад и нашедшей светлые истоки времени. Считаю творчество Г. Горбовского одним из заметных явлений в современной литературе.

Самое странное — изменчивые литературы. Это относится как к мыслям, идеям произведений, так и к их формам. Надо ставить большие, огромные задачи перед собой — только тогда удача, если будет, будет высокой значительной. А если преодолевать маленькие препятствия — то и победа окажется маленькой, незаметной.

Хочется МЫСЛИ, МАСШТАБНОСТИ ВЫСОТЫ.

Что касается формы, то она неотделима от содержания. Я — за поэт, который умеет делать все. Александр Сергеевич Пушкин и трагедии писал, и эпиграммы. У нас же подчас идет «специализация» по жанрам: есть писатели, которые могут работать только в одном (!) жанре.

Поэзия должна жить вечным, как у Шекспира: «Я умер бы, но всех невзгод устав, чтоб кровную не видеть нищету, и веру справедливости без прав, и праздного ничтожества тщету...» и т. д. Как у Пушкина: «Я вас любил... так искренно, так нежно...»

Почти три тысячи лет тому назад писала Сафо. Есть у нее рифмы или нет — неважно. Есть откровение женской души — и это живет и будет жить. Возьмите Лорку, Неруду, Арагона, Рождественского, Хикмета, Луговского, Антокольского, Прокофьева, Смелякова, Кулиева, Кугультинова, Ушакова. Настоящие художники держат связь времен.

Они чувствуют дальше, еще до времени. Помните, у Бунина?

Один я был в полночном
мире, —
Я до рассвета не уснул.
Слышней, торжественней и
шире
Шел моря отдаленный гул.
Один я был во всей
вселенной,
Я был как бог, ее —
и мне,
Лишь мне звучал тот
довременный
Глас бездны в гулкой
тишине.

Журнал «Нева» печатает в одном из ближайших номеров ранее никогда не публиковавшиеся стихи Николая Тихонова. Там есть замечательные строки о том, что поэт должен быть впереди. Его назначение — быть первопроходцем, разведчиком, вслед за которым придут другие.

Разведчик я.
Лишь нагибаю ветки,
Стволы рубцую
знаками разведки,
Веду тропу, неутомим,
Чтобы товарищ меткий
Воспользовался опытом
моим.

Это — завещание Тихонова всем нам.

Я говорил уже чуть раньше, что много у нас суеты. Впрочем, так было всегда. Но ведь суета уходит, а истинное остается.

Запись Галины СИЛИНОИ

ДОБРАЯ ТРАДИЦИЯ

Приуралье сыграло в свое время большую роль в процессе сближения русского и казахского народов, оно притягивало внимание многих русских писателей — А. Пушкина и Л. Толстого, В. Даля и В. Короленко, Г. Державина и В. Жуковского. И потому не случайно именно в Уральской области прошли Дни казахской литературы, посвященные 250-летию добровольного присоединения Казахстана к России. В них приняли участие 30 ведущих литераторов республики во главе с первым секретарем правления СП Казахстана Дж. Мундагалиевым.

Была проведена теоретическая конференция на тему «Современное село и его отображение в казахской литературе». В Уральске состоялось выездное заседание секретариата правления СП Казахстана, на котором секретари правления писательской организации республики, главные редакторы печатных органов СП, ответственные работники издательств обсудили творчество молодых писателей Приуралья, деятельность местных литобъединений и Уральского межобластного отделения СП Казахстана.

Дни казахской литературы в Уральской области, прошедшие вскоре после завершения работы VII съезда писателей СССР, были насыщены интересными, плодотворными встречами художников слова с тружениками Приуралья, творческими беседами о проблемах жизни и литературы. Они завершились большим праздником книги.

В проведении Дней казахской литературы в Уральской области приняли участие первый секретарь Уральского обкома Компартии Казахстана М. Б. Иксанов, другие ответственные партийные и советские работники области.

Такие мероприятия стали доброй традицией в многообразной работе СП Казахстана. В ближайшее время Дни казахской литературы начинаются в Карагандинской области.

А. САМОЙЛЕНКО,
соб. корр. «ЛГ»

АЛМА АТА

НАМ СООБЩИЛИ

ДЕНЬ ПОЭЗИИ В СЕЛЕ СОВЕТАШЕН

Небольшое высокогорное село Советашен. Здесь родился талантливый армянский поэт Паруйр Севак. Недалеко от этих мест десять лет назад трагически оборвалась его жизнь. И вот под сенью посаженного и выращенного им сада состоялся День поэзии, в котором участвовали представители литературной общественности Еревана, других городов и районов республики, тысячи любителей поэтического слова. Вступительное слово произнес председатель правления СП Армении В. Петросян. Звучали стихи П. Севака и строки, посвященные ему.

В заключение поэт Р. Овнесян горячо поблагодарил правление СП Армении, Араратский райком КП Армении и исполком райсовета, всех участников мероприятия за организацию этого праздника. В тот же день был открыт мемориальный музей Паруйра Севака. Ленту у входа в здание разрезал министр культуры республики Г. Араклян. Первые посетители знакомились с материалами, рассказывающими о жизни и творчестве автора «Несмолкающей колокольни».

Отныне День поэзии в родном селе Паруйра Севака будет проводиться каждый год.

Наш корр.

ЕРЕВАН

ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНИКА

На Новодевичьем кладбище состоялось открытие памятника поэту Сергею Васильеву. Вступительное слово на митинге посвященном этому событию, произнес Ю. Прокушев. Выступили секретарь правления СП СССР А. Кешоков, секретари правления СП РСФСР А. Алексин и Н. Доризо, писатели В. Ибрагим (Азербайджан), А. Пляхин (Курган), В. Авдеев, И. Денисова, Л. Ошанин, М. Соболь, представители других творческих союзов.

В ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

Советская литература понесла большую утрату. Ушел из жизни Сергей Сергеевич Наровчатов — видный советский писатель и общественный деятель, депутат Верховного Совета РСФСР, Герой Социалистического Труда, секретарь правления Союза писателей СССР, главный редактор журнала «Новый мир».

В траурном убранстве Центральный Дом литераторов. На высоком постаменте — гроб с телом покойного. На алом бархате — золотая медаль «Серп и Молот» Героя Социалистического Труда, ордена и другие награды, которых писатель был удостоен за заслуги перед народом.

— Мы прощаемся сегодня с Сергеем Сергеевичем Наровчатовым, поэтом, коммунистом, человеком большого и яркого дарования, человеком, самоотверженно выполнявшим свой долг писателя и бойца. Таким он был, и таким мы навсегда запомним его, — сказал, открывая траурный митинг, секретарь правления СП СССР С. В. Сартаков.

О вкладе С. С. Наровчатова в развитие советской литературы, о его многосторонней общественной деятельности говорили секретарь правления СП СССР В. В. Карпов, секретари правления Московской писательской организации И. Ф. Стаднюк и В. А. Костров, главный редактор журнала «Вопросы литературы» М. Б. Козьмин.

На траурном митинге присутствовали заведующие отделами ЦК КПСС Е. М. Тяжельников и В. Ф. Шауро, заместитель Председателя Совета Министров РСФСР В. И. Кочемасов.

Похороны состоялись на Кунцевском кладбище.

СЛОВО ПРОЩАНИЯ

На 82-м году жизни после тяжелой, продолжительной болезни скончался один из старейших советских писателей — Эмилий Львович Миндлин.

Э. Л. Миндлин принадлежит к славному поколению ветеранов нашей литературы. Вскоре после освобождения Крыма от белогвардейцев приказом Феодосийского ревкома он был назначен в отдел искусств, занимался созданием местного музея народных библиотек, народного университета культуры, первым ректором которого стал В. Вересаев.

Затем Э. Л. Миндлин прочно связал свою деятельность с советской печатью, публикуясь в «Огоньке» с момента его основания, во многих центральных газетах. По заданиям редакции Э. Л. Миндлин неутомимо путешествует по стране, публикует репортажи с Днепростроя, других великих строек первой пятилетки, сотрудничает в горьковском журнале «Наши достижения». В 1928 году ему довелось принять участие в знаменитой арктической спасательной экспедиции на ледоколе «Красин», отправившейся на помощь потерпевшему аварию дирижаблю Умберто Нобиле.

Книга об этой экспедиции, вскоре переведенная на многие европейские языки — «Не «Красин», — стала первой книгой молодого писателя.

За годы работы в литературе Э. Л. Миндлином создано много талантливых книг, в том числе яркая, запоминающаяся книга воспоминаний о деятелях русской советской культуры «Необыкновенные собеседники».

До последних лет жизни Э. Л. Миндлин сохранил живость ума, высокое мастерство, необыкновенную работоспособность. В последнее десятилетие им созданы в серии «Пламенные революционеры» Политиздата книги «Не дом, но мир» — об Александре Коллонтай и повесть «И поднимется рука...» — о Петре Алексееве.

Светлый образ Э. Л. Миндлина, литератора, требовательно относившегося к своему творчеству, человека широкого кругозора, посвятившего всю свою жизнь служению литературе, надолго останется в сердцах его товарищей по перу.

СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР.
СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР.
СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ МОСКОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СП РСФСР

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении поэта Реймериса В. К. орденом Дружбы народов

За заслуги в развитии советской литературы и в связи с шестидесятилетием со дня рождения наградить поэта, главного редактора газеты «Гимтасис краштас» («Родной край») тов. Реймериса Вациса Казимеровича орденом Дружбы народов.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. БРЕЖНЕВ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ.
31 июля 1981 г.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Козловского Я. А. орденом «Знак Почета»

За заслуги в области советской литературы и в связи с шестидесятилетием со дня рождения наградить писателя Козловского Якова Абрамовича орденом «Знак Почета».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. БРЕЖНЕВ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ.
29 июля 1981 г.

НОВЫЙ МУЗЕЙ

У ЕСЕНИНА В ТАШКЕНТЕ

«Дружба с русской литературой приобщила нас к ее богатствам, помогла нам правильно понять, по достоинству оценить и есенинскую поэзию. Очень русский поэт, Сергей Есенин сделался родным и для нас, узбеков. И если Есенин «тянулся» к Востоку, то сейчас поэты Советского Востока тянутся к нему, черпают в его поэзии то, что им органично, близко». Эти слова народного поэта Узбекистана Гафура Гуляма открывают один из разделов музея Сергея Есенина, созданного в Ташкенте на общественных началах.

Восток манил Есенина. Поэт исколесил Кавказ и Закавказье, побывал в мае 1921 года и в Средней Азии. «Вспоминаю сейчас о Туркестане. Как все это было прекрасно!» — писал он после этой поездки. И организаторы музея поставили перед собой задачу сохранить память ташкентцев о выдающемся русском поэте, собрать документы, воспоминания людей, встречавшихся с ним во время его пребывания в Ташкенте, Самарканде, Бухаре.

Сергей Есенин прибыл в Ташкент три недели, и материалы музея, и записанные свидетельства очевидцев рассказывают о многочисленных литературных вечерах, проведенных им в этом городе, в частности о вечере, состоявшемся в туркестанской Публичной библиотеке. Есенин читал одно стихотворение за другим. Люди стояли в дверях, на подоконниках, на улице. И сейчас в комнатах музея звучит записанный на пластинку голос поэта — монолог Хлопуши из этой поэтической драмы, законченной и впервые прозвучавшей шесть десятилетий назад здесь, в Ташкенте.

Один из стендов музея повествует о первой встрече Есенина в этом городе с поэтом Александром Ширяевцем, стихи которого он высоко ценил. (Их могилы ныне рядом на Ваганьковском кладбище в Москве.)

Посетители музея с интересом вчитываются в дарственную надпись на титульном листе книги «Исповедь хулигана»: «Маргоше. С лучшими пожеланиями. С. Есенин. 1921, 25 мая. Ташкент». Эту книгу, как и другую, «Трерядница», с аналогичной надписью Сергей Есенин подарил близкому другу Ширяевца — библиотекарю Маргарите Петровне Новикиной, которая и ныне живет здесь.

Тут можно увидеть и прижизненные издания стихотворных сборников поэта — дар музею доктора филологических наук П. И. Тартаковского, и четыреста экслибрисов, посвященных Есенину, из коллекции кандидата филологических наук С. И. Зинина.

Есенинская тема стала главной в творчестве молодого ташкентского художника В. В. Николюка, одного из главных инициаторов создания этого музея и его общественного директора. Более ста картин написал Николюк на родина поэта — в рязанском селе Константиново. 10 из них он подарил тамошнему музею Есенина, 35 его полотен стали экспонатами нового музея в Ташкенте.

Идут и идут люди на Высоковольтный массив, а дом № 23, в музей Сергея Есенина.

В. ТЮРЯКОВ,
соб. корр. «ЛГ»

ТАШКЕНТ

ИНТЕРВЬЮ ПОСЛЕ СОБЫТИЯ

АКТУАЛЬНЫЙ РАЗГОВОР

В Калининграде состоялся выездной пленум совета по очерку и художественной публицистике Союза писателей РСФСР. Корреспондент «ЛГ» попросил рассказать о его работе секретаря правления СП РСФСР, председателя совета В. ПОВОЛЯЕВА:

— Выступая с отчетным докладом на VII съезде писателей СССР, первый секретарь правления СП СССР Г. Марков говорил: «Яким отражением жизнедеятельности литературы, ее высокой общественной активности, вмешательства во все дела и проблемы народа является наша публицистика. Литература достигла на этом направлении немалых успехов». Анализу достижений и имеющихся еще недостатков обсуждению задач публицистики был посвящен пленум нашего совета, деловой настрой работы которого определил дух недавно завершившегося всесоюзного писательского съезда.

Мне было поручено сделать доклад «Публицистика и современность». Этот жанр литературы теснейшим образом связанный с созидательной жизнью страны, с замечательными свершениями нашей партии и народа, всегда являлся боевым наступательным. Вопросы экономики и нравственности, проблемы внутренней и международной жизни, пропаганда достижений в разных отраслях народного хозяйства и деловая, конструктивная критика — все это круг интересов писателя, по-граждански активно участвующего в коммунистическом строительстве.

Традиции советской публицистики, освященной именем основоположника советской литературы М. Горького, живут и плодотворно развиваются. Успешно работают в этом трудном жанре те писатели, которые обладают верным чувством современности, четкой партийной авторской позицией и, разумеется, ярким, образным языком, без которого любой, пусть даже самый злободневный материал безнадежно сер и невыразителен.

Очерки и публицистика, посвященные жизни рабочего класса, крестьянства, интеллигенции, привлекали внимание широкой общественности к наиболее актуальным проблемам, посредством чего оказывали влияние на те процессы, которые происходят в жизни общества зрелого социализма.

В серьезном заинтересованном разговоре на пленуме приняли участие писатели Москвы, Ленинграда, ряда областей и автономных республик России, журналисты, работники издательств.

По традиции, давно уже существующей в практике организационно-творческой работы союза российских писателей, состоялись встречи участников пленума с тружениками области, прошел большой литературный вечер «Россия — Родина моя». В дар калининградцам была передана библиотека из книг, написанных съехавшимися в Калининград литераторами.

Хочется думать, что встреча литераторов России, прошедшая на балтийских берегах, принесет пользу и послужит дальнейшему развитию одного из важнейших жанров литературы.

ЧИТАТЕЛЬ СООБЩАЕТ

ПИК ТУРСУН-ЗАДЕ

Альпинисты Таджикистана тремя группами под общим руководством мастера спорта Виктора Галактионова совершили восхождение на одну из ранее безыменных вершин-«шеститысячников» Памира и в ознаменование 70-летия народного поэта Таджикистана присвоили ей имя Мирзо Турсун-заде.

На вершине установлена мемориальная доска, изготовленная из алюминия, производимого в городе Турсун-заде, и капсула с землей из кишлака Каратаг, родины поэта.

На юго-западном Памире, где протянулся Шахдаринский хребет, у заоблачных вершин не единственное писательское имя: рядом — пики Маяковского и Лунницкого...

В. МАШКОВ,
мастер спорта
по альпинизму

ДУШАНБЕ

Ариф ГАДЖИЕВ

БЛАГОРОДНАЯ ЗАДАЧА

Вопросы творческого взаимодействия в «Литературном Азербайджане», «Литературной Грузии», «Литературной Армении»

ОДНО из величайших завоеваний социализма — интернациональное единство и дружба народов нашей страны. Как писал выдающийся советский поэт Николай Тихонов:

Эта дружба народы спаяла,
Их в великом единстве собрав,
Как в печах чудотворных Урала
Превратившись в неведомый сплав.

Неоценимую роль в дальнейшем укреплении этого великого единства играет советская литература, создаваемая на 77 языках народов СССР. Накоплен богатейший опыт развития и творческого взаимодействия всех национальных литератур и этот «живительный процесс все более интенсивного их сближения и взаимообогащения», о котором говорилось на VII съезде писателей страны, требует глубокого теоретического осмысления. Большая ответственность в решении этой благородной задачи ложится на литературные журналы.

Обширен и многообразен материал по литературным взаимосвязям на страницах таких закавказских журналов как «Литературный Азербайджан», «Литературная Грузия», «Литературная Армения», издающихся на русском языке. Материал этот можно увидеть в разделах и рубриках публицистики, литературного наследия, литературоведения и литературной критики, рецензий, воспоминаний, юбилейных дат...

Журналы региона продолжают свои лучшие традиции. Как всегда, значительное место отводится материалам о связях азербайджанской, грузинской, армянской литератур с русской литературой дореволюционного периода. Так в прошлом году читателям «Литературной Грузии» были предложены работы «А. С. Пушкин и его грузинское окружение в критических статьях Георгия Леонидзе» Е. Киасашвили, «Я. П. Полонский и «тифисский» период его жизни» Д. Батешвили, «У Грузии большое и славное будущее» (о А. Куприне) И. Исакадзе-Кротенко. Привлекают внимание статьи «Периодическая печать Грузии в русском литературном процессе во второй половине XIX века» Н. Поракишвили, «Обращаясь к истокам» Ц. Казандадзе и некоторые другие. В этом же ретроспективном плане выполнены статьи «Литературной Армении»: «Пушкин и Армения» М. Амирханяна, «Роль С. Лисициана в развитии русско-армянских связей» Г. Гарибджаняна. Читатель «Литературного Азербайджана» познакомился с суждениями русских писателей и критиков о великом Низами Гянджеви («Русские и советские писатели о Низами» С. Турабова), с публикациями о связях Н. Н. Муравьева с Азербайджаном первой половины XIX века («Друг декабристов» Г. Бабаева) и др. Несомненно, в истории литературно-культурных связей русского и закавказских народов немало еще значительных и ярких страниц, которые необходимо сделать достоянием читателей.

Вместе с тем нельзя не заметить недостатка в материалах, посвященных проблемам сегодняшних литературных взаимосвязей, а в публикациях ретроспективного характера нередко попадают факты, как говорится, не первой свежести. Отдельные статьи носят описательный характер, грешат фактическими неточностями, преувеличением историко-литературной ценности тех или иных привлекаемых фактов.

Бросается в глаза, что журналы неоправданно много места отдают юбилейным датам. Это особенно характерно для вкусы «Литературного Азербайджана», который всего в семи номерах «выдал на-гора» 19 статей к четырнадцати датам! Конечно, год на год не приходится, но такую щедрость может позволить себе разве что ежедневная газета, а не ежемесячное издание с ограниченным тиражом. Этот материал в принципе был бы интересным по содержанию, скажем статьи о Блоке в «Литературной Грузии», но беда в том, что он как правило носит информационный, нередко неквалифицированный, а порою даже компилятивный характер.

«Литературная Армения» отдает предпочтение статьям историко-литературного свойства, причем чаще делает акцент на том, какое распространение, какую оценку получает армянская литература в других странах, у других народов. Явления же обратного порядка — скажем, влияние русской литературы на армянскую, обогащение армянской литературы опытом других национальных литератур — не всегда попадают в поле зрения журнала.

В этом отношении «Литературная Грузия» представлена более разнообразными жанрами. Здесь и письма К. Гамсахурдиа к П. Тычине, Н. Тихонова, П. Антокольского, К. Симонова, Б. Пастернака, П. Панченко к грузинским друзьям, согретые душевным теплом и чувством духовного братства, и серьезные научные исследования («Очаги древнегрузинской литературы за рубежом» А. Менабде, «Лойош Тарди — картвелолог» Г. Шарадзе, «О пребывании польских революционеров в Закавказье во второй половине XIX века» З. Швелидзе и др.).

Импонирует в «Литературной Грузии» и практика литературоведческих взаимосвязей. Так, в нескольких номерах журнала за «круглым столом» русские, украинские, латышские, казахские ученые ведут заинтересованный разговор о современном грузинском историческом романе. Отрадным и достойным примером является активное участие в «Литературной Грузии» русских писателей-критиков. Укажем на статьи В. Осоцкого о романе Б. Окуджавы и трилогии Г. Абашидзе, С. Рассадина о поэзии О. Чиладзе. Менее активна в жанре литературоведческих взаимосвязей «Литературная Армения» (можно отметить небольшие статьи А. Озерова о поэзии Г. Эмина и С. Рассадина о поэзии С. Капутикян). Вовсе перестал привлекать авторов со стороны «Литературный Азербайджан».

Чем это вызвано? Отсутствием «желающих»? Думается, нет. Ведь имена критиков и писателей из Москвы и других городов часто встречаются под предисловиями к поэтическим и прозаическим сборникам азербайджанских авторов в московских изданиях. Почему бы им не выступать и в «Литературном Азербайджане»? Почему, на его страницах не появляются, скажем, диалоги между московским критиком и азербайджанским писателем, два мнения об одном произведении и т. д.?

Журнал мог бы предоставить слово критикам из других республик по поводу тех или иных значительных произведений современной азербайджанской литературы. Такие формы взаимосвязей, думается, дали бы возможность критикам республики мыслить всесоюзными критериями в оценке явлений и процессов современной национальной литературы. К сожалению, журнал пока занимает выжидательную позицию, ждет, когда первыми выскажутся «Дружба народов» или «Литературная газета».

Довольно скудны и по количеству, и по общему, условно говоря, качеству статьи самих азербайджанских критиков. Из годового комплекта журнала можно увидеть лишь две попытки рассмотреть явления азербайджанской литературы на современном этапе в контексте всей многонациональной советской литературы. Это опыт сопоставительного анализа поэзии Р. Рзы и А. Вознесенского («Стакан синевы — без стакана» С. Алиева) и статья о драматургии И. Касумова («Размышления о судьбах героев» С. Османлы). Но если в первом случае автор больше доверяет цитируемым критикам, чем самому себе, то во втором — чрезмерная, отличающаяся в редкой в практике журнала теоретической обобщенностью статья, мне кажется, проигрывает из-за усложненности языка. В целом интересная статья «На подступах к главному» С. Алиева — о женских образах в новой азербайджанской прозе — локализована, к сожалению, границами национальной литературы, хотя у автора были широкие возможности для сопоставления и типологических обобщений.

Впрочем, этот упрек можно отнести и к статьям Д. Гасparена «Требования времени и литература молодых» («Литературная Армения») Г. Бенашвили «Новая волна» грузинской прозы» («Литературная Грузия»).

Можно заметить, что журналы охотно вспоминают и Италию («Итальянская тетрадь» А. Кюрчайлы в «Литературном Азербайджане»), и Германию («Лессинг и армянская литература» Д. Карапетян в «Литературной Армении») и страну Басков («Введение в баскскую современность» Ю. Эльцаря в «Литературной Грузии») но почему-то забывают более близких соседей. В самом деле, на страницах «Литературной Армении» за 1980 год мы не найдем ни одной статьи, ни одной рецензии, ни одной информации о явлениях азербайджанской литературы. Единственное событие из истории грузинской литературы — 275-летие Д. Гурамишвили журнал отмечает стихами самого же Д. Гурамишвили. В течение года в «Литературной Грузии» появилась лишь небольшая статья А. Бостанджян «Поэзия сближает народы» — об изучении С. Мхаргдзели армянской литературы и «воспоминание» В. Чаниидзе «Мирза Фатали Ахундов и Григол Орбелиани» с явными историческими неточностями. «Литературный Азербайджан» отмечает 60-летие Армянской ССР стихами азербайджанских поэтов.

Не чувствуется между нашими журналами необходимой координации, своеобразной литературной «кооперации». Почему бы, скажем, критикам одной республики не участвовать в журналах других республик? Верно замечает А. Руденко-Десняк, что нельзя ограничиваться интересом к дальним странам или своими литературными именами, что не следует упускать продотворные возможности глубже проникать в жизнь, быт, культуру народов, рядом с которыми, вместе с которыми живем («Литературная Грузия», № 2, 1980).

Жаль, что «Литературная Армения» и «Литературная Грузия» остались безучастными к Всесоюзной творческой конференции писателей «Дружба народов—дружба литератур», проведенной в Баку в октябре прошлого года. Между тем проблематика этой конференции была обращена именно к всесоюзной читательской аудитории, отражала явления всей многонациональной советской литературы. Как говорил в своем докладе кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана тов. Г. А. Алиев, «советское литературоведение призвано глубоко исследовать опыт нашей прозы и поэзии, в частности, по отображению дружбы братских народов, тенденции и достижения процесса взаимовлияния и взаимообогащения национальных литератур. Сделано в этом направлении немало, но предстоит значительно больше. Речь идет о более полном выявлении общих закономерностей интернационального развития единой и многонациональной советской литературы конкретном воплощении этих закономерностей в жизни отдельных национальных литератур».

Общие направления журналов и в этом году остались прежними. «Литературная Грузия» продолжает линию историко-теоретического освещения литературных взаимосвязей. «Литературная Армения» освещает имена и явления, имеющие отношение прежде всего к армянской культуре и литературе. «Литературный Азербайджан» по-прежнему занимается культурно-просветительской деятельностью и уже в трех номерах этого года дал одиннадцать юбилейных статей-справок. Если на этом строить прогнозы, то до конца года должно появиться еще 33 таких материала.

Была опубликована, правда, довольно удачная обзорная статья А. Гусейнова об азербайджанской журнальной прозе за два года. Работа серьезная, основательная, но она лишена опять же общесоюзного контекста. Одному конкретному факту из истории взаимосвязей «Литературная Армения» или «Литературная Грузия» посвящают развернутые статьи «Белорусские страницы биографии Наири Зарьяна» Т. Лиокумович, «Зарубежная пресса о грузинском ученом» (о К. Кекелидзе) С. Турнавы. «Литературный Азербайджан» дает всего полторы страницы П. Литвинову для выступления о переводах на европейские языки целой сотни азербайджанских писателей.

Недостатка в темах и конкретных поводах для серьезных выступлений нет. Но, как видим, не хватает им системы, соотнесенности с живой практикой литературного развития. Между тем лучшие материалы трех закавказских русских журналов говорят о том, что они могут глубоко и всесторонне освещать процессы взаимовлияния, способствуя тем самым творческому обогащению каждой литературы, интернациональному воспитанию трудящихся. Эта благородная задача вытекает из решений XXVI съезда нашей партии.

БАКУ

Политический автограф

Емилиан БУКОВ:

Страна Советская,
Готов я сдвинуть горы,
Чтоб передать я бесхитростных словах
Твои необъятные просторы
И твоего строительства размах.

Фото А. КАРЗАНОВА

читая журналы

ТРЕВОЖНАЯ СОВЕСТЬ

Григорий Бакланов. «Меньший среди братьев». Повесть. Журнал «Дружба народов», № 6, 1981.

ПРОЗА Григория Бакланова органична, и подвергать ее анализу очень непросто. Ее трудно разъять, расчленить, чтобы увидеть конструкцию и исчерпать глубину — за одним пластом повествования открывается следующий, смысловой горизонт отступает, художественное пространство становится все сложнее.

И делясь впечатлением о последней работе писателя, хочется просто ее всю пересказать. Удерживает лишь то, что в повести «Меньший среди братьев» нет в общепринятом смысле слова сюжета — этого хоть и проверенного способа организации материала, но все же зачастую обнажающего деланность, рукотворность произведения.

Для автора, видимо, крайне важна была достоверность, «всамделишность» интонации, потому что речь идет в повести о вопросах важнейших и сокровенных, для разговора о которых необходимо не только высочайшее мастерство, но и непросто дающаяся честность художника.

Главный герой — историк, он прошел уже большую часть своей жизни, в молодости воевал, а сейчас преподает в одном из столичных вузов. Повествование идет от его лица. С первых же страниц мы оказываемся во власти не ослабевающего до самого конца напряжения и какой-то смутной тревоги, неверное, оттого, что становимся свидетелями и невольными соучастниками интенсивного мыслительного процесса человека умного, глубокого и проницательного.

Непросто обозначить жанровое своеобразие книги. Повесть-исповедь, повесть-эссе, философская повесть, семейная... И то, и другое и третье верно. Но даже все вместе взятые перечисленные подходы вряд ли позволят проникнуть в целостный мир произведения, не спрямив его замысла. Всякое истинно новое содержание рождает и новую форму, сущность которой не исчерпывается уже наработанными готовыми эстетическими понятиями. А на первый взгляд повесть выглядит просто. И своим построением, соразмерностью частей и целого, точно выверенной сменой темпа повествования, постоянно ощущаемым внутренним ритмом, своей гармоничностью напоминает более всего музыкальное произведение. Но это та простота, которая тяжелее всего дается и очень дорого стоит.

Создать образ человека-мыслителя, творческого человека, отобразить круг важнейших проблем, его волнующих, — эта задача для искусства всегда была одной из сложнейших. Каковы же основополагающие черты этой личности, те, что составляют ее ядро? Прежде всего аналитичность ума и проницательность. Илья Константинович находится в состоянии постоянного анализа мира и себя самого. Он не ищет кого-то третьего, кто должен ответить за все и на все. Его вопросы обращены прежде всего к себе самому. Мысли его выношены, глубоки, нетривиальны, часто афористичны. И что особенно важно — это не умничающий ходульный персонаж, изрекающий мудрости, а полнокровный человек, в котором живой болью отзывается жизнь.

Он умен и не мелок, этот профессор истории, и своим существом обращен к тем вопросам, которые принято называть «проклятыми», принадлежащими к ведению философии, к тому, что называлось когда-то «последними вопросами человеческого бытия», — к проблемам смысла жизни. Его работа приносит ему счастье. «Мне надо два года жизни, и я закончу книгу», — говорит он о труде, который считает главным своим назначением. «Я расскажу непредвзято, как из тысяч причин, из миллионов усилий и воль, то сливавшихся вместе, то взаимоисключающих, из гениальных прозрений и тупости, из всего, что не зависимо от нас и от нас зависит, слагалось дошло до критической точки, и взорвалось одно из величайших бедствий, всемирная катастрофа, названная в дальнейшем второй мировой войной, как это было, как смогло стать, как многого могло не быть». Взгляд его на историю — это взгляд гуманиста. Думая о мере, которой можно измерить деяния великих исторических личностей, он говорит, что эта жизнь «обыкновенных людей, как она сложилась в конечном счете». При таком подходе к материалу на первый план неизбежно выйдет этический аспект любой исторической проблемы и это в полном характера главного героя.

Но почему же тогда к Илье Константиновичу добившемуся в своей жизни немалого, к нему, в котором чувствуются незаурядность и человеческая значительность, многие близкие люди относятся с жалостью? Почему преуспевающему профессору с некоторых пор становится стыдно своих студентов? Почему он говорит про себя «Я устал прибираться душой»? Почему, почти не прерываясь, слышно в повествовании тревожное «Ведь это не день прошел, это жизнь проходит»?

И тут мы видимо, приближаемся к главной основной теме книги. Как у любого инструмента в симфоническом произведении есть свои темы, так здесь есть своя тема у всех персонажей. Есть она и у повести в целом «В мои годы уже, как говорится не на ярмарку, а с ярмарки, но я все ищу мудреца, который знает, как правильно жить». Как правильно жить, как пройти путь до цели — вот главный мотив, который преобразовываясь и видоизменяясь проходит сквозь всю книгу, вот вопрос, не задав себе который, можно потерпеть крушение.

Очень явственно звучит в книге и мотив выбора, выбора в глобальном, философском значении этого слова, а ведь это тоже вариации на тему как жить. Конечно, универсального ответа на этот вопрос не найти, но может существовать некое мерило, точка отсчета. И отечественная история такую точку отсчета нам предлагает. Это нравственный пример поколения людей — участников Великой Отечественной войны. Отсвет великой трагедии углубил перспективу, лег на страницы о сегодняшних днях. Фронтовики сделали главное, что должен делать человек в такую пору, не уронили себя, и это осталось с ними. Чтобы не уронить себя тогда нужно было достойно умереть, достойно отдать свою жизнь, не случайно герои оставшихся после войны в живых называет получившими второе рождение. А теперь, чтобы не уронить себя, нужно достойно прожить жизнь. И, конечно, самый большой спрос с людей, которым многое дано, многое открыто.

Илья Константинович — человек, не осуществивший себя в полной или, вернее, в должной мере. Мотив осуществления — еще одно преобразование темы о смысле бытия. Не всегда отпущенные человеку «силу и страсть» герои расходуют на главное.

Художественно и емко сложный характер Ильи Константиновича выразился в любви. Его жена — один из самых ярких персонажей книги, в некотором смысле антипод мужа и образец воинствующего мещанства и бездуховности. Но эти слова лишь в самых общих чертах могут обозначить Киру. Необходимо самому прочитать и увидеть, как она хищно ест, как приобретает престижные вещи (у нее даже чувственность разгорается от удачной покупки), как инстинктивно стремится затоптать след всего, что было до нее, как идет к цели — самому прочитать и увидеть, чтобы почувствовать и понять, какой это звероподобный тип человека и с какой мощью воссоздан он. Заветную работу мужа предвидя ее дискуссионный характер и предчувствуя, что она вряд ли принесет лавры, Кира называет «несвоевременной книгой». Но у Ильи Константиновича есть любовь — одинокая бескорыстная женщина, Лёля бескорыстна не только материально, но и духовно: ни разу она не хвалила своего возлюбленного, если нужно было идти против совести. И понимая это, немолодой профессор относится к ней не только с нежностью, но и с глубоким внутренним уважением. «Когда-нибудь я останусь здесь я знаю. Приду и не уйду, и уже останусь совсем» — думает Илья Константинович дома у Лёли. А потом следует фраза, которая очень многое в нем раскрывает. «Но еще не сейчас». И мы понимаем, что здесь мироощущение Ильи Константиновича переплетается со взглядами его жены. «Не сейчас», «несвоевременная книга» — будто для правды и любви должно назреть какое-то особое время. В душе у Ильи Константиновича многое сошлось — и хорошее и дурное, поэтому-то люди искренние и цельные его жалеют, поэтому его не хватает на добрые дела. Но именно его беспощадность к себе самому дает право верить, что он реализует то лучшее, что в нем заложено.

Век человека измерен — постоянно автор будоражит в нас это чувство, — смерть может витать над ним поэтому, осознав свое назначение, должно ему служить не откладывая ни на день ни на час, иначе упустишь не исполнив самого главного. Сделает ли Илья Константинович этот последний шаг в своем нравственном становлении творческой личности? В конце повествования судьба грозно предупреждает его сильнейшим сердечным приступом. Успеет ли?

В рамках рецензии невозможно проанализировать хотя бы более или менее полно поэтику последней интересней книги Г. Бакланова, галерею ее неистину сегодняшних ярких характеров, филигранное композиционное построение, сложную ритмическую организацию прозы, невозможно проанализировать все богатство содержания повести, рожденное потребностью обратить нас к тому, как глобальные социальные процессы, происходящие в мире, тесно переплетены с вопросами нравственности и даже с обыденными житейскими взаимоотношениями людей и как в свою очередь проблемы этические неразрывно связаны и влияют на ход истории.

И еще скажу: эта задача выполнена не декларативно, не назидательно, а художественно — книга рождает в читателе сочувствие и тревогу.

Игорь КУВШИНОВ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

КРИТИЧЕСКАЯ «СОЛЬФАСОЛЬ»

В № 4 журнала «Октябрь» за 1981 год критик И. Золотусский опубликовал рецензию под названием «Легкое дыхание» на мою книгу «Самолеты на земле — самолеты в небе» (издательство «Молодая гвардия», М. 1977) и на повесть «История одного изобретения» в сборнике «Пути в незнаемое» (издательство «Советский писатель», М. 1980). Поначалу меня приятно удивило что критик, хотя и с заметным опозданием, обратил внимание на повести и рассказы, большая часть которых была написана около десяти лет назад, о чем свидетельствовали соответствующие даты в книге, но и озадачило, почему из шести повестей и рассказов книги он остановился только на двух, а остальные даже не упомянул, как и те два романа, что вышли позже отдельными книгами. Трудно было также понять, почему это обстоятельство не помешало критику рассуждать и судить не столько о той книге, которую он взялся рецензировать, для журнала, сколько обо всем моем малом сином и опубликованном — об «идеях», «голосе», «языке», о «доброй половине героев прозы А. Русова», «добрая половина героев прозы А. Русова» — говорилось в рецензии — художников и писателей. В КАЖДОЙ повести, КАЖДОМ рассказе (подчеркнуто мной — А. Р.) обязательно появляется писатель, а то и два писателя...». Я попытался припомнить, в каких моих повестях и рассказах появляются не то что два, хотя бы один писатель, но, кроме повести «Судья», где ОДИН писатель и ОДНА художница действительно присутствуют, так ничего и не вспомнил.

«У меня появилась другая женщина, или крыса, с которой я провожу свободное время», — цитирует И. Золотусский и продолжает: «Так он (то есть герой. — А. Р.) острит по поводу бедного животного, над которым проводит опыты». С правдивым негодованием критика по поводу жестоких шуток героя, а заодно и автора повести «История одного изобретения» можно было бы согласиться если бы не одно обстоятельство: ни о каких опытах с крысами в этой повести речи не идет. Сочинение, нам говорится, совсем на другую тему. Крыса возникает как мимолетный иронический образ, вовсе не связанный с научными опытами. Никаких «эпиграфов из Пастернака», на которые ссылается далее критик в «Истории одного изобретения», тоже нет, а цитата «С памяти и с едва ли не самого ценного человеческого качества...», следующая ниже, не принадлежит ни одному из упомянутых в рецензии произведений.

Следует ли из этого заключить, что И. Золотусский читал одно, писал другое, думал о третьем или что он даже не потрудился прочитать рецензируемые вещи, а лишь бегло их просмотрел, на одном так сказать, легком дыхании? Пусть так. Но зачем вводить в заблуждение читателей?

Зачастую особенно рьяно мы обличаем в других собственные недостатки. И тогда бумеранг возвращается. Время язык рецензируемого автора критик демонстрирует примеры совершенства собственного стиля и языка: «заемный ключ трафарета» (?), «литература в этих повестях и рассказах мешается с химией (второй основной профессией автора), но смешение это не приносит облегчения» (в каком смысле «мешается» и кому, таким образом, необходимо было принести облегчение?), «повесть с сольфасолью» (а рассказы, простите, с чем?) и т. д. и т. п.

Очень раздражило И. Золотусского то обстоятельство что, кроме писательской, я занимаюсь еще и научной работой. Такое впечатление, что именно этот разражающий факт, который И. Золотусский обыгрывает в довольно фривольной манере неоднократно, и придал ему полемический задор как литературному критику. Вряд ли, однако, страницы литературно-художественного и общественно-политического журнала — лучшая трибуна для обсуждения личной жизни писателя, в том числе и для дискуссии по поводу его научно-исследовательской работы в химической лаборатории.

Не стану продолжать. И сказанного довольно. Каков же повод и какова причина появления на страницах журнала всей этой «сольфасоли»? Почему столь прихотливо выбрал и обозначил И. Золотусский предмет своей критики? Отчуда, вся эта путаница, несуразица?

У меня сохранилась внутренняя издательская рецензия на рукопись моей предложенной для издания книги, которая не вышла и часть которой составляли ранее опубликованные вещи — как раз те о которых только и пишет или упоминает в журнальной рецензии И. Золотусский. И вот что удивительно: текст «Легкого дыхания» со всеми «смешениями» и «облегчениями», а также повестями и рассказами, в которых «обязательно появляется писатель, а то и два писателя», почти дословно совпадал с текстом той внутренней рецензии. Тогда мне стало ясно, откуда взялись в статье И. Золотусского некоторые цитаты, которые не имеют и не могут иметь ссылок: они были выписаны из неопубликованной рукописи.

«В одной из своих вещей А. Русов признается, — заявляет И. Золотусский, — что ПОВЕСТЬ С СОЛЬФАСОЛЬЮ (что это, кстати, значит? — А. Р.) «писалась на одном дыхании и была закончена через неделю». Берусь утверждать, что ни в одном из опубликованных мной на времени появления статьи И. Золотусского произведений такого признания я не делал. Так зачем же оно понадобилось критику? Уж не для того ли, чтобы обосновать эффектное назначение рецензии? И зачем вообще нужно было печатать внутреннюю издательскую рецензию на увидевшие и еще не увидевшие свет произведения, составлявшие совсем ДРУГУЮ книгу, чем те, что значится в сносках под рецензией? Чтобы «добро не пропадало»?

Александр РУСОВ

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

Я. А. КОЗЛОВСКОМУ — 60 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР направил Якову Абрамовичу Козловскому приветствие, в котором говорится:

«В трудный для Родины час Вы в числе отважных защитников наших западных границ вступили в бой с врагом в первый же день войны и мужественно прошли по многим ее дорогам как сержант пехоты, а после ранений как офицер-журналист.

Писатель-коммунист. Вы за многие годы плодотворной работы в литературе выпустили талантливые книги стихов «Офицер связи», «Вереск», «Осенняя страда», «Арена», «Воочию», «Созвездие Близнецов» и другие, получившие высокую оценку читателей и критики. Значителен Ваш вклад в искусство художественного перевода. Широкую известность получили Ваши переводы из классической поэзии народов Средней Азии и Кавказа, а также произведений многих выдающихся поэтов современности. Мы высоко ценим Вашу общественную работу как секретаря правления Московской писательской организации, члена правления Союза писателей СССР и РСФСР, активного участника многих писательских форумов, неутомимого и отзывчивого наставника молодых литераторов».

■

Писать о друге радостно и немного грустно. Творчески и человечески мы связаны с Яковом Козловским не один десяток лет — с сороковых годов, когда вместе стали студентами Литературного института. Встретились, оказалось, чтобы не расставаться, чтобы делить радость дружбы и творческого общения. Грустно же потому, что мы, увы, уже не так молоды, как в те светлые для нас годы юности.

Прошли десятилетия, и сегодня одно неоспоримо: в любом разговоре о переводах и переводчиках без Козловского не обойтись. «Офицер связи» — так назвал он одно из своих стихотворений. Точно сказано, по существу. Имени он таким и должен быть переводчик — связным двух культур, двух языковых стихий. Таков Козловский. Многим поэтам из разных республик он стал товарищем, братом. С неизменной благодарностью и я вспоминаю долголетнюю нашу совместную работу. Скажу больше: мне повезло. У многих моих аварских стихов счастливая русскоязычная судьба. Спасибо, дорогой Яша!

Козловский вообще сроднился с Дагестаном, стал своим на моей родине, и не случайно его удостоили званием лауреата республиканской премии имени С. Стальского. О Дагестане он сам хорошо сказал:

Я живу здесь как равный
Меж равных,
Ем хлеб-соль и сижу
У огня
И наша хунзахского
правнук
Может жизнь положить
за меня.

Бесспорно и другое: в современной русской поэзии занимает свое место поэт Яков Козловский. Это важно выделить. Я вообще думаю, что успешно переводить поэзию не будучи поэтом, почти невозможно. «Вновь с языка стихов перевожу я слова и мысли на язык стихов» — вот формула, близкая мне по духу. Так заканчивает Козловский свое стихотворение «С языка стихов». Он верен этой заповеди, кого бы ни переводил — современных поэтов собратьев или классиков. Могу подтвердить, что язык классических аварских стихов Чамши, Эльдарилава, Цадасы не потерялся в языке русского стиха, иноязычная поэзия, если вспомнить строки самого Козловского, приобрела в русской речи неущемленные права.

Где-то я прочитал, что в восемнадцатом веке в Парме издали многотомную хрестоматию переводов из английской поэзии. И назвали ее так: «Дух английской поэзии». Вот цель и назначение перевода: воссоздать дух, дыхание оригинала, переводить поэзию поэзией. Козловский следовал и следует этому. И добивается результата, небо — сам поэт. Его оригинальные поэтические сборники хорошо известны: «Вереск», «Воочию», «Осенняя страда» и другие.

У нас в Дагестане к шестидесятилетию человека относятся как к периоду зрелости, спокойной, размеренной мудрости. Можно к этой цифре отнестись как к старости молодости, а можно и так: молодость старости. Творчество моего друга и общение с ним убеждают, что он переживает сейчас счастливую пору, когда много сделано, но работа продолжается, обогащенная мудрой зрелостью мастера. Ему еще только шестьдесят. Впереди новые труды и новые стихи. «Взрослая зрелость всегда молода... взрослая смелость берет города» — эти слова поэта Якова Козловского воспринимаешь как самоаттестацию.

Расул ГАМЗАТОВ

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

Два мнения об одной книге

Юнна Мориц. «ТРЕТИЙ ГЛАЗ»

Творчество Юнны Мориц вызывает в последнее время самые разноречивые оценки. Выражением их являются и публикуемые сегодня статьи критиков Е. Ермиловой и В. Новикова о новой книге стихов поэтессы «Третий глаз» (издательство «Советский писатель», М. 1980). Есть резон в рассуждениях Е. Ермиловой: поэтесса порой напрасно затемняет смысл своих стихотворений. Но, с другой стороны, нельзя не согласиться и с В. Новиковым, считающим активным, антимещанский пафос серьезным достоинством поэзии Ю. Мориц.

«ПО ЧАСТИ ВЕЩИХ СНОВ...»

Я буду видеть
творческие сны,
А ты не будешь...

«ТРЕТИЙ ГЛАЗ» — насколько можно понять из текста стихотворений — это, по-видимому, интуитивное зрение, прозрение, позволяющее видеть то, чего не видят другие.

Но умственные нудри
не сильны
По части вещих снов и
диковых музык:
Я буду видеть
творческие сны,
А ты не будешь —
кругозор твой узок.
Вси тайна в том,
что глупость каждый раз
Над разумом нудриевым
торжествует,
Как только я открою
третий глаз
На то, что для тебя
не существует.

Скажем сразу, что заявленная «глупость» стихами не подтверждается: манера Юнны Мориц достаточно продуманная и рационалистическая (хотя по сравнению с предыдущими публикациями в стихах последнего сборника ощущается некоторая небрежность и несобранность).

Когда мы усвоили и — пока! — на слово поверили автору, что есть у него особое зрение, естественно встает вслед за тем вопрос: что же видит «третий глаз»? И снова, и снова читаем:

Я ЗНАЮ ямбы вещих
предсказаний,
К стволам пророчеств
ЗНАЮ звездный путь.

Но ведь это, в сущности, мы тоже «знаем», то есть что поэты знают «ямбы вещих предсказаний», и нам бы хотелось, чтобы хоть краешком сверкнул этот «звездный путь», коли у них он назван. Нет, это еще тоже в области деклараций.

Характерная интонация протеста и отпора, когда речь идет о месте поэта в мире, — не личное свойство Ю. Мориц. Эта интонация привычно сопровождает всякое утверждение «призванности» и выделенности. И все-таки непонятно, зачем этот непременный спор — с кем, о чем? «Вот почему я не хожу в ряды, где барствует высокое паренье.» Что это за «ряды» и «круги», в которые не ходит автор и кто в них так убого и откровенно «барствует»? Автор бросает вызов «суете суеет». «А потому что не указ мне планка суеты и брать не стану напоказ столь низкой высоты... а потому что не вкусна мне банка пустоты...»

Но кому же «указ» суета и кому же вкусна «банка пустоты»? Ведь речь же идет о поэзии. За счет кого утверждается поэтическая высота и независимость? И надо ли утверждаться за счет каких-то самых ничтожеств? Вместо создания собственного поэтического мира — отпор и вызов кому-то, но кому?!

Естественно, хотелось бы, чтобы зрение «третьего глаза» открывало некую реальность, а не утверждалось бы заклинательно все в новых и новых декларациях:

Я еще назову нов что
из того,
Что пока безымянно, темно,
Проще паренной репы
мое волшебство,
Но останется тайной оно.

«Останется тайной»... В самом деле, стихи Ю. Мориц прямо-таки пестрят синонимами «тайны»: «тайнопись», «белая магия», «таинства», «книга тайн», «тайные силы», «тайный блеск», «потайные пути», «тайны заповедные», «тайные струны», «тайные чувства», «тайный знак», «тайная речь», «тайный ряд», «тайный звук», «туманность», «туманные миры», «звездчатый туман» и т. д.

Повторы слов, повторы целых строк, двустиший и четверостиший (излюбленный прием Ю. Мориц), не обогащенные поэтическими событиями, происшедшими между ними, так и остаются повторами слов.

Конечно, без «тайны» нет и поэзии, она составляет саму суть ее. И тут не нужны непременные разъяснения: тайна на то и тайна (а не загадка), что и не может быть до конца разгаданной. Чем ближе и пристальней мы всматриваемся в суть образа, тем дальше углубь уходит тайна, коли бы и было все на поверхности предельно просто. Но, очевидно, для рождения «тайны» нужно особое пространство образа. Равное притяжение «земли» и «неба» и создает ту особую среду, в которой вольно живется поэтической тайне.

В стихах Ю. Мориц этого поэтического пространства нет, так как нет обоих полюсов. Нет «земли» — нет предметного мира с его «тварным» теплом, и это невнимание прямо признается и оправдывается (ведь «третий глаз» заведомо обращен вдаль): «Мы таковы, что вблизи неспособны божеский дар отличить от глазуньи».

«Земное» вообще дается в несколько сниженном, иногда даже низменном лексическом строе. Но надо сказать, что Ю. Мориц вообще любит лексику подчеркнуто-прозаическую, вульгарно-бытовую (конечно, имеется в виду иронический контраст взлету поэтического духа): «жизнь вела собачью», «от холода голубь ли напустить тумана и мглой мои окутать жернова и замыслы бурлящего вулкана».

В общем это вполне ясно: как замысел ничто не может «окутать мглой» поэтический бурлящий вулкан. Но что за путь, что за метафора! Что это за «кружева», которые пытаются «окутать мглой» «замыслы вулкана». И эти вот о «созвучьях», которое «поблизости где-то» «ближе слез, застилающих местность, чтоб оплакать ее остраненность...» Слезы застилают местность, чтобы оплакать ее «остраненность», а созвучье «ближе» этих слез... И здесь нужно распутывать синтаксические петли.

Нет, это не придирки трезвого критического ума, не поспевающего за полетом поэтического вдохновения. В таких держких метафорах наших сложнейших поэтов — Пастернака, Мандельштама — есть внутренняя поэтическая логика, в приведенных же стихах мы шаг в шаг влачимся за закрученной катахрезой, среди не за поэтическим, а за грамматическим смыслом точно бредем в тумане, держась за веревку.

В таких вот случаях невольно приходит на ум определение самой Ю. Мориц, данное с такой проницательностью и точностью, которые начисто опровергают ее заверения в творческой «глупости»:

Лежат подстрочники —
ужасная мура
Нуждается в искусстве
перевода!
Банальной мысли
колоссальная дыра
Приобрести должна
характер входа,
А этот бред, бессвязный
и пустой,
Сойти обязан за отлив
сознанья,
За обморок, за взлет
над суетой,
За вещий сон, за шепот
предсказанья!

Хотелось бы надеяться, что это точное осознание в конечном счете скажется в самом стихотворном строе, наполнит стих тем существенным смыслом, явление которого на протяжении всей книги обещает Ю. Мориц.

Е. ЕРМИЛОВА

РИТМ ДУШИ

В СТАРЫЕ времена все стихи называли песнями.

«О жизни, о жизни — и только о ней поет до упаду поэт» — это из книги Юнны Мориц «При свете жизни». Именно поет, а не просто говорит — ведь сказать можно что угодно. А спеть — значит передать свою творческую, музыкальную энергию другим людям.

«Третий глаз» мог бы именоваться книгой песен, поскольку волевая напевная стихия здесь господствует. Свои заветные, любимые мысли поэтесса не декларирует, а подвергает испытанию музыкальностью. Заставляет мысль всею потрудиться, пробежать не один круг. Вот, например, программный тезис: «Не бывает напрасным прекрасное». Он не доказывается в стихотворении, а подобно музыкальной теме настойчиво повторяется, варьируется, обращается разными гранями, одаривается оттенками. Каждый читатель должен разыграть для себя, про себя все пять строф аккордов, чтобы к финалу, как бы подпевая всею душой повторить авторские слова как свои:

Не бывает напрасным
прекрасное! —
Ныне, присно
во веки веков...

Но главное впечатление от книги — это резкая определенность ее лирического героя. О нем хочется говорить как о персонаже романа или даже как о реальном человеке. Потому что, очнувшись от страстной песенной власти «Третьего глаза», в первую очередь думаешь о том, как неполон, недостаточен спектр наших оценочных критериев при разговоре о личности, будь то герои книг или наши знакомые. Умный или глупый, добрый или злой, честный или нечестный, правильно живущий или неправильно. А вот такая вещь, как темперамент. К ней относятся как-то безоценочно, полагая эту черту, так сказать, нейтральной в этическом и философском смысле. Что-то не слишком, чтобы вялость, медлительность считали серьезным пороком, ставили кому-то в вину. Душевно хилых людей, правда, не называют хорошими, но если они не глупы и не злы, они всегда признаются неплохими.

Против «неплохости», против умеренности и аккуратности в мыслях и чувствах в первую очередь и направлен поэтический пафос «Третьего глаза» — этой философично-злободневной книги. Ее лирический герой резок, нелегок в общении, лишен дипломатической обходительности. Спорить с такими людьми трудно, ибо они исполнены катастрофической убежденности — и в то же время не боятся, когда собеседник молчит или слишком спокойно соглашается. Даже спокойствие этих людей не разряжает обстановку в их шутках много серьезных, горьковатого и не сразу снимаемого смысла. На таких людей порой ложится подозрение в холодности по отношению к окружающим, чуть ли не в безразличии, поскольку они редко делают первый шаг к сближению, ничего не просят... При всем этом они прочно притягивают к себе всех, кто волею случая вовлекается в их жизненную орбиту. Почему? Да потому, что это прямые люди навеки отмечены незаемным пламенем в глазах, неиссякаемой, физически ощутимой жизненной энергией. Вы просто не сможете жить, если среди ваших близких не будет хотя бы одного такого человека. И, что важно отметить, таких людей ценят часто неосознанно, редко им открыто ставят в заслугу то, что они — бескорыстно, по сути дела — заражают всех окружающих верой, заряжают новыми силами.

И пусть Люди, с которыми всегда трудно, и всегда интересно, меньше всего склонны к любованию собственной «духовностью». О ней они говорят с мрачноватой, но правдивой суровостью:

Нам ничего
не возместить,
Утраченные силы духа
Никак обратно
не впустить —
На этот счет
в природе глухо.

Верно. Ведь то, что именуется сладковатым и изрядно затасканным словом «духовность», — это не пожизненная индульгенция, не легкодушная причастность к высшим сферам, а утомительный труд, гранаж, непрерывное увеличение нагрузок:

Не птицей, не бабочкой
пыльной,
Тем паче — не взмахом
пера,
Всем натиском плоти
двужильной,
Всем топотом из-под ребра!

Именно так: не сладостный стук сердца, а топот из-под ребра. И невозможно иначе, ибо малейшее расслабление, пауза, передышка — это шаг в сторону пустоты. Поэт из блоковской пьесы больше всего на свете боялся потерять ритм души. Юнне Мориц и ее единомышленникам ведом один ритм — предельный. Вопрос о выборе стоит у них жестко: либо полнота, либо пустота. Но вслушаемся, однако, как об этом ведется речь:

А к жизни мы вызваны
чувствами,
Любовью во всей полноте —
И нас нянчиними
искусствами
Нельзя удержать
в пустоте.

Кто это «мы»? Да все: ведь каждый человек рожден «любовью во всей полноте». Только с небольшой оговоркой: все, кто сумеет, кто осилит путь жизненной полноты. А открыта такая возможность перед любым человеком.

Поэта можно сравнить со спортсменом, который ценой чрезмерного напряжения, риска травмами, открывает новые физические возможности человека. Только здесь идет речь о возможностях нравственных. А все нравственные ценности останутся абстракциями, если они в человеке не скреплены сильным и отшлифованным характером, достаточной силой темперамента.

А если тело ленится
пахать
И, как младенец сытый,
бьет баклуши, —
Душе придется с голоду
сдыхать,
Отбросы жрать,
другие грабить души.

Не слишком ли резкий тон? Нет, поскольку слова эти не только мысль должны разбудить, но и душу встряхнуть изо всех сил. Впечатываясь в память они в подходящий момент воскреснут и нам помогут: никто не застрахован от душевной сонливости.

Усталость — непростительная слабость. Скука — преступление. А ведь многие гордятся своим бесстрастием, своей вялой и прохладной невозмутимостью. Надо взорвать их бронированную пустоту, и для этого нужны слова резкие, а в крайних случаях бывает необходима и граната грубости. Такой, я бы сказал, маяковский прием. Подлинно духовная жизнь — это напряженный, честный и равноправный обмен энергией. И тот, кто ее не производит, неизбежно «другие грабит души». Почему мы все так снисходительны к этой форме грабежа?

И как лживы трусливые афоризмы типа «Не трудно быть новым, но трудно быть вечным»! Не логически — музыкально опровергает его поэтесса, и невозможно не согласиться с нею: «Как трудно быть вечным. Как трудно быть новым». Дорога в вечность лежит через новизну, через грядущее:

И чувство будущего было
Сильней моей двуглазой
грусти,
И воздух пел о том
что сила
Поэзии — лишь в этом
чувстве.

Не часто приходится читать такие естественные, ненатужные слова о будущем. Многих увлекает соблазн отождествить вечное только с прошлым. Потребительская, в сущности, позиция. И Юнна Мориц со свойственной ей склонностью к беспощадным гиперболам, к «сгущению красок» жестоко разделывается с «мистическим хамом», то есть читателем-потребителем почитающим только уже почивших поэтов и допрашивающим их как на спиритическом сеансе. Не нужно поэтессе такого бессмертия и такого собеседника. Ему можно ответить разве что издевательским пророчеством: «У цели тебя ожидает брюнет» или «Купи лотерейных билетов»...

Осталось еще сказать о названии книги. Третий глаз — это не фантастическая гипербола, а знак избытка, щедрости. Поэзия — от богатства, а не от бедности. От поэта требуется все то же, что от остальных, плюс прозрение незримого. Незримого — пока.

От читателя, от критика ничего такого особенного не требуется. Достаточно и двух глаз. Только не нужно их отводить, не нужно многозначительно прищуриваться и изобретать какие-то изощренно-нарочитые критерии:

Проще паренной репы
мое волшебство,
Но останется тайной оно.

Поэзия — не проповедь и не ребус, а камертон, по которому настраивают душевный ритм.

Вл. НОВИКОВ

100 СТРОК О НОВОЙ КНИГЕ

ЖИЗНЬ, КАК ПЕСНЯ

Калмухан Исабаев. «Айныз». Роман. Перевод с казахского Галины Чапчаховой. Издательство «Советский писатель». М. 1980.

РОМАН Калмухана Исабаева переносит нас в дням, ставшим уже достоянием истории. Речь идет о дореволюционных и первых послереволюционных годах. В центре повествования стоит образ Айныз — первой казахской женщины-революционерки. Айныз вошла в легенды и песни казахов, стала неотъемлемой частицей памяти народной.

Автор проделал огромную работу, буквально по крупицам собирая сведения о бесстрашной, мужественной революционерке «среди жителей долин Калгуты и Аягуз, у подножия хребтов Акшатау и Сарбюратау». Одно только перечисление людей, с которыми писателю пришлось при этом общаться, занимает в книге целую страницу.

Будучи строго документальным в своей основе, роман в то же время пронизан высоким лирическим пафосом. Обе эти начала К. Исабаеву удалось сплавить воедино.

Заслуживает быть отмеченной писательская смелость К. Исабаева: он обратился к теме высокой и легендарной, к образу, который продолжает волновать людей разных поколений. Задача не только сложнее, но и ответственнее. Автор сумел найти емкую, многозначную форму повествования: внешне непритязательное, оно постепенно захватывает читателя и держит его в напряжении до конца. Бережное отношение к факту, к документам той эпохи не вносит в роман элемента схоженности. Образы Айныз и ее соратников обретают под пером К. Исабаева психологическую глубину и живое человеческое содержание.

Жизнь Айныз до революции не богата внешними событиями. Выйдя замуж за бедняка, она уходит с ним в город Сергиополь (по-казахски — Аягуз), где впоследствии она и было суждено завершить свой короткий, но вспыхнувший, подобно метеору, жизненный путь. Пребывание в городе способствовало росту классового самосознания молодой женщины. Сергиополь представлял собой важный узел, где скрещивались дороги на Семипалатинск и Верный (нынешняя Алма-Ата), Лепсы и Уржар, Коктарал и Каркаралинск... Здесь обитали разные социальные слои, бедноте различных национальностей: казахи, русские, татары.

Волны революционного подъема докатываются и сюда, в глухие казахские степи. Айныз жадно слушает рассказы солдат, возвращающихся с фронтов империалистической войны, бывалых людей, лишь недавно посетивших Петроград и Москву. Здесь-то и проявляется незаурядный агитаторский талант Айныз: она идет в гущу народную, неся пламенное большевистское слово правды.

Нельзя без волнения читать текст телеграммы, адресованной из Сергиополя в Верный, Джетысуйскому военно-революционному Совету: «Сегодня, 12 марта 1918 года, над далекой окраиной Российского государства городом Сергиополем поднялось ленинское рабочее-крестьянское знамя. Октябрьская революция победила в казахской степи!»

Когда же противник осаждает революционный город, Айныз отказывается уходить с нашими частями, хотя и имеет такую возможность: ведь не всех у нее тяжелораненые бойцы. И белогвардейцы [зверски казнят отважную революционерку...

Вся недолгая жизнь Айныз предстает в повести как прекрасная песня. Калмухану Исабаеву удалось написать книгу, которая не может оставить читателя равнодушным. Хочется сказать добрые слова и в адрес переводчицы Галины Чапчаховой, донесшей до читателя сочный, многокрасочный стиль писателя, аромат безбрежных казахских степей.

В. МИХАНОВСКИЙ

«ВЫСОТЫ ДУХОВНОЙ ХМЕЛЬ»

Гено Каландия. «Люблю...». Стихи. Авторизованный перевод с грузинского. Издательство «Советский писатель». М. 1981.

КТО БЫЛ в Грузии, видел древнюю Мцхету, собор Светицховели, возносящийся к небу Джвари — «Мцыри древних арам», воспетый Лермонтовым, всходил на Мтацминду, осматривал священные могилы пантеона, тот по-особому воспримет стихи Гено Каландия, оценит их своеобразный национальный колорит: «Люблю и Мцхету, и Светицховели, и Джвари — высоты духовной хмель, и двух Арагв трепещущие трели, живые, словно слово и форель. Как малый сын давно, во время оно, любил бесстрашно шедшего в поход царя — так я люблю Галактиона». Да, Грузия сонма великих поэтов зовет по именам: Акакий, Важа, Илья, Галактион, Георгий... быть поэтом на этой древней земле и трудно, и ответственно. И так легко полесть под влияние великих. Спасти здесь может только верность своему чувству, своему восприятию Родины: «В отчизне, в лесу разноцветного лета, где шмель и свирель в одном гимне сроднились, ты помни: под куполом кровного света твои двадцать восемь — недаром случились...» Годы и судьбы поэта здесь прямо заверстаны в стремительный поток жизни, соединены с реалиями родной земли.

У этой земли и просит вдохновения поэт, прибегая к образу «земного, крестьянского бога» — именно такой причудливый облик принимает его муза:

«Коснись, господь, священных струн поэта!..»
Поэзия, благослови меня —
даруй душе неистребимость света
и подари мне вольного коня.
Коснись Одним золотого полдня —
где, как морозы, тумны облака.
Земной господь, крестьянский бог мой,
вспомни —
«Не осудай, дарителя рука».

По своему художественному складу Гено Каландия — романтик. В его стихах можно встретить и парус, и «якорь надежды», и «бухту» любви. Но романтичность его лирики в другом — в восторженном восприятии мира, его цветении и красок.

Опять я пришел с певчим горлом моим —
то плачу, то песней неслыханно маюсь.
Как тысячи лет — ярмом, любовью томим,
волос огневых твоих нежно касаюсь.

Автор, как видим, не скрывает, что его поэзия идет оттуда — от классической любовной лирики, и что он — последний тысячелетней традиции: «Опять я пришел [в уж был на земле...]»

Стих Г. Каландия — эмоциональный, часто эпидущийся не отработанных, канонизированных образов и эпитетов [звезды, луна, сад, певчие птицы и т. п.], но автор, привнося новый материал, напряженно вглядываясь в окружающий мир, добивается свежести звучания. Чувство поэта взрывает традиционную форму, и стих искрится, играет по-новому: «Уходят поезда неторопливо и апельсин луны сонут по дольки бесшумным сухим стальным ножом... Звезда, как мысль внезапная, возникнет и будет еще долго мчаться рядом, звеня, стучась в оконное стекло».

Поэзия Г. Каландия чужда какого бы то ни было философического начала. Стих весь в эмоциях, в живописном образе. Может быть, поэтому грузинский поэт так любит Лорку, творчество которого близко ему по темпераменту. Впрочем, уже давно замечено это взаимное притяжение двух южных краев — Испании и Грузии [грузинские ученые недавно опубликовали даже ряд интересных изысканий на тему об исторических связях двух народов]. В «Романсеро под дождем» Г. Каландия, посвященном Лорке и отчасти стилизованном под него, «мыслительная структура» как бы создается из этой тоски по великому певцу, которого заставили насильно покинуть цветущий мир: «Ночью дождливой, когда Думы печальные дуют, когда слово любви в мире жаленное жизни, — ночью дождливой ты мерещишься, Гарсиа Лорка».

Многие стихи сборника, посвященные теме любви и природы, заставляют сравнить их с акварелями. Их мысль — в самих красках, интонациях, создаваемом ими настроении. Да, Г. Каландия — своего рода акварелист. Есть же художники, работающие преимущественно в этой технике. В жанре настроения. Состояние мгновения, его переходы и нюансы — вот стихия поэта. Стихотворение, так и названное «Картина», на мой взгляд, красноречиво подтверждает это мнение: «Как свечи, что гаснут под ветром, полыхнула пламя берез — студено струится по ветвям снежье полночное слеза».

Конечно, у поэта найдутся и трагические стихи — «Ленинград. Блокада», о смерти брата Нодара, но в общем ему свойственно оптимистическое, солнечное восприятие мира, как, скажем, в этом гимне Тбилиси: «Неповтор Грузии самой, родной земли волшебным знаком восходишь, древний город мой, средь белых гор и алых маков».

Бессмертие, непрерывность жизни славит поэт и в стихотворении, где он размышляет о своих земных пределах и о грядущем преемнике: «Он гибок, словно ветвь, и светел, как звезда, — он Родину, как в окнах долгим взглядом, гортанный гордый стих полюбит навсегда».

Гортанный и гордый стих Гено Каландия заставили зазвучать на русском поэты Николай Горохов и Натан Злотников. Не берусь судить о точности перевода, но что они отнеслись к своему делу серьезно — для меня вне сомнения: об этом говорят и музыка стиха, и его ритмическое разнообразие, и специфическая строфика. Да и просто его хорошо и поэтично звучит по-русски: «Горит над жизнью сноп небесный... земной не тронув тишины, воркует лес, и в недрах леса блаженствует душа весны».

Что ни говори, это язык поэзии...

Павел УЛЬЯШОВ

ПУТЬ К ПОЗНАНИЮ

Ю. Селезнев. «В мире Достоевского». Издательство «Современник». М. 1980.

В ПОСЛЕДНИЕ десятилетия русская классическая литература, всегда привлекавшая общее пристальное внимание, стала предметом совершенно феноменального интереса во всем мире. Но и на фоне такого интереса интерес к Достоевскому носит особый характер.

Достоевский неизменно оказывается одним из предметов подчас очень ожесточенной идеологической борьбы: так велик соблазн использовать творчество писателя в современной война идей.

На таком фоне и в такой обстановке написать еще одну статью, еще одну книгу и сравнительно уже легко (мощная традиция освоения укрепляет и поддерживает любого к этому писателю обращающегося) и трудно (такая традиция в известной мере отягощает и сковывает). И если действительно здесь трудно создать нечто принципиально новое и значительное, то сравнительно легко обнаружить его, ковь скоро оно создано.

Книга Ю. Селезнева «В мире Достоевского» есть именно такое явление. Если необходимо определить способ освоения автором художественного мира великого писателя, то я бы назвал его универсальным, синтетическим. Это именно освоение Достоевского в целом.

Способность вессоздать мир Достоевского в основных его сущностных началах и проявлениях позволила критику по-новому взглянуть и на личность писателя, и на его мировоззрение, открыла много свежего в сравнительно частных проблемах поэтики Достоевского, его взаимоотношений с русской литературой и т. п., вплоть до решения отдельных текстологических проблем.

В большой мере успех работы Селезнева определен ставшим точкой зрения автора принципом: уяснение русской литературы и Достоевского прежде всего «... в цепи таких вершинных проявлений творческого духа человечества, составляющих в истории человеческого сознания своеобразные «эры» как древнейший эпос, античная трагедия, евангельская литература, искусство Возрождения...»

Интересны, в частности, наблюдения над отношением, в которое вставал мир Достоевского к Ветхому и Новому заветам, и в этой связи выход уже к современным масштабным идеологическим осмыслениям, связанным в частности, с такими вещами, как нынешний расизм. Особенно значимы рассмотрения антибуржуазности Достоевского, у которого конкретно-исторические разоблачения буржуазных установлений становятся и способом разоблачения зла в его метафизической сущности. Все это придает книге Селезнева смысл важного идеологического фактора в современной борьбе с буржуазностью во многих ее видах и обличиях.

Книга Ю. Селезнева острополемична. Это прежде всего относится к решению важнейшего методологического принципа, касающегося соотношения мировоззрения и метода писателя. Укажу на наиболее значимое и очень насущное положение. Оно касается личности писателя. Творчество такой степени драматизма и сложности, как творчество Достоевского, провоцируемое не судьбу этого человека, и, наоборот, судьба, объясняемая его художественными произведениями, неизменно влекут к себе, но и рождают дополнительные трудности понимания. Такого рода интерес к Достоевскому часто оказывается не только очень острым, но и достаточно массовым. Не объясняемый принципиально, не возводимый к высоким началам духовного мира писателя, он становится, по сути, обывательским.

В уяснении высочайшего нравственного авторитета личности Достоевского на основе уяснения сущностных начал его художественного мира как целого — общественный пафос работы Ю. Селезнева, устанавливающей глубокую связь самых сложных философско-художественных опытов Достоевского со всем его нравственно-философским и жизненным опытом, основанным на высокой вере в природу человека: «Достоевский как писатель-проповедник дает читателю и величайшую свободу совести, возможность испытать основы своей совести, своих убеждений, своих идеалов, возможностей собственной природы».

Вызывает внимание и сочувствие к книге разработка проблемы «Достоевский и народ». Тот факт, что непосредственно народ действительно почти не выходил на первый план в романах Достоевского (за исключением «Записок из мертвого дома»), не означает, что Достоевский не был народным писателем. Принципы народности, народного сознания, народной этики и эстетики были основными принципами писателя. Это в книге Селезнева показано убедительно. В этом смысле введение автором понятия соборности (как коллективности, братства) применительно к Достоевскому, думается, может получить у нас дальнейшую разработку.

Открытие мира Достоевского в его глубине, сложности, в его утверждении на высоких началах добра и человечности — вот задача, которую должно решать и решает наше литературоведение. Книга Ю. Селезнева — заметный шаг на этом пути.

Н. СКАТОВ,
доктор филологических наук

ЛЕНИНГРАД

Художник и книга

Иллюстрации М. РОМАДИНА к книге сказок Давида Кугультинова. Издательство «Детская литература». М. 1981.

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Юрия КУРАНОВА

● *Г. Марков: «Литература деятельно помогала создавать в обществе обстановку глубоко заинтересованного отношения ко всему, что происходит в сельской жизни, она вела содержательный разговор о решенных и в особенности нерешенных проблемах села».*
(Из доклада на VII съезде писателей СССР)

● *Юрий Бондарев: «...Ю. Куранов — писатель своеобразный, с тонкой и прозрачной чистотой красок, со своей... манерой письма, со своей темой», его сила — «в ясной современной позиции...»*

ОКРЫЛЯЮЩАЯ СИЛА ЗЕМЛИ

...НА ПСКОВЩИНЕ, «в лесистом углу Опочецкого района, среди холмов и песчаных долин» лежит озеро Глубокое, а на его берегу — село того же названия. Когда-то, лет десять назад, впервые попал сюда писатель Юрий Куранов, и редкостная красота этого уголка русской земли запала ему в сердце, вызвав желание написать о Глубоком.

Да это и понятно: у Куранова уже к тому времени была прочная репутация лирика в прозе. Истинно радовали его миниатюры: написанные тонкой кистью, проникновенно, они доносили до читателя негромкую прелесть среднерусского пейзажа, «стеснительную», как скажет сам писатель, красоту родной земли. Открывается эта красота не глазу только, а сердцу. Что уж там такого особенного, а вглядишься — и потеплеет на душе: «Незаметные лесные поляны, тихие ручьи, стеснительный говор берез, робкий мягкий свет опадающих листьев, грустные, неторопливые закаты и сдержанные светлые девичьи лица, текучая плавная речь, когда слова выговариваются почти так же, как пишутся ...». Вслушаешься — и вдруг поразишься: «Здесь вас встречает тишина, уже и не похожая на тишину. Это такое состояние неба, лесов, полей, в котором все поет. Это именно тишина состояния, которая наполняет человека, словно глоток прохладной и чистой воды. Будто впервые слышит человек, как шуршит за стеной крапива, как замирает ветер в цветущих ячменях, как под крышей кричат ласточки, как льется в бадью колодезная вода, как цветет за дорогой клевер и как даже стук сердца становится похожим на все эти счастливые звуки».

Подкупающе чистая нота зазвучала в этих крошечных новеллах. Она возникала от ощущения радости встречи с чудом, словно впервые открывшимся человеку. И еще — от редкостной доверчивости, тонкой уверенности в том, что сказанное не может не найти у читателя сердечного отклика.

Новеллы объединялись в книги «Лето на сворах», «Белки на дороге», «Увалы Пыщугнья», «Колыбельные руки» — словно бы расстилались яркие расписанные холсты. Как то льняное «наглядное полотенце», с которым не хочет расставаться герой одного из рассказов писателя в дальних, чужих краях: приложишь его к щекам — и услышишь «запах далекого ельника, где сидит под старинным куском белых горностая торопится вдоль поля, клест щелкает малиновую шишку, да из деревни пахнет горячим свежим хлебом ».

В работе над этими новеллами у писателя выработалась своя манера — он верен ей и теперь. Поселившись на берегу Глубокого, он, всмотревшись, увидит: «Весь день холодновато парило при ясном нежарком солнце. Перед зарей пар не рассеялся. Он встал над озером в полной тишине. И озеро выстелилось тончайшим младенческим льдом, в котором берега отразились чисто и неподвижно. Отразились, не уходя в глубину, а прямо на поверхности». Годами исподволь складывающееся повествование о селе Глубоком, о совхозе, чьи земли раскинулись вокруг, о людях, что живут и трудятся здесь, — повествование это прошито коротенькими лирическими главками. Они сообщают рассказу простор, позволяют прикоснуться к вечному, к тем истинам самого писателя «открыть во всякой мелочи необычайное и окрыляющее дыхание красоты, учат, что жизнь бесконечна, прекрасна и безмерно мудра ...»

Но теперь Куранов пишет не рассказы, а повесть в новеллах, которая, как выясняется довольно скоро, и не повесть вовсе, а роман. Впрочем, тут же главка из этого романа, напечатанная в газете, будет одним писателем названа очерком. Вот и попробуй разобраться в этой жанровой путанице.

А путаница ли? Какой жанр нынче ни возьми — облик его стремительно изменяется буквально на наших глазах, и тщетно пытается поспеть за этими изменениями теоретическая мысль.

Одно из самых примечательных явлений тут — решительная экспансия очерка. И, разумеется, прежде всего — при обращении к так называемой производственной тематике, которую хотят сказать в критическом обходе с по сей день с непонятной настырностью отдают от литературы. Ну а суть спора в том, что здесь дистанция меж искусством и жизнью нередко сокращена отказываясь от поэтических обиняков, вмешивается автор очерка в современные течения дней, стремясь и в читателе вызвать ответное желание действовать немедленно.

Вот и Куранов поселившись в полюбившемся ему месте, беспокоит роман «Глубокое на Глубоком» — «книгу о маленьком, но таком яром и неповторимо прекрасном уголке России». И по мере того как разворачивалось повествование, сюда все настойчивее врывалось то, чем живут, о чем думают, над чем бьются люди, для кого эти края — родные. На первых страницах повести (или романа) еще появятся лоси, выходящие из цветущего аллина: в рогах самца «колыхалось несколько горящих стеблей люпина. Стебли горели в рогах, как свечи». Но эта избыточно красивая зарисовка соседствует со строками о том, почем тонна семян этого самого люпина, да почему семена его вызревают в соседней Белоруссии, а вот здесь, на псковской земле, нет.

Поэзия и проза жизни на этих страницах — рядом, а сливаться не хотят, да и могут ли они слиться!

Не тускнеют поразительно яркие кураковские краски, как и прежде, с нескрываемым восхищением смотрит писатель вокруг. Только этого ему теперь мало, и прежняя элегичность тона сменяется строгой аналитичностью, эмоции уступают место деловым, подкрепляемым цифровыми выкладками рассуждениям.

Лирику теснит — а потом и почти вовсе вытесняет — публицистика.

К своему Глубокому, Куранов шел долго. Лет десять назад в повести «Облачный ветер» рассказал он о сибирской деревне, о ее людях, вынесших на своих плечах неслыханную тяжесть военной поры. Написана повесть мягко, тонко, и была в том своя психологическая правота: мир здесь смотрелся глазами тех, кто расстается с детством, и оттого видится здесь все сквозь нежную дымку.

Сейчас, на расстоянии лет, почетливо ощутимо, что та давняя уже повесть Куранова была написана по испытанным литературным рецептам, — и к этому, пожалуй, добавить нечего.

Зоркость таланта неотделима от мужественности.

А мужество — это просто умение взглянуть правде в глаза. И взглянув, попытаться понять, отчего она правда такая не только радует, но порою и огорчает. Тут уж всякий раз приходится иметь дело с целым клубком причин и следствий — его распутывать да распутывать. Вот и появляются одна за другой главы повести где речь — и о сельской школе, и о том, как строить на селе, и о принципах межколхозного кооперирования. Недосказанное здесь уходит в статьи, которые печатаются в центральных газетах, чтобы затем отозваться в новых главах повести (романа). Как не вспомнить к тому же, что сам писатель оказывается среди героев собственного повествования, и не на правах условного литературного персонажа, вместе с теми, о ком ведется рассказ, участвует он в общем деле, ездит по колхозам, отправляется то к республиканским, то к местным властям — объясняет, просит, требует.

Тут грань меж литературой и самой жизнью почти не ощутима: к героям «Глубокого на Глубоком» можно прикатить — и лучше, если не гостями (хотя здесь рады и гостям), а с желанием поучиться или помочь — одно ведь дело делаем.

Бескитростно и заинтересованно рассказывает Куранов о жизни в Глубоком — кому невдомек, что такая бескитростность дается совсем не просто. И прежде всего потому, что писатель всецело полагается при этом на силу не воображения, а знания. Знания доподлинного, выношенного. Когда можно объяснить, например, почему прекрасные комбайны «СК» или «Нива» непригодны для работы в северных районах или средней полосе. Или, к примеру, сказать, какими именно качествами должен обладать сегодня руководитель сельского производства, чтобы вполне отвечать требованиям времени.

Здесь вскоре вспомнить о том, что Куранов особенно подчеркивает: в писателе всегда живет [illegible] желание писать с натуры, именно то, что он видит, кого видит и как видит. Речь — не о фотографизме в литературе — о скрупулезной верности правде.

У Нечерноземья, о котором пишет Куранов, свои заботы, свои беды. И, может быть, главная из них — бесхозяйственность, неумение и часто и нежелание отдельных руководителей видеть дальше собственного носа, взглянуть за пределы собственного подворья. Писатель, с горечью видя в вопросы, которые чрезвычайно далеки от изящных [illegible], сопоставляет факты, подсчитывает экономические выгоды, ищет возможности решения сложных и запутанных хозяйственных проблем. Кто осмелится сказать, что при этом он изменяет своему высокому назначению, история учит нас тому, что русское искусство никогда не чуралось практических задач, именно сейчас важных в жизни общества.

Как герой сказки, стоит сегодня писатель на распутье трех дорог. Идя по одной из них, он расскажет о тех успехах, которых добились сельские труженики, о высоких среднесуточных привесах скота, о растущих на селе домах со всеми современными удобствами. Идя по другому пути, он увидит, там и сам разбросанную без присмотра технику, разбитые дороги, гниющую в буртах картошку. То и другое не выдумано — оно здесь, в Глубоком. Но найти истину можно, лишь отправившись, как это сделал Куранов, по третьему пути. А это значит — не в литавры бить не детям мазать, а вникнуть в суть дела. И раньше всего — в укоренившийся здесь «странный характер межхозяйственного кооперирования», при котором явные провалы в работе одних хозяйств покрываются успехами других, средние показатели при этом выглядят приемлемо, а в целом — куда какая неприглядная картина.

Нет нужды воспроизводить сейчас ту цепь рассуждений и доказательств, которую выстраивает писатель, приходя к выводу. «Межколхозное кооперирование в том виде, как оно применяется у нас в районе, вызывает у рабочих грустную усмешку, а у руководителей хозяйств — тревогу и апатию».

Выводы эти — а здесь упомянуты лишь одна из поставленных писателем проблем — сами по себе важны. Судя даже по сказанному в повести (романе) Куранова, они уже стали предметом самых серьезных размышлений на разных уровнях. Но «Глубокое на Глубоком», подчеркну особо, написано не экономистом или социологом, а художником. Именно так. Стоит повторить, что русская литература в ее самых высоких образцах охотно выходила за пределы отведенные собственно эстетическими канонами. Рассуждения, философские споры, а то и цифровые выкладки вторгались в художественную ткань и даже, разрывая ее, служили реализации замысла художника. На память приходят здесь не только имена Герцена или Чернышевского, но и имя автора «Войны и мира».

Проблемы, к которым стремится разобраться Куранов, для него самого — не из числа отвлеченных. И в Глубокое-то писатель приехал во второй и третий раз, а потом и вовсе поселился здесь, еще и потому, что в первый свой приезд в гости он там директора школы Масленникова, «удивительного», «яркого в своей цельности человека». Рассказывая о Глубоком, писатель рассказывает о людях, живущих здесь. О директоре совхоза Викторе Васильевиче Васильеве, о сменившем его на этом посту Николае Алексеевиче Алексееве... Писатель не скрывает своей влюбленности в них, хотя ни тот, ни другой явно не тянут на ангельские роли. Сегодня особенно хорошо видно, что много сделавший для Глубокого Васильев принадлежал времени, уже ушедшему в прошлое. А Алексеев поставлен в условия, в которых его силы и способности не могут быть полностью реализованы.

Но тут — слово именно художнику, вполне владеющему искусством анализа душевной жизни.

Если уж говорить о том новом, что открывается сейчас в Куранове, следует в первую голову сказать о том, как густо населена его новая книга. Зорче стал взгляд писателя, мудрым — сердце, но это оттого, что рассказывает он теперь о людях, которые вошли в его жизнь. Он признается: «Я многому у них научился, многое узнал, и многое мне стало понятней... Все они мне стали дороги, дороже, чем прежде, и частица их жизни в какой-то степени стала моей частицей, плохая она или хорошая — все едино. Мы все в пути, а в пути люди становятся ближе друг к другу. В пути очень важно знать, куда и как мы идем, к чему приведет нас дорога».

На последних страницах книги о делах и днях глубоковцев, о трудах и заботах Нечерноземья все чаще вспоминаются прекрасные русские поэты, и Ломоносов, и несправедливо полузабытый Языков, и гениальный Тютчев, и наш современник, недавно ушедший из жизни Рубцов. Строки их не выглядят чужеродными в прозе Куранова. Она, эта проза — строгая, деловая, в ней ставятся и решаются острые производственные и социально-экономические проблемы. И одновременно она поэтична: одно вырастает здесь из другого, что закрепляется даже в строе фразы. Как началось для писателя его Глубокое? «Человек взглянул на белый свет, и в глазах у него вспыхнули радуги, в сердце у него запело солнце, а слова сами поднялись в нем, добрые и горькие, веселые и грустные звонкие и, как шелест травы, еле слышные». Вовремя вспомнились тут строки Николая Рубцова о «радостном кратком покое» — они так созвучны размышлениям писателя о полдне жизни: «Наш осенний полуденный покой действительно должен быть кратким. Время не ждет, время торопит, слишком многое сегодня зависит от времени. Теперь для меня ясно, особенно после целины, что только своими силами Нечерноземью трудно справиться с поставленными перед ним задачами. Оно может с ними справиться лишь на бумаге».

Вот так и развивается у Куранова повествование. Нигде не отрываясь от земли, чутко ощущая ее красоту, писатель выходит к размышлениям о том, как жить на этой земле человеку. На этой, родной для него земле, где только его волей и трудом жизнь может стать лучше, а значит, и красивее.

Анатолий КАРПОВ

КАЛУГА

А. ТУРКОВ

ПОСВЯЩАЕТСЯ БЛОКУ

Новые книги о поэте

В прошлом году наша страна и весь прогрессивный мир торжественно отмечали знаменательную дату в истории русской литературы — 100-летие со дня рождения Александра Блока. Юбилей великого поэта послужил новым поводом для публикации исследований о его жизни и творчестве. О некоторых из этих работ сегодня, в дни традиционного блоковского праздника поэзии, рассказывает автор публикуемой статьи.

ЖИЗНЬ блоковских произведений продолжается, и каждое новое вдумчивое слово о них с живым интересом встречается многочисленными любителями поэзии.

С истинно ленинградской точностью — прямо под праздник — вышла книга Вл. Орлова «Поэт и город. Александр Блок и Петербург» (Лениздат, 1980).

« Петербург Блока — наиболее реальный из Петербургов, нарисованных художниками новейшего времени... образ этого города составлен из черт отображенных руной такою черною и подвергся такому одухотворению, что весь превращен в захватывающее явление редчайшего внутреннего мира». Открывая свою книгу этими словами Бориса Пастернака, Вл. Орлов пишет, что в них «сказано, в сущности, основное, главное и решающее», а все остальное, что читатель найдет на ее страницах, — лишь «обоснование и истолкование, иллюстрации и подробности».

Надеюсь, однако, что читатель рассудит иначе и поставит труд автора куда выше, по достоинству оценив внутренний лиризм этой книги «о нашем городе и о нашем поэте», как лаконично и вместе с тем взволнованно сказано в ее посвящении.

В плане и «архитектуре» книги есть строгость и одновременно простор, глубоко родственные одному (да, впрочем, пожалуй, и другому!) ее герою.

В очерке эволюции «петербургской» темы в русском искусстве Вл. Орлов в который раз показал себя прекрасным знатоком поэзии, готовым поделиться с читателем своими «счастливыми находками», [illegible]кими, например, как позабытые строки Надсона, «в какой-то мере — по убеждению исследователя,— предупредившие открытия новой поэтической эпохи».

Но, конечно, главное в книге — блоковский Город. «Чтобы узнать хорошо Петербург, — писал Аполлон Григорьев — надобно посвятить ему всю жизнь свою, предаться душой и телом» «Блок так и сделал», — замечает Вл. Орлов. Но он и сам поступил так же в отношении блоковского Петербурга (и в этом смысле обращает на себя внимание лиризм неоднократно возникающих в книге благодарных воспоминаний об одном из первых исследователей темы и «наставнике юности» автора — Н. П. Анциферове).

Внимательно прослеживает исследователь в творчестве поэта развитие образа тогдашней русской столицы, его переменчивую жизнь, то, как с ходом истории и эволюцией взглядов писателя «даже в самом облике Города, казалось бы, знакомом до самомалейших подробностей, Блоку открывались новые, раньше остававшиеся неприметными черты».

Вл. Орлов по-настоящему влюблен и в поэта, и в Город. И порой, как издавна свойственно людям в этом состоянии, бывает несколько пристрастен в суждениях. Пристрастность эта ощутима, например, в том полемическом азарте, который автор книги проявляет в оценке романа Андрея Белого «Петербург», оценке, во многом расходящейся с самим Блоком.

«МОСКОВСКИЙ патриотизм» побуждает меня, однако, утверждать, что и в столице есть влюбленные в Блока люди. Таков, например, Станислав Лесневский — автор книги «Путь, открытый взорам» («Московский рабочий», 1980).

Уже ее подзаголовок — «Московская земля в жизни Александра Блока. Биографическая хроника» — как бы предваряет исходный тезис исследователя: «вместе с Петербургом в жизни и поэзии Блока дышит Подмосковье», хотя «за петербургской архитектурой поэзии Блока не вдруг заметна ее московская почва».

Действительно, в представлении значительного большинства людей Блок по преимуществу рисуется на петербургском фоне и в петербургском окружении, между тем как «подземный рост души», которому, по его убеждению, всегда обязаны своим возникновением писательские творения, во многом происходил в «благоуханной глуши» маленького Шахматова, в сложном и трудноопределимом «магнитном поле» воздействия родной природы, традиционного усадебного быта смутных отголосков жизни окрестных деревень.

Станислав Лесневский и задался интереснейшей целью — уловить этот подспудный, таинственный процесс в будничном течении трудов и дней одного из обитателей скромного дома семьи Бекетовых. Отсюда — кропотливость и обстоятельность этого исследования, отсюда в значительной мере и его размах (пространная хроника охватывает лишь период с 1880 по 1905 год). Уже известные сведения о жизни поэта в Шахматове и его связях с литературной Москвой обильно дополнены документальным материалом, почерпнутым автором в государственных архивах и частных собраниях. Временами книга даже выходит за предначертанные ей автором «московские» рамки и начинает выглядеть хроникой жизни Блока вообще.

Ее построение, уж конечно, не «петербургское», а типично московское, прихотливое, далекое от классической строгости. Как дом на некоторых старых улицах страны, здесь соседствуют самые разные факты, давно дорогие автору, поскольку они для него освящены именем Блока, но далеко не всегда создающие впечатляющий ансамбль и подчас даже расхолаживающие читателя своей обыденностью, незначительностью. «27 апреля Блок отправляет матери открытку с Подсолнечной «Милая мама, приехали благополучно. Мартина нет (твое письмо я взял с почты), в Клину пили кофей, погода очень хорошая, солнце». Из Шахматова никто не приехал встретить на станцию. «Сейчас буду нанимать ямщика — пришел сын» — и т. п.

От «сноса» подобных строк и страниц книга решительно выиграла бы, мысли автора выступили бы в более ясной перспективе и истинные истоки блоковской поэзии не засорялись бы частностями, которых в любой жизни тьма-тьмущая и которые в данном случае привлекают автора всего лишь потому, что как-то связаны с Москвой («В № 4—5 «Вопросов жизни» опубликованы статья Блока «Творчество Вячеслава Иванова» и несколько рецензий, в том числе на вышедшую в Москве первую книгу стихов и прозы Виктора Стражева. » — да разве имеет значение, где вышла эта слабая, справедливо раскритикованная Блоком «книжка»?!).

НЕМАЛО интересных сведений почерпнет читатель в книге В. Енишерлова «Александр Блок. Штрихи судьбы» («Современник», М. 1980). Она довольно фрагментарна «материалы к биографии А. Блока» (таков подзаголовок первого раздела) сочетаются в ней со «страницами творчества», где по преимуществу дается обзор критической деятельности поэта. Однако многие страницы книги, в особенности главы, посвященные обстоятельнейшему прослеживанию родословной поэта, читаются с живейшим вниманием.

«Кинолинеек» всех вышеназванных книг по своей форме «очерк жизни и творчества», как определил жанр книги «Александр Блок», (Киев, «Днепро», 1981) ее автор — С. Бураго. Однако за этой строгой и «старомодной» «одежкой» читатель вскоре же ощутит мысль живую и самостоятельную, подчас полемическую по отношению к установившимся мнениям. Исследователь раскрывает представление о «слишком уж идеальной обстановке блоковского детства», стремится объективнее, чем то часто делается, оценить фигуру отца поэта и в частности, высказывает интересное предположение, что для Блока в период формирования замысла поэмы «Возмездие» оказалась «важна ... вся романическая сторона мировоззрения отца».

С. Бураго отчетливо ставит творчество поэта в контекст истории мирового романтизма, считав, например, что в своей известной речи «О современном состоянии русского символизма» Блок отстаивал не столько саму эту литературную школу, сколько свойственное ей романическое мировоззрение. Автору книги и в других случаях свойственно плодотворное стремление рассматривать события жизни и творчества Блока в их объективной значимости, а не применительно к преходящим интересам групп и течений или последующим оценкам последних в критике. Так, исследователь пишет, что «отношение поэта к русскому реализму начала XX века — больше чем отношение к литературной «школе». Реализм для Блока — это выражение «народной стихии».

И хотя главный интерес книги — в новом истолковании многих прекрасно известных всем страниц и фактов, в нащупывании большей, чем обычно представляется, органической цельности всего творчества поэта (начиная с его тонко проанализированных юношеских стихов) одновременно она обогащает читателя рядом интересных сведений об идейно-творческих импульсах, исходивших от окружавшей Блока действительности и чутко и вдумчиво им претворенных (особенно интересны в этом отношении страницы, посвященные поэту Леониду Семенову, личностью которого интересовался даже Лев Толстой, и его невесте — легендарной революционерке Марии Добролюбовой).

Жаль что крайне скромный тираж книги киевского исследователя (12 тысяч экземпляров) весьма затрудняет «встречу» читателей с ней.

МНОГИЕ писатели испытали и испытывают «приливы и отливы» читательского интереса. Но та высокая «приливная волна», которая давно обозначилась в отношении нашего общества к блоковскому наследию, кажется, и не думает спадать и уносит на своем гребне все новые и новые работы, не схожие, убежденно спорящие друг с другом, а в целом помогающие читателям еще больше оценить это замечательное явление отечественной культуры.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

К. И. АМБРАСАСУ — 50 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР и совет по литовской литературе направили Казису Йоновичу Амбрасасу приветствие:

«Почти три десятилетия работаете Вы в литературе. В своих книгах «Правда времени», «Взгляд на литературу», «Мысли в пути», «Литература — отражение жизни» и других с присущими Вам основательностью и темпераментом рассматриваете Вы различные проблемы литературы, ее глубинные связи с жизнью народа. Фундаментальный характер носят Ваши исследования в области истории литовской критики и влияния воззрений русских революционных демократов на общественно-политическую мысль и литературу Литвы. За книги последних лет «Критические этюды» и «Прогрессивная литовская критика» Вы удостоены Государственной республиканской премии Литовской ССР.

Человек широкой эрудиции и неиссякаемой творческой энергии, Вы отдали много сил работе в Союзе писателей и его печатных органах, Министерстве культуры республики, а ныне являетесь главным редактором издательства художественной литературы «Вага».

М. А. КУРГАНЦЕВУ — 50 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР, Советский комитет по связям с писателями Азии и Африки, совет по казахской литературе и совет по художественному переводу направили Михаилу Абрамовичу приветствие:

«Ваша переводческая деятельность связана в основном с поэтической культурой стран Азии и Африки, благодаря Вам советские читатели получили возможность познакомиться со стихами крупнейших поэтов Востока — Назрула Ислама, Мукна Бису, Аль-Бяяти и других. В Вашем переводе изданы многочисленные сборники стихов, в том числе десять поэтических антологий арабской и африканской поэзии. Широкое признание и высокую оценку получили книги «Голоса на рассвете», «Гнев и надежда», «Три арабских лирика», «Ритмы».

Значительным Вашим достижением как поэта-переводчика явился перевод стихов выдающегося африканского поэта революционера Агостиньо Нето. Вы сумели, сохранив своеобразие подлинника, воспроизвести их как яркую, естественно звучащую на русском языке поэзию.

Много сил и труда вложили Вы в перевод стихов классика казахской поэзии Султанмахмута Торайгырова, замечательного поэта современности Мухтара Ауэзова, Ваша многолетняя плодотворная творческая дружба с казахскими писателями, повседневная помощь в работе совета по казахской литературе СП СССР получила высокую оценку и на съезде писателей республики — Вы названы одним из лучших переводчиков казахской поэзии.

Как коммунист и общественный деятель Вы ведете большую работу в Советском комитете по связи с писателями Азии и Африки, в правлении Советской ассоциации дружбы с народами Африки и исполкоме общества «СССР — Бангладеш», как руководитель творческого семинара молодых поэтов-переводчиков при Московской писательской организации».

* * *

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

МАТЕНАДАРАН

Фоторепортаж Т. ВАЖЕНОВА

МАТЕНАДАРАН имени Маштоца — центр рукописных сокровищ армянского народа. Здесь ведутся широкие библиографические исследования, сотрудники изучают и публикуют памятники философской мысли, произведения художественной литературы.

Виктор КОЗЬКО

МАТВЕЙ РОВДА БОРЕТСЯ...

Белорусский прозаик Виктор Козько, лауреат премии Ленинского комсомола, литературного конкурса имени Н. Островского, широко известен всесоюзному читателю по книгам «Здравствуй и прощайте», «Судный день», «Цветет на Полесье груша» и другим. Повесть «Судный день» издана также в Чехословакии, Болгарии, Венгрии.

Роман «Колесом дорога» стоит, кажется, несколько особняком в творчестве Виктора Козько. Но это только на первый взгляд. Все его повести и рассказы, вышедшие ранее, так или иначе связаны между собой темой войны, послевоенного детства, исследованиями сложных взаимоотношений человека и природы. Настоящее же произведение посвящено современной деревне в сложный период ее развития, связанным с осуществлением большой государственной программы по преобразованию белорусского Полесья. В центре внимания автора не только задачи хозяйственно-экономического плана, но и связанные с ними проблемы перестройки сознания крестьянина. Формирования нового уклада жизни, которые влекут за собой неизбежные при этом потери и приобретения. Главный герой романа Матвей Ровда начал работу мелиоратором, осушал болота, ныне продолжает работать в тех же местах, но уже председателем колхоза, созданного им же. Однако перед Ровдой стала новая проблема — где взять воду для орошения полей. Избавились от страшных весенних паводков, но землю начали преследовать заморозки среди лета, пыльные торфяные бури, а болото, осушенное Ровдой, стало кочующим. В борьбе за воду — это главная тема второй части — Ровда идет на отчаянные поступки, он упорно ищет выхода из создавшегося положения.

Роман «Колесом дорога» полностью будет опубликован в журнале «Дружба народов».

Болото тронулось в путь, как только осушили Чертову прорву. Но когда оно сдвинуло свой первый шаг, никто на приметил. И мудрено было приметить, потому что в первый год своих блужданий оно ничем — ни топью, ни водой и ряской, ни камышами и тростником так и не проявило себя. Подкралось к дамбе, к дороге, что проложили на Болонь, и дальше, на Воатино, и замерло у дамбы и насыпи, сияя не вовремя, к осени, зацветшими желтыми ирисами. Потом ирисы погасли, приспела осень, навалилась зима. И зимой под снегом болото прошилось через насыпь. И теперь ирисы зацвели весной, как и положено, но только уже по другую сторону насыпи. И только зацвели, а отцвести им не дано было. Какая там шла под землей работа, какие разгорались страсти, неведомо. Ничего на свет, на поверхность из глуби своей земля не выносила, не выдавала ничего никому. Казалось, и нет ничего там, в глуби, потаенного, все только на виду, на глазу. И на виду, на глазу все было, как и раньше, набирал листа и желудя Махалев дубняк, хоть и крепко пощипанный, но все же уцелевший, покорно изрезанная каналами в прямоугольниках и квадратах лежала укрощенная Чертова прорва, ярились в этих квадратах и прямоугольниках пшеница и рожь, выгоняя на радость людям крепкий, литой колос. Все было на радость, все было на руку человеку, Матвею Ровде. Земля была не только преображена им, но и украшена дружными хлебами, та самая гибельная и проклятая земля, которой и имени другого не нашлось, как только Чертова прорва. Сейчас же эта прорва роднила, за день в ней и оглобля могла зацвести.

Но вместе с этой радостью происходило на этой земле что-то и непонятное. Недаром говорят: огонь — царь, да царица — вода. После майских, опять же согревающих сердце дождей обнаружившееся уже по другую сторону дамбы болотце вдруг исчезло, прянуло в сторону, не дав осеменяться ирисам, зашагало уже бойчее, обнажив вдруг себя, оставляя за собой теперь уже следы. Следы эти, хотя и не особенно уронны для хлебов, были видимы на них провалами, сдвигами и надвигами, проплешинами жирных торфяников в квадратах пшеницы, будто сквозь эту пшеницу проточился и лениво сволокся к дубнякам небольшой полуподземный ручей. Собрались вместе подземные воды, скопились по росинке, по дождинке и решили прощупать, крепко ли сотворенное человеком поле, прошлись по нему, где видимо — поверху, и там остались промоины; а где невидимо — своими скрытыми в земле ходами, жилами-проточинами, и там теперь чернели просадины. Но на видимый и невидимый ход воды никому из людей посмотреть не удалось, может, свершилось это ночью, когда спали, только перед ними предстало уже настоящее болотце, и с ряской, и с топью, и с рогозником. Оно установилось и укрепилось, казалось, в самом неподходящем месте, куда и не во всякий весенний разлив достигала вода, там, где издревле была твердь, куда в весенние разливы сбегали с уроков школьники, переправлялись на лодках к махахеевым дубам и играли там в ножик и проигравшие ели ту земную твердь, наедались так, что и на хлеб не смотрели, потому что этим проигравшим выпадало тянуть из земли колышек, вбитый их более везучими товарищами. А так как счастье было переменчиво, то землицы той дубняковой досталось попробовать всем. Теперь же ее более не существовало: там, где когда-то вбивался в землю колышек, темнело сейчас зеленой рогозной пуповиной болото. Осилив, перешагнув через насыпь, попетляв, покружив по полям, оно прибилось к дубняку. И дубняк на глазах начал чахнуть, соседи его гниющих корней и преющих в липкой сырости листьев появилось прямо-таки несусветное множество комарья и мошкары. Не всяк теперь отваживался заглянуть в дубовую рощу. Впрочем, делать там сейчас людям было нечего, грибы в дубняке свелись, земляника выродилась в безлистую и безыгодную траяку, в голый и черный стебель, в волокнистый и голый стебель ушла и вся другая трава. Один только колючий и цепкистый стебель остался и от ежевик, которыми некогда славился дубняк. Сейчас же эти ежевичники были особенно неприятны и детям, и взрослым. Было неприятно и жутковато их зацепление, они неопознанно и с какой-то страстью хватались за тело и одежды, как мооские чудища, объявившиеся на суше, как усохшие осьминоги или спруты, и люди освобождались от них с трудом и брезгливостью. Птицы тоже стали брезговать дубняком, они покинули его, ушли из него молча, без песен и крика, будто никогда и не пели, не рождались здесь. Но этого ухода птиц люди уже не заметили. Им было не до болотца и дубняка, у них были другие заботы.

Начавшее кочевку болотце пощадило хлеба. Вода-царица мудро и бережно обошлась с ними, взяла только то, что необходимо было ей для прохода, прорыва к дубняку. Но и осуществляя этот свой прорыв, борясь за свою жизнь, она щадила землю и то, что на ней росло. И хлеба стояли колос от колоса — не слышно и голоса. На пшеницу и рожь ходили смотреть князьборцы, как на чудо.

— Центнеров двадцать пять возьмешь с гектара? — спрашивал Матвея дед Демьян.

Матвей посмеивался про себя. Он знал приверженность деда Демьяна именно к этой цифре, дальше нее он не поднимался ни в денежных, ни в каких других делах. Двадцать пять служила ему мерилом всего прожитого, полученного и отданного. В двадцать пять лет он женился, только по двадцать пять рублей давал в долг и принимал его единой бумажкой. И на селе до сих пор с улыбкой вспоминают, как в свое время, будучи председателем колхоза, стращал он колхозников штрафами за потраву и самовольные порубки. С трудом разбирая писанное по-печатному, вооружался ручкой или карандашом, клал перед собой чистый лист бумаги, что-то чиркал на нем, вроде бы акт составлял. И, составив, объявлял: «Итого будет с тебя двадцать пять рублей». Виновный деланно пугался и начинал торг, сбивая деде Демьяна на другую цифру. А так как иной цифры для него не существовало, то все заканчивалось изгнанием виновного с глаз долой, тоской и обидой председателя на самого же себя, на свою же неграмотность, на неподвластность ему бука и цифр.

— Двадцать пять центнеров — это не урожай, — поддевал сейчас деда внук.

— А сколько урожай?

— Думаю, что за сорок будет.

— Два раза, значит, по двадцать пять, — находился дед и торжествующе смотрел на внука: что, не кривой козе хотел мене объехать, не выйдет, мы еще ого-го.

И Матвей больше не противоречил деду, то были для обоих самые счастливые в их жизни мгновения. Старый радовался новому, невиданному им ранее и благословлял небо, что позволило ему дожить и своими глазами посмотреть на это новое. Скажи ему, что его земля может так родить, он не поверил бы, хоть и привык верить своей земле, как самому себе. Но верил он не в сказочное на этой земле, а в постоянное на ней, доверяя постоянному самого себя. Так же обычно, как рождение человека, и тоже самого обычного, не богатыря, не эпоповидце, не небесам, а земле и для земли предназначенного, Полесью, Князьбору, воспринимал он и то, что давала земля, — картошку, жито, травы, не требуя от нее, как не требуют от женщины того, что ей не под силу, не насилуя ее даже в помыслах, чтобы только хватало хате и семье на круг, установленный природой, от осени и до лета, чтобы не сбивать землю с постоянства, потому что по пятам за одним хлеборобом шел другой. Досталось от деда Демьяна и внуку. Матвею, хотя за что укорял его дед Демьян, грыз, ел поедом последние три года. Матвей так и не понял, считая старческими причудами: раньше было — да, а теперь — нет, не то. Вечная песня стариков и старух, сила из рук которых была уже упущена, но память о ней жива. И потому во всем были виноваты молодые, время.

Хлеевое же поле, нива примирили внука и деда. Старый и молодой смотрели на нее одними глазами и видели одно — видимое и осязаемое, то, что раньше деду Демьяну, быть может, только снилось в самых его смелых снах. И оба они уже прикидывали, сколько же народу можно накормить их князьборским хлебом и почему земля прятала этот хлеб от них раньше, в их молодые и детские годы, когда так хочется есть, когда за ржаную краюху можно отдать полжизни, отдавали за нее и жизнь. И болотце, уже явственно проявившееся у дубняка, ни дедом Демьяном, ни Матвеем, ни князьборцами во внимание не принималось и сам сохнущий дубняк тоже. Привыкшие максимум к десяти — двенадцати центнерам ржи или пшеницы с гектара, они были сейчас увлечены в самое сердце, и не только невиданным урожаем, а собственным своим отношением к тому, как готовился этот урожай: как это и за что можно было осуждать Матвея, если он почти чудотворец. Поломать устоявшееся веками, сломать постоянство самой земли — кому еще такое удавалось! И виделись урожаи еще большие, изобилие почти виделось. И это не было ни жадностью, ни забвением прежнего, их усыпила легкость, с какой все свершилось, и легкость эта сулила еще большие блага в будущем.

Ранней весной Матвей Ровда сдал управление своему же товарищу, с которым когда-то «кастрировал» трутней, Семену Рачевскому, а сам принял колхоз, им же созданный. И хотя то, как состоялось это его новое назначение, было как две капли воды похоже на назначение прежнее, когда он стал мелиоратором, Матвей вздохнул с облегчением. Он предчувствовал, что рано или поздно, а придется ему быть председателем колхоза, еще с того дня, когда вместе с Шахраем и секретарем обкома ездил по Полесью, но не думал, конечно, что все решится так быстро и вроде бы незаметно. На пленуме райкома в преддверии посевной Матвея спросили, кого бы он мог рекомендовать в председатели колхоза в Князьборе. Он никого не мог рекомендовать, потому что никто не поручал ему этого, а сам он не мог и додуматься, что его будут спрашивать. Спросили и сделали заключение, что вопрос им не подготовлен, а потому быть Матвею Ровде председателем колхоза: не знаешь — научим, не хочешь — заставим. Матвей повозмущался, но только для виду: он почувствовал за этим другую, не районную руку, и руку самого Шахрая почувствовал, все было в его стиле: завуалированно, мягко, но непреложно. Шахраи в перерыве перед этим подходил к нему, спрашивал, готов ли он, не уточняя, правда, к чему и зачем. Но Матвей воспринял его вопрос как нечто само собой разумеющееся и ответил, что, конечно же, готов, имея в виду свое управление в Князьборе. И другое еще имел в виду — свою готовность померяться с Шахраем силами. И потому с особым значением произнес.

— Поработаем, Олег Викторович, планы у меня большие, — и заглянул Шахраю в глаза: понимает ли тот или нет, что за этими словами. Шахраи вроде бы понял, нащупал родинку на щеке, будто уколол кто его в эту родинку.

— Рад за тебя, Матвей, искренне рад, молодец, — неизвестно за что похвалил Шахрай Матвея, но тут же нанес и ответный удар. — А начальство все же надо любить.

— Как это? — не понял и даже чем-того растерялся Матвей.

— А так. Начальство ведь — это твое дело, твоя работа. Не любишь начальство — не любишь и работу.

— Не понимаю, Олег Викторович. Начальство и работа совсем разные вещи.

— Вижу, что не понимаешь. Но какие твои годы, поймешь еще и помянешь меня. Сколько тебе уже, кстати?

— Да к тем приближается, но при чем тут...

— Ни при чем, нет, нет. Я в твои годы был умнее.

— Так и шагнули дальше...

— Ну, не заносись, не заносись — остановил его Шахрай. — На свадьбу-то хоть позовешь? Шучу, шучу, после договорим. — И Шахраи исчез, оставив Матвея в недоумении: чего хотел?

И вот все прояснилось. И они продолжили начатый разговор, уже зная, что стоит за словом каждого.

— Избавиться от меня захотели, Олег Викторович, — сказал Матвей Шахраю сразу же после пленума. — Только-только я разобрался, что и к чему, как вы меня в сторонку. Молодого, наверное, присмотрели, более сговорчивого.

— А ты что, считаешь себя несговорчивым? — Шахрай посмотрел на Матвея так, будто приглашал или принуждал его тоже взглянуть, присмотреться к самому себе. И Матвей взглянул и промолчал, потому что действительно ответить было нечем.

— Не расстраивайся, — тут же помиловал его Олег Викторович. — Нам еще друг от друга придется много чего услышать. И ты не подставляйся сам. Все равно работать вместе. Ты что, думаешь, я не понимаю тебя? Мы ведь так похожи с тобой, потому, быть может, я и спасаю тебя, хочу тебя уберечь от своих же ошибок.

— А они у вас были?

— Нет, — твердо и, быть может, излишне быстро ответил Шахрай. — Что, недоволен моим ответом, хотел услышать другое? Так я и не побоюсь. Матвей, повторить, нет. Нет, пока я — я. А когда буду уже только «он», то у того, у «него», ошибки, конечно же, могут быть. Ясно?

— А я не побоюсь сказать: да.

— Это «да» уже твое личное «да». И меня оно не касается.

— Я не хочу, чтобы меня переставляли с места на место, как фигуру на шахматной доске.

— Хотеть или не хотеть в твоем положении ничего не значит, не девица ты уже, хотя я тебя все еще продолжаю оберегать.

— От кого?

— Вот именно, от кого и для кого? От мелиорации, мягко говоря, ты уже устал. Не пойму только, проглядел, где и когда это произошло. Водохранилище? Голая баба?..

— Какая еще голая баба?

— Как же, забыл: голая баба моется, у Толстого. Льва Николаевича.

Матвей вспомнил и улыбнулся. Улыбнулся наконец Шахрай. И они почти друзьями покинули Дворец культуры, где проходил пленум. Странной была эта их дружба, в которой непонятно чего больше — настороженного любопытства друг к другу, вражды или глубоко замаскированной симпатии. Сам Матвей по крайней мере разобраться не мог. Его тянуло к Шахраю, потому что были в нем какая-то основательность и безоглядная вера в то, чем занимался, ради чего жил. В себе же Матвей такой веры не находил. То есть он, конечно же, верил делу, которым занимался, но держался и стоял при этом не на бетоне, как Шахрай, а на чем-то другом, беспрестанно шатающемся и раскачивающемся, на чем трудно было удержать равновесие, и беспрестанно приходилось размахивать нелепо руками, менять в себе баланс. И эта потеря равновесия и смена баланса унижали его, каждый раз требовалось время, чтобы устояться вновь, обрести нужную амплитуду укрепленного в нем маятника. Шахрай же не знал или не признавал таких колебаний, скорость их всегда была постоянна. А если и случался сбой, Шахрай молниеносно обретал утраченное равновесие и, как кошка, с какой бы высоты его ни бросали, снова прочно стоял на ногах. Этого-то как раз и не хватало ему, Матвею, что, видимо, и притягивало его к Шахраю. Он был благодарен Шахраю, избавившему его от мелиорации. Матвей уже устал сушить и корчевать, устал сносить и строить. Земли, болота и реки уже не сопротивлялись, по крайней мере так, как раньше, не сопротивлялись, словно он в самом начале, не заметив того, наступил в Князьборе на нечто стержневое, сердцевинное и этим сопротивлением и примял, скрутил его. С того сердцевинного все покатилось уже само собой. И в нем, Матвее Ровде, все покатилось, он начал как бы глохнуть, молчал там, где когда-то невольно, да вскрикивал. Он словно вступил в предпенсионный возраст, когда главное — удержаться и удержать себя год или месяц до почетных проводов, до дарующего ему вместе с пенсионной книжкой торжественного ритуала освобождения уже полную пустоту. Все это и выложил Матвею Шахрай в номере гостиницы, в котором они заперлись после пленума.

— Как же мне в таком случае понимать мое председательство? — спросил Матвей Шахрая. — Ведь к этому причастны и вы?

— Причастен, так и разумеем, — ответил Шахрай. — Сам строил, сам создавал хозяйство — сам и командуй, веди его. И учти еще одно, самое главное: за тобой следит сейчас, ох, сколько глаз. Помни про них.

Он вел и помнил, готовился к уборке, прикидывал, где и какие могут возникнуть заминки, хватит ли техники, хватит ли рабочих рук. Обошел все хаты: упросил выйти в поле и на ток не только стариков и старух, но и детей студентов, поклонился Ваське Баздыке. Васька еще подростком был штурвальным на комбайне, согласился и сейчас пойти штурвальным, а если надо — то и комбайнером на вторую или третью смену. Уговаривать-то, собственно, никого не пришлось. Князьбор цену хлебу знал. Но самого главного он все же не учел — именно обилия этого хлеба. В разгар уборочной хлынули дожди и закрутили ветры, положили пшеницу. Комбайны и машины тонули в поле. Однако пережили, выстояли непогодь. А в ведро отлаженная, скрепленная общей бедой и энтузиазмом машина дала трещину. Зерно хлынуло с полей беспрерывным потоком. Его не успевали отвозить от комбайнов, его некуда было ссыпать, не хватало токов, навесов, его не успевали лопатить и просушивать на сушилках, сушилок тоже не хватало, а ко всему в районе захлебнулся и элеватор.

И с утра на первых машинах с зерном отбыл в район на элеватор проталкивать это зерно редактор газеты.

— Любой ценой, — упрашивал его Матвей. — Только побыстрее. Любой ценой.

— На что ты меня сбиваешь и в кого ты меня превращаешь, Ровда? Я же журналист, я с тебе штаны должен снимать за то, что происходит. А ты меня соучастником преступления делаешь. Это ведь преступление. А в газете у меня который день Доска почета и твое хозяйство выше всех.

— После, Иван Федорович, разберемся. Снимешь с меня и штаны, когда спасем хлеб. А спасем, я готов, бесштанным пройду через весь Князьбор.

— Победителей не судят...

— Иван Федорович, родной ты мой, о хлебе боль. — Редактор Матвею нравился отсутствием в нем всего привычного журналистского, мужиковатостью, тем даже, какие у него пшенично-кустистые брови и как он смотрит из под этих бровей, осуждающе и в то же время сочувствующе, и он не стеснялся быть откровенным с ним. Только он и мог сейчас выручить князьборцев.

— Непорядок это, Матвей, ох непорядок, — сказал Иван Федорович. — Иметь все и не иметь ничего, найти и потерять... Бизнес по-русски: украсть ящик водки, продать, а деньги пропить... Когда это кончится.

Редактор Матвея тоже не стеснялся. Он уехал, заверив Матвея, что протолкнет зерно, но это в последний раз, и не ради него не ради Матвея а ради хлеба, хлеба. Матвей, проводив его, вернулся в правление, где по его приказу с утра были в сборе все от мала до велика князьборцы. Всех их он знал в лицо и по имени-отчеству, исключая конечно, только тех, кто появился в Князьборе недавно, кто приехал в новый поселок по объявлению: предоставляются работа и жилье... Князьборцы смотрели на него с ожиданием, тревога была в их глазах, но и надежда. Они верили ему. Он ведь был для них — быть может, только пока, но и за это спасибо — не только председателем, старшиной, голочой, начальником, а и Антоновым сыном, Демьяновым внуком. А Демьяны, они голосистые. И он весь в их породу, что-нибудь да придумает. А приезжие, еще не вживленные в князьборскую землю, смотрели на него со спокойным равнодушием, они знали, что и за простой, а тем более вынужденный, тоже платят. И нечего им беспокоиться, будет рубль, будет хлеб. Бумажка та рублевая и была их хлебом. И сколько еще надо времени, чтобы понять: бумажка и есть бумажка. Многие из них так до конца жизни и не поймут этого. Не цена хлебу бумажка, не покупается он на деньги, как и любовь, доверие, авторитет и еще бог знает что. Все, наверное, всему цена только пот и кровь, и тревога и боль и вера, то, что он читает на заросших щетиной лицах своих земляков, в запавших глазах князьборских женщин и старух. И ему нечем платить за эту тревогу и боль, хотя он и Антонов сын, демьяновской породы, нечем их обнадежить. Не много он может дать и приезжим, если не брать в расчет той самой бумажки, которую они почитают за хлеб. Сам же хлеб горит, и он не знает, как потушить этот огонь. Хотя знает, уверен в другом: лучше голод в десять раз лучше голодовка, чем такое богатство. На нет суда нет. Страшно, когда есть, и все это есть, добытое, взращенное, полученное — сквозь пальцы. Это убивает, убивает все, даже боль, не говоря уже о заботе, тревоге и вере. Неизлечимая боль не достигает уже страдания даже ближним, она может вызвать лишь сочувствие, а что проку в пустых переживаниях, когда всем известно — избавление только в смерти.

Молчание Матвея затягивалось, а он никак не мог набраться решимости заговорить. С улицы в распахнутые окна правления наплывал все время нарастающий гул машины. По звуку Матвей определил, что идет комбайн. Шел он не просто, а с ревом, подвыванием с отрывистым и сердитым дяканьем гудка. Вот мотор перестал выть, работал уже вхолостую, но беспрерывно начал гудеть гудок, будто вызывая кого-то на бой. Матвей понял все, понял, что это зовут, требуют его, догадался и кто зовет, требует, но не кинулся к выходу, ждал, когда Баздыка сам придет к нему. И он пришел, ударом ноги распахнув дверь, стал у косяка, плечами на весь проем двери. Достал сигарету, прикурил, но не затянулся, а скорее, отчурил от нее вместе с табаком и дыма, заиграл сигаретой, перебрасывал ее из угла в угол рта.

— Заседаете?

— Что у тебя, Василий?

— Прибыл на собрание, можете продолжать. Матвей Антонович, повесточку мне только сообщите и занесите в список для премии.

— Сломался?

— Я? Сломался? Да в нашем такого не будет. Раскрывай пошире окно и стол подставляй — разгружусь тебе на стол. Полон, Матвей Антонович, бункер, два часа машины жду... А вы заседаете.

— Садись, послушай и ты... Мы как раз об этом и ведем речь.

Перевод с белорусского автора

Рисунок В. КАЗИНЦЕВА

НОВОЕ ИМЯ

Стасис ЙОНАУСКАС

Я познакомилась со стихами молодого литовского поэта Стасиса Йонаускаса из Сиуодаса, с его первыми публикациями на русском языке в переводе Г. Ефремова (у себя дома он автор трех книг) и должна признаться: в какой-то миг мне стал внятен «глагол его земли».

У Йонаускаса почти нет стихов от первого лица. Родная Литва, ее природа, люди как бы собрали и растворили в себе без остатка его лирическое «я». Пишет ли он о простом подорожнике, пробивающемся «между камнями, пальцами ног, бревнами сруба», о молодой картошке, дышащейся в земле, о том, что «рожь — как родная речь: все выше взмахи волн», вас не покидает ощущение красоты и поэзии, словно вы идете по полям и дорогам его родины.

Инна РОСТОВЦЕВА

Полнолунье. Вода укрыла
Белый свет в глубине, взаперти.
Серебрятся, сойдясь у обрыва,
Под луною ночные пути.

А прохожий молчит, узнавая
Книгу ночи, небес и планет.
Где взывает земля, как живая,
И душа превращается в свет.

Эта жизнь — и чиста, и лучиста —
Светит всюду, без края и дна.
Эта полночь — и в сердце стучится
Голос вечной земли: тишина.

После покоса

С холма вдоль прокоса
посмотришь: равнина за хуторами,
Отныне трава полевая,
всю жизнь промолчавшая, как в забытьи,
Только в памяти и цветет.
Теперь уже не пора ли
Думать и думать долго,
пока цветы торопятся наскоро отцвести.

Облака наливаются сизой усталостью.
Все неслышней
Вздохи неровных — до самого детства
бегущих — ржаных полос.
Месяц над крышей —
как добрый сосед давнишний,
Для которого у тебя слова
точного не нашлось.

Азартные мысли остывают беззвучно.
В окнах
Перед рассветом видна звезда,
а утренние холода,
Будто нежданная седина,
прорастают на темных копнах.
И долетает из желтого сада
твоя негромкая правота.

Перевел с литовского Г. ЕФРЕМОВ

Надежда КОНДАКОВА

■

Эти слова, что взошли на опаре,
Долго хранились, как клад вековой.
В ларе старинном, в холодном амбаре
Речи родной.

Эти слова собирал по крупице
Дед мой, скупой, как Иван Калита,
Их подносили заморской царице
Медоточивые чьи-то уста.

Эти слова мне шептал еще Разин,
Что это были тогда за слова!
Самые пылкие! Но не от грязи, —
Кругом от нежности шла голова.

Эти слова вымучали нас тайно
В злой недород или в рекрутский час.
Белая Русь и ржаная Украйна
Их отголоски хранят и сейчас.

Русская речь, в твоем ситцевом поле
Все незабудки и все васильки
Века двадцатого — плачут от боли.
Вытопчем поле — умрем от тоски.

Да сохранит нас, за все отвечая,
Речи родимой бескрайняя даль,
Слово — лиловый огонь иван-чая,
Из-за которого жизни не жаль!

■

В год одна тыща девятьсот —
какой — не знаю,
В российском поле утреннем, во мгле
Кивали мне головки иван-чая,
Как самые родные на земле.
А где-то рядом, в двух шагах от дома
(Такое раз бывает на веку!),
Живая, в поле горбилась солома,
Зерно, живое, билось на току.
И бригадир в промасленной кепчонке
Величиной с мужицкую ладонь
Коня (по кличке Мальчик)
с рыжей челкой
Кормил и укорачивал супонь.
И было так прекрасно видеть это,
Косить косою, но цветов не мять,
Спать в сон-траве до самого рассвета,
Пить иван-чай и в сбруе понимать.
И, просыпаясь, браться вновь за дело,
Чтоб сквозь века, сквозь ночи, как вчера,
По праву руку — рожь вовсю шумела,
По леву руку — спали клевера.
Чтоб, задыхаясь, вспомнить
в час последний,
Стихи запрятав в нежилом столе,
Миг одна тыща девятьсот —
наверно, легкий,
Наверно, самый чистый на земле.

■

Вдоль осеннего барокко
Желтых листьев и ручья
Проплывает одиноко
Мимо — молодость твоя.

И чернеет в небе голо
Птиц трепещущая нить.
И горят в душе глаголы —
Жить, работать и любить.

Словно ты покуда не жил,
Не работал, не любил.
Слова русского — не нежил,
Междометий — не копил.

Словно все, что было прежде,
Кроме ветра и воды,
Тихо замерло в надежде
Замести свои следы.

...Я от слов не отрекаюсь,
Чувств с лотка не продаю!
Да, случалось в жизни — каюсь —
Быть у бездны на краю.

Да, любила и любима
На земле порой была.
Может, больше было дыма,
Но хватало и тепла,

И роскошного убранства
Желтых листьев и ручья,
И весеннего пространства
В сильной глотке соловья.

Потому на белом свете
Повторяю вновь и вновь:
Чем еще могу ответить? —
Лишь любовью! — на любовь.

■

Кто знает, может, в том и счастье,
Что, несмышленое, оно —
На миг всего! — и то нечасто
Заглядывает к нам в окно.

И, может быть, само искусство
Лишь в том одном заключено,
Что в жизни умершее чувство
Должно быть в слове рождено...

ТЕАТР

А. СМЕЛЯНСКИЙ

ПУСТОЕ ПРОСТРАНСТВО?

Малая сцена: спектакли, поиски, перспективы

ИДЕЯ малой сцены овладела театрами. Без всяких уговоров, по инициативе «снизу» открылись малые игровые площадки почти во всех московских театрах и во многих других тоже. Размещены новые сцены по всей вертикали театрального здания, от подвала и фойе до пятого этажа, но принцип их един: неслыханная близость творцов театрального действа и публики в небольшом пространстве, лишенном рампы — границы между актером и зрителем. В газетах стали появляться специальные рубрики — «спектакли малой сцены». Уже пошли исторические экскурсы, выясняющие, что откуда началось и куда идет. Уже появилась соблазнительная антитеза сцены малой и большой, театров «камерных» и «каменных».

Словом, контуры нового театрального явления очертились. Прозвучали фанфары. Розданы небольшие призы новорожденным. Пришла пора взглянуть на дело, как говорится, при свете дня, не только умиляясь первым шагам крепнущего младенца.

ПЕРЕД ТЕМ как писать статью, я занялся кустарной социологией и опросил некоторых наших режиссеров — от Г. Товстоногова и О. Ефремова до А. Васильева и Л. Додина: зачем нужна малая сцена? Ответы были на редкость однообразны: «площадка для дебютов», «лаборатория для экспериментов». За скобками, видимо, осталась общая для всех неудовлетворенность стабильно наезженными отношениями со зрителем, тоска «по новым формам», по новым отношениям с публикой в «пустом пространстве».

С этих различных возможностей «пустого пространства» мы и начнем.

В фойе Театра имени Гоголя очень короткое время существовал спектакль по чеховской «Дуэли». Он канул в небытие, не оставив, кажется, ни одной строчки памяти о себе. Прошли годы, а я не могу забыть, как зрители вместе с актерами сидели под натянутым полосатым сине-белым тентом, парились и томились под лениво-бесстрастным южным солнцем, постепенно «влипая» в тягучий сюжет об упадке ума и воли интеллигента, которому ни море, ни солнце не мешают излить свою вечную обиду на жизнь. Атмосфера, душа спектакля, созданная режиссером Е. Лисконогом и художником С. Бархиным, включала зрителей в свое магнитное поле. Мы сами становились неотъемлемой частью зрелища, начинали воспринимать театр чувственно, изнутри этой «волшебной коробочки». Небывалый эффект присутствия.

Другая возможность открывается нам, когда мы оказываемся на малой сцене Театра имени Моссовета, что на Фрунзенском валу. Тут тоже важен эффект присутствия: мы становимся соучастниками возвращения из легенды Жанны д'Арк (интересную пьесу Ю. Эдлиса «Месса по деве» впервые поставила И. Данкман). Дощатый настил захолустного трактира разрезал пополам небольшой зал бывшего кинотеатра. Актеры, многие из которых, видимо, давно не играли серьезных ролей, «правят свое ремесло» с азартом детей, наконец-то дорвавшихся до воли. Малая сцена оказывается еще и клапаном для выпуска накопившегося «пара», быть может, последней надеждой неутоленных актерских сердец, всех «вторых» и «запасных» составов, подолгу ждущих своей «очереди».

Своей «очереди» дождалась, кажется, и наша молодая, уже состарившаяся драматургия с ее пробами грунта на новой территории. На малых сценах мы начинаем различать ее внутренние мотивы, ее поэтику, голоса ее героев. Так, в небольшой комнате Театра имени Ермоловой для меня открылся мир Л. Петрушевской. Впечатление от одноактной пьесы «Любовь», поставленной А. Каменской, тревожно-знакомое, будто открыли перед тобой землю, которая, неузнанная, ежедневно и ежечасно была у тебя перед глазами и под ногами. У А. Петрушевской свои современные вариации на тему гоголевской «Женитьбы» — косноязычные герои с университетским образованием накануне первой брачной ночи. Особая поэтика «мелочей», рассмотренных будто под микроскопом, не приживалась на больших сценах: театры не знали, как это играть, зрители не знали, как этой новой «оптикой» пользоваться. Микроскоп малой сцены приоткрыл огромное значение «бесконечно малых величин», из которых в конце концов складываются и искусство, и сама жизнь.

«Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда...»

Мир глядит на нас в упор. Он хочет быть опознанным. Актер вырабатывает для этого опознания особую «микротехнику», в которой счет идет на мелкие и мельчайшие художественные купюры: значимы жест пальцев, поворот глаз, полнота живого человеческого дыхания. Постоянный крупный и сверхкрупный план. Опытным артистам, вкусившим воздух большого пространства, горящей рампы, тысячеглазого зала, в лаборатории малой сцены приходится переучиваться. Их мастерство кажется избыточным, их уверенность меркнет перед натуральной робостью любого ученика. Может быть, поэтому Немирович-Данченко называл искусство малых сцен «другим сценическим искусством»?

УБРАВ рампу, театр, конечно, не растворил границу между собой и жизнью. Обжигающе опасная близость со зрителем не отменила законов искусства, хотя и породила соблазн легкого общения. В определении Немировича-Данченко есть указание на этот соблазн: на малой сцене незаметно происходит замещение — искренность чувств подменяет мастерство. «Переносите спектакль на большую сцену, и у публики сразу раскроются глаза». Вероятно, поэтому спектакли малых сцен практически не знают провалов. Вероятно, поэтому они еще не знают и крупного событийного успеха. Напомню, что «История лошади» была задумана М. Розовским для малой сцены. Но событийной эта идея стала на сцене большой, в спектакле Г. Товстоногова.

Малые сцены только вырабатывают свою эстетику, начиная становиться питомниками новых актеров и новых зрителей. Отдав заслуженную и вечную похвалу последним, не забудем, однако, что именно зритель, то есть мы с вами, читатель, случается, мешает движению театра. Это у нас постепенно устанавливается привычка. Это мы оберегаем актерские штампы и клишированное мышление как устойчивую, неопасную и небеспокоящую форму отношений с действительностью.

На малой сцене (в тех случаях, когда она становится искусством) «не отвертеться, не отвернуться», актеру и зрителю нужны взаимные, порой исключительные душевные усилия, чтобы эту очную ставку выдержать.

Я смотрю на малой сцене БДТ «Кроткую» Достоевского в постановке А. Додина. Авторская идея стенографа, записывающего подряд все колебания человеческой мысли, идущей, как нарезной винт, к первопричине сущего, нашла в комнатном пространстве, кажется, идеальный резонатор. Мы вместе с рассказчиком как бы помещаемся в сферу человеческого сознания, притом сознания затаенного. Олег Борисов бесстрашно идет на испытание рентгеном малой сцены, чтобы пробиться к тайникам души, в которую «проникла плесень».

О, как трудно это дается, какие немыслимые преграды сооружены на пути изливающейся в исповеди души и в самом актере, и в нас, зрителях, устающих следить за бесконечным самоанализом, требующим ежесекундно зрительского соучастия! Актер буквально изнемогает, пробиваясь к искомой цели, к той высшей точке, ради которой существует театр. И вот она наступает, эта высшая точка. Отторгнутый от мира, истерзавший себя и живую душу женщины, покоящейся перед ним в гробу, в серой небольшой комнатенке, в этом гулком колодезном одиночестве «подпольный человек» издает вопль отчаяния. Он посылает его последнему и единственному оппоненту — небу. Он разрывает литургическую строгость спектакля, нигде не выходящего из рамок своего пространства, своей формулы, этим пространством порожденной, — минимум внешних средств при максимальной внутренней насыщенности.

Голос тоскующий, голос взывающий «есть ли в поле жив человек?» взрывает психологическое пространство малой сцены. Оно становится тесным для актера. Открытый неусеченный жест, полный звук, предельно выраженная эмоция с «комнатностью» не совмещаются. Они требуют иного резонатора, даже иного количества людских душ, необходимых для соборного переживания, в котором не зря видели тайну театра.

Конечно, искусство дышит везде, где хочет, но все же не забудем пушкинское — «драма родилась на площади».

ИМЕННО поэтому, восторгаясь малыми сценами, не будем преувеличивать их возможностей. Не будем возлагать на эти сцены решение задач, которые они решить не в состоянии. Стихийный всплеск экспериментальных работ в недрах стабильных театров является выражением иной, скрытой и гораздо более мощной потребности в обновлении всего организма, о чем столько сказано в последнее время. Может быть, от этой потребности в новых идеях, новых людях, новых формах мы стали видеть в малых сценах чуть ли не единственный выход из ситуации театрального «промежутка». Недавно я прочитал даже, что малые сцены наконец-то стали студиями современного театра.

Ничего похожего не происходит. Коренная для отечественного театра идея студий на всех исторических перепутьях рождавшая новые творческие направления и новые коллективы, — эта идея не сочетается с практикой малых сцен. Тому есть много причин.

Когда-то Мейерхольд категорически утверждал, что «в ячейках («студиях») зарождается новые идеи» и «выйдут новые люди». С той же категоричностью он развивал тезис: «Опыт показал, что «большой театр» не может стать театром исканий и попытки поместить под одной крышей завершенный театр для публики и театр-студию должны терпеть фиаско».

Сегодняшние малые сцены существуют именно под одной крышей с метрополией и по закону сообщающихся сосудов начинают подчиняться правилам «театрально-зрелищного предприятия», как именуются театры в финансовых отчетах. Они неизбежно подстраиваются под общий уровень большой сцены, отражают его в себе и в конце концов подчиняются ему. На экспериментальных площадках начинают играть так, как на площадке основной, только еще хуже.

Администраторы солидных театров уже смекнули, что малая сцена может приносить немалый доход: на малогабаритных спектаклях начинают выполнять план по «выездным». Идея животворящего пространства, интимно связанного со своим детищем — спектаклем, оказывается чистой утопией на практике, когда спектакль малой сцены, надрываясь, играют для двухтысячного зала. Более того, режиссеру, начинающему ставить на малой сцене, в качестве награды обещают в случае удачи перенести спектакль на сцену большую!

Малая сцена не имеет разработанного художественного статуса и потому остается пока «проходным двором». Проходящие режиссеры оставляют здесь свои спектакли так, как кукушка оставляет яйца в чужих гнездах. В нынешнем своем качестве малая сцена не может выделить из своих недр новых лидеров, способных начать собственное дело так, как это было в свое время с «Современником».

У малой сцены собственное предназначение. Открывая новые имена драматургов, режиссеров, актеров, становясь постоянной лабораторией, предостерегающей «завершенный театр для публики» от омертвения ткани, малая сцена не может решить проблемы создания новых театральных организмов. Новые малые сцены не могут заместить новые театры. Скажу прямее: естественный процесс рождения новых театров «снизу», то есть через школу и студию, проверенный всей практикой русского и советского театра, через малые сцены не может реализоваться. Как говорят связисты, «сигнал не проходит».

Поэтому, завершая первый театральный сезон 80-х годов, радуясь открытию малых сцен, не будем успокаиваться на достигнутом. Будем помнить, что в маленьком зале кинотеатра «Люкс» родилась не малая сцена, а Первая студия Художественного театра, из которой потом вышли и Е. Вахтангов, и М. Чехов со своими собственными театрами. Научимся сопоставлять явление, чтобы не попасть в положение древних рабов, о которых писал английский режиссер П. Брук. Они таскали на руках через мексиканские джунгли огромные тяжести, в то время когда их дети уже катали игрушки на отцами же придуманных колесах.

Думая о судьбе и перспективах малых сцен, спросим и мы себя: «А может, там колесо?»

ЭКРАН СЕГОДНЯ: ЦЕНА УСПЕХА

Михаил ЛЕВИТИН

В ЗЕРКАЛЕ ПРОКАТА

РЕПЕРТУАР кинотеатра. Его афиша, оставляющая равнодушным или привлекающая внимание. Итог кропотливой творческой работы кинематографистов, показатель уровня деятельности кинофикаторов и прокатчиков, суть и цель их труда. В разговоре о «цене успеха» сегодняшнего кино, который начался в «ЛГ», нельзя обойтись без анализа кинорепертуара. Ибо это своего рода зеркало, в котором отчетливо отражаются многочисленные проблемы киноэкрана.

Относительно недавно, когда выпуск фильмов был еще не так велик, а сеть кинозалов не столь развита, зрители смотрели и пересматривали едва ли не все, что выходило на экраны. Но времена меняются. Более 160 картин отечественного производства увидели свет в прошлом году, но вряд ли кто-нибудь станет оспаривать тот факт, что добрая половина прошла незамеченной. В этой половине есть и такие фильмы, художественные и идейные достоинства которых заставляют сожалеть и о быстроте репертуарного коловращения, и о недальновидности прокатчиков, и о низком эстетическом вкусе какой-то части зрителей, о нерасторопности рекламы, о пассивности кинопрессы... Да мало ли причин, по которым, к примеру, «Гнездо на ветру», «Пять вечеров», «Спасатель», «Несколько дней из жизни И. И. Обломова» уступили — и довольно быстро! — свое место все тем же «Слугам дьявола», «Версии полковника Зорина», не говоря уже о «Викингах» и «Каскадерах»...

Жупелом импортных «боевиков» сомнительного качества критики достаточно стращали прокатчиков. Теперь в заботы о выполнении финансового плана включились и сами мастера экрана — и это отлично, ибо свидетельствует о возросшем мастерстве кинематографистов, об их умении добиваться зрительского признания, о желании планировать успех. Казалось бы, равновесие достигнуто: план выполнен и на экране сплошь «лучшие отечественные киноленты». И все же...

Возникает не менее острая проблема — проблема жизнестойкости фильма. Эффективности его работы — не финансовой уже, а нравственной. И вот — дискуссия, вполне закономерная и своевременная.

Да, усилилась борьба за зрителя, за долю в ограниченном бюджете его времени. И как следствие — начались поиски новых форм рекламы, информации и пропаганды кино, поиски наиболее ярких, броских, апробированных путей завоевать зрительское внимание. Поиски эти, быть может, не всегда оправданны и художественно убедительны, но, во всяком случае, они положительно сказались на кассовых сборах.

Все это демонстрирует киноафиша. Молниеносная смена фильмов, причудливые, «завлекательные» названия, поточная череда детективных, приключенческих, остросюжетных лент — куда же без них!.. Зритель любит детективы, мелодрамы, комедии, захватывающие дух «истории», сильных и ловких героев. Эту его привязанность и пристрастие используют прокатчики, а вслед за ними и кинематографисты. И надо думать, что, к примеру, «Экипаж», «Пираты XX века» или «Петровка, 38» — картины, побившие рекорды зрительской посещаемости, — вряд ли долго продержатся на недосягаемой высоте. На смену им придут новые «боевики» — и в том, повторяю, нет ничего плохого, если вся их яркость будет нас развлекать, но не отвлекать от насущного, не гасить интерес к серьезному, не приучать к бездумности зрелища. Известно же — детектив детективу рознь.

И эта дискуссия, как я ее понимаю, менее всего имеет в виду скомпрометировать сам этот жанр, любимый большинством зрителей.

Речь о другом. О выборе. И о том, так ли уж добровольно мы, при 160 фильмах ежегодно, осуществляем свой выбор?

Ведь «рекордсмены проката» и впрямь с весельем и отвагой затмевают более скромные, но нередко и более высокие по своим художественным качествам картины. И очень быстро вытесняют их сначала с рекламного щита, затем из расписания наиболее «ходовых» сеансов, а потом и вовсе с экранов. И как бы ни были хороши эти всеобщие «любимцы», наши посещения кинотеатров таким образом превращаются в нескончаемый просмотр многосерийного фильма, каждая из частей которого странно и опасно похожа на все остальные.

Судя по данным «Московской кинонедели», приблизительно треть всего кинорепертуара Москвы за первое полугодие 1981 года составили детективные и приключенческие ленты отечественного производства. Если учесть продолжительность экранной жизни, количество отданных им кинотеатров, число сеансов — получится больше половины. Если же прибавить к этому экранное время, отведенное для новых «остросюжетных» зарубежных лент (а появляются теперь, надо сказать, в основном «остросюжетные»), а также для подобных фильмов выпуска прошлых лет, то эта цифра окажется еще более внушительной. Ибо отвечает она, как хотите, в основном требованиям заядлых любителей поразвлечься в кино.

А как же быть остальным?

Вот в этот бурный, грохочущий погонями и выстрелами репертуар попадает картина совсем иных качеств. Какова будет ее судьба? Приведу несколько примеров. Призерами XIII Всесоюзного фестиваля в Душанбе стали «Допрос» и «Ранние журавли». Фильм молодого эстонского режиссера О. Неуланда «Гнездо на ветру» был признан лучшим дебютом года на Международном кинофестивале в Карловых Варах. Картина И. Миколайчука «Вавилон XX» получила в Душанбе первую премию за режиссуру. Само по себе, казалось бы, это означает, что прокату в работе с этими фильмами необходимо было проявить максимум внимания и умения. Однако в Москве «Допрос» был выпущен летом — в самое неудобное для показа серьезных картин время — и продержался в основном репертуаре не более 3 недель. «Ранние журавли» появились приблизительно на четыре недели всего в 10 кинотеатрах. Фильм «Гнездо на ветру» шел в Москве с изрядными перерывами всего пять недель за весь 1980 год в 7 кинотеатрах, а лента «Вавилон XX» увидела полупустые залы всего трех столичных кинотеатров. Для сравнения напомним, что далеко не лучшие образцы детективного жанра — «Прощальная гастроль «Артиста» и «Город принял» — демонстрировались по 12 недель каждый, соответственно в 80 и 74 кинозалах столицы (вновь использую данные «Московской кинонедели»). Но какой же в таком случае смысл в наградах, в похвальных рецензиях, в дискуссиях, в разговорах о воспитании эстетического вкуса, о кинообразовании в школе?

Предположим, что зритель всегда прав, легко свалить вину за однобокость проката на его вкус. Труднее разобраться. Тем более что многочисленные публикации центральной, республиканской и местной печати под характерными заголовками типа «Где увидеть «Восхождение»?», «Как попасть на «Степь»?», «Как встретиться с «Обломовым»?», «Пять вечеров» против «Динозавра» и т. п. говорят как раз о заинтересованности весьма значительного контингента зрителей в судьбах таких картин, об их несомненном внимании именно к высокохудожественным лентам, выбивающимся из общего потока ярких зрелищных «средних» и «очень средних» фильмов.

Классическая проблема «трудного фильма» решается прокатом подчас очень просто: считается, что трудного фильма не бывает есть лишь «некассовый». И это для проката прежде всего непредвиденный, нежелательный и вдобавок «тяжелый» случай. Это уравнение с многими неизвестными, решение которого прокатчик, однако, знает как бы изначально: зрителю не понравится — плана не будет. И зритель попадает в зависимость от вкуса работников проката.

Киноситуация меняется год от года, меняется зритель, но прокат не хочет рисковать, не любит экспериментировать: «тяжелый случай» нередко списывается в запасники склада, и о нем забывают. Чаще всего.

А между тем это, как правило, фильмы, художественная система которых рассчитана на долговременное пользование, фильмы, не похожие на своих стандартно красивых, хватких, остросюжетных собратьев. Они нередко несут в себе дух поиска, новизны, энергию и неуспокоенность истинного таланта — качества, которые и есть залог дальнейшего движения кино как искусства. Вспомним картины «Печки-лавочки» и «Странные люди», очень скромно прошедшие в прокате. Но без них не было бы зрительского феномена «Калины красной», после успеха которой все без исключения фильмы Шукшина стали пользоваться и повышенным зрительским интересом, и благосклонностью проката. Или ленты О. Иоселиани «Жил певчий дрозд» и «Листопад», чья экранная судьба тоже была не из легких. Но их художественный опыт много дал современному кинематографу. Заметим попутно, что спустя некоторое время после своего неуспеха в прокате «Листопад» и «Жил певчий дрозд» стали на долгие годы «бестселлером» Кинотеатра повторного фильма в Москве.

Этот опыт возвращает нас к далеко не новой уже идее. У Довженко спросили однажды, что он предпочел бы — чтобы его фильм показали в ста кинотеатрах за два дня или в двух кинотеатрах в течение двух лет. Он выбрал второй вариант. Думается, не потому, что в таком случае фильм увидело бы большее число зрителей. Важнее, что его посмотрели бы те, для кого он предназначен, кому адресован, а следовательно, поняли бы и оценили лучше. На экранах небольших и не самых «фешенебельных» московских кинотеатров — Повторного фильма и «Пламя» — обретали новую жизнь многие ленты из «золотого фонда» советского кино, счастливо продолжали свою работу для зрителя современные картины, прохладно встреченные при единовременном «массовом» прокате: «Древо желания», «Объяснение в любви», «Пять вечеров», «Прошу слова», «Несколько дней из жизни И. И. Обломова»... В течение месяцев, а то и больше года «трудная» картина идет на 2—3 сеансах в день, причем сеансах, наиболее удобных для посещения. Результат — полная загрузка зала.

Но кинотеатров таких мало даже в Москве. А что делать зрителям Саратова, Воронежа, Тюмени, Тагила? Что делать любителям киноискусства, живущим в маленьких городах и поселках, где подчас единственный кинотеатр крутит одни только остросюжетные «вертикали» и очень мало времени находится для иных жанров, иных уровней, иных эстетических потребностей? Им труднее, потому что опыт московских прокатчиков, опыт тех, кого волнуют экранные судьбы серьезных, а потому и сложных фильмов еще не получил сколько-нибудь заметного распространения.

Репертуар движется, меняется, сверкает броскими названиями. Как важно, чтобы современность, ее насущные потребности ощущались в нем не только по форме, но и по существу, чтобы за броскостью в любом жанре мы чувствовали жажду творческого поиска, открытий, беспокойство за завтрашний день — то, без чего, как известно, подлинное искусство не живет!

КИНО

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

На экранах действительно есть дефицит — но именно приключенческих, увлекательных фильмов.

П. КРАСЕЛЬНИКОВА
ХАРЬКОВ

Беда не в том, что много детективов. Много плохих детективов — вот в чем суть. Кто бросит камень в этот жанр? Ведь это хорошо, что у нас он обрел наконец права гражданства. Пусть появятся на экранах хорошие комедии, яркие мюзиклы, пародии, пусть даже фильмы-катастрофы. Но делать их надо на убого, а с веселой и талантливой фантазией. Популярные жанры не должны быть жанрами глупыми. И детектив, и мюзикл хороши, когда чувствуешь, что делали их умные люди с мастерством, артистизмом и увлеченностью. Вот таких фильмов при всем обилии детективов действительно остро не хватает.

М. НАЗАРОВ
НОВОСИБИРСК

Библиотека 8-й страницы

ГУМАННОСТЬ СМЕХА

Художники и публика карикатуру давным-давно приняли, признали и оценили, однако критических работ по истории и теории карикатуры у нас немного. Карикатура — и политическая, и шаржи, и юморески — обычно рассматривается лишь в монографиях о художниках-графиках — в работах о Кукрыниксах, о Борисе Ефимове и др.

Сами же художники, естественно, предпочитают, так сказать, «практическое решение вопросов» теоретическому его осмыслению. С этой точки зрения книга Льва Самойлова «Карикатура, карикатурист, читатель» представляет большой интерес.

Автор ее не только теоретик жанра, прежде всего он признанный мастер карикатуры. И экспонировавшаяся недавно в Москве выставка произведений заслуженного художника РСФСР Л. Самойлова подтверждает это. Среди представленных здесь работ много давным-давно запомнившихся нашему читателю — это и Статуя свободы с факелом, языки пламени которого при ближайшем рассмотрении превращаются в куклуксклановские балахоны; и из столь популярного среди бойцов сатирического отдела газеты «Красный Балтийский флот» военных лет — «Полундра».

Л. Самойлов — человек с биографией, которая, казалось бы, отнюдь не способствовала улыбке или смеху: он участвовал в знаменитом Таллинском рейде, трижды тонул, воевал, пережил блокаду Ленинграда, умирал от голода... Но юмор всегда был с ним. И это подтверждает маленькая его книга, книга, где немногие строки воспоминаний — об Остапе Вишне, Борисе Пророкове и др. — сочетаются с мыслями о специфике жанра.

Автор не только хорошо знаком и с его древней историей, и с работами мастеров советской карикатуры первых послевоенных лет; он очень точно определяет сегодняшние позиции советского художника — и политические, и эстетические.

Говоря о природе смеха, он пишет: «...искусство карикатуры, с одной стороны, как бы является плотью от плоти изобразительного искусства в целом, оно родилось вместе с ним, всегда шло рядом, учась у него и, в свою очередь, передавая ему свой опыт. С другой стороны, природу его с самого начала определили совершенно иные принципы, основанные на уникальном и бесценном свойстве человека — способности смеяться».

Умело и точно анализирует Л. Самойлов творчество Б. Ефимова, Кукрыниксов, Д. Моора, К. Ротова, М. Черемных и др., пишет о связи их с литературой, с В. Маяковским, с общественной жизнью, справедливо утверждая, что ни одно существенное событие не ускользало от зоркого глаза сатириков. Интересны отдельные наблюдения и над работами многих художников, в частности Н. Дени: «Творчество Н. Дени берет начало в русском народном лубке, что придает его карикатурам особую простоту и доступность, чисто народную лукавость».

Есть в небольшой книге Л. Самойлова и чувство историзма, и гордость за свою профессию, и то, без чего невозможно искусство смеха, — убежденность в нравственном здоровье художника, в его народности и в том, что понятие «юмор» неотделимо от гуманности.

Дм. МОЛДАВСКИЙ

Л. С. Самойлов. «Карикатура, карикатурист, читатель». Издательство «Знание», М. 1981.

ПОЧТА 8-й СТРАНИЦЫ

А КОНФЕРАНСЬЕ НЕ ИСЧЕЗ...

В одном из номеров «ЛГ» было опубликовано письмо читателя Л. Третьякова с вопросом — «Куда исчез конферансье?».

Почему вообще возник этот вопрос?

Только в Москонцерте около семидесяти конферансье. На смену ветеранам пришли мастера молодого и среднего поколений, среди которых немало ярких, самобытных индивидуальностей. Борис Брунов тяготеет к публицистике, у Сергея Дитятева дар импровизатора, Олегу Милявскому свойственна сатирическая острота, Лев Шимелов остроумен и динамичен. Можно назвать и других артистов.

И все-таки — «Куда исчез конферансье?».

Вероятнее всего, вопрос этот сначала появился у телезрителя. Того самого, для кого домашний экран заменил посещение «живых» концертов.

Ведущие популярных телециклов обычно эрудированны, умеют устанавливать контакт с телезрителями, импровизировать. И только телеконцерты, как правило, таких ведущих лишены. Вместо остроумного, непринужденно общающегося с аудиторией конферансье мы видим строгого диктора, который официальным тоном объявляет очередной номер. Да, конечно, не все можно механически переносить на экран. И все-таки телевидению стоило бы поискать собственный эквивалент эстрадного конферансье, привлечь к этим поискам ведущих мастеров жанра.

В таких программах, как «Очевидное — невероятное», «Клуб кинопутешествий», мы ведь тоже встречаем своего рода конферанс — но какого уровня мышления, какой глубины и знания предмета! Эстрадный телеконферансье тоже должен хорошо знать свой предмет — искусство эстрады, импровизировать, остроумно шутить. Опыт передачи «Вокруг смеха» и ее постоянного ведущего Александра Иванова — только начало поисков... Нужны люди, владеющие секретами веселого жанра. Тогда и не возникнет вопроса у многочисленных телезрителей: «Куда исчез конферансье?»

Роман РОМАНОВ,
конферансье

ДЕТСКАЯ ШКОЛА ИСКУССТВ
города ТОЛЬЯТТИ

Фото В. БОГДАНОВА

ГЛАВНАЯ ТЕМА

ХИРОСИМА

36 лет назад, 6 августа 1945 года, над Хиросимой произошел атомный взрыв. Этот день навсегда врезался в память человечества: ибо это

— день, когда было мгновенно убито и ранено более 140 тысяч японцев, мужчин и женщин, стариков и детей;

— день, положивший начало стратегии атомного шантажа американской администрации;

— день, заставивший вздрогнуть все человечество, вставшая перед угрозой атомного самоуничтожения;

— день, в который многие ученые задумались перед ответственностью за судьбу мира.

9 августа — атомный взрыв над Нагасаки. Еще 75 тысяч жертв. Как и в Хиросиме, не оправданных военной необходимостью.

ТРИДЦАТЬ ШЕСТЬ ЛЕТ НАЗАД. За эти годы многое произошло на нашей планете. Были и войны. Как их называют — локальные. Мировой войны не было. И не было атомных войн. Пока.

Так чему же Мир научился за эти годы?

Шесть стран овладели секретом производства атомного оружия и произвели его испытания. Израиль и ЮАР владеют секретом производства и, по-видимому, произвели его испытания. Пакистан близок к этому. В США разрабатывается стратегия ограниченных ядерных войн. СССР неоднократно был инициатором и подписал целый ряд договоров об ограничении распространения ядерного оружия, запрещении его испытаний. Неоднократно советское руководство предлагало США ограничить гонку вооружения, особенно стратегического. Но в ответ — новый виток гонки вооружения. В том числе и ядерного. Неужели ослабла память Человечества?

Я был в Хиросиме и Нагасаки. Я видел отстроенные города. Новые заводы, производящие современные автомобили и супертанкеры. Любовался культурными памятниками прошлого, восстановленными японцами.

Я люблю Японию и японцев. Их трудолюбие и гостеприимство. Их любовь к прекрасному. И ненависть к «дерьмому оружию, к войне. Ведь даже сегодня тихо умирают жертвы атомного облучения. И, что еще страшнее, — их дети, родившиеся после войны.

В Хиросиме и Нагасаки созданы музеи — памятники жертвам атомной бомбардировки. Они производят страшное впечатление. Фотографии и предметы, собранные в них, взывают: «Люди, нет ничего страшнее и опаснее для мира, чем атомная война». Панорамы городов после взрыва, кварталы плоской выжженной земли с отдельными каркасами зданий. Нам знакомы такие картины. Они похожи на Сталинград. Но в Сталинграде шло многомесячное сражение, когда каждый дом был крепостью, и, только сровняв его с землей, можно было им овладеть. Многие месяцы, а тут мгновение — и города нет. Люди не просто были убиты, они испарились, оставив тень на поверхности земли.

Мгновение — и города нет! А с тех пор ядерное оружие стало страшнее, появились водородные бомбы в тысячу раз мощнее той, которая взорвалась над Хиросимой, разрабатываются нейтронные, которые «только» убивают все живое.

Над Хиросимой возвышается высокий покрытый зеленью холм. На вершине — комплекс зданий. Это американский научный центр. Официально он предназначен для оказания помощи Японии в ликвидации последствий ядерных бомбардировок. Но одновременно изучается и эффективность ядерного оружия, впервые примененного против Человека, только об этом нигде не пишут.

Японцы хорошо помнят 6 и 9 августа 1945 года. Ежегодно они собираются на траурные митинги в городах — жертвах атомных бомбардировок. Здесь никогда не услышишь призывов к перевооружению Японии, которые можешь прочитать в газетах или услышать в выступлениях ряда политических деятелей.

В своем большинстве японцы, как и все другие народы, стремятся к миру, только, я думаю, у них это чувство немного острее, немного глубже, ведь это единственная страна, которая перенесла атомную бомбардировку.

Поэтому для всех миролюбивых людей быть «днями-напоминаниями» о ядерной катастрофе, из которой возврата нет.

А. П. КАПИЦА,
член-корреспондент АН СССР,
лауреат Государственной премии СССР

СЛОВО ПИСАТЕЛЯ

Ю. ОЗГА-МИХАЛЬСКИЙ:

Я БЫЛ СРЕДИ ДРУЗЕЙ

Известный польский писатель Юзеф Озга-Михальский был гостем VII съезда советских писателей. В интервью газета «Трибуна люду» он заявил:

В работа съезда нашли всесторонние и глубокое отражение проблемы многонациональной советской литературы. Те процессы, которые совершаются в прозе, поэзии и драматургии.

Наиболее примечательная особенность, отчетливо обозначившаяся в последние годы в современной прозе, в том числе и в той, что обращается к истории, — обостренная нравственная проблематика. Нравственные поиски советской литературы отвечают широким общественным запросам в этой области. Ведь далеко не всегда возникает подлинное взаимопонимание между людьми. В любой точке где один народ соседствует с другим, а человек с человеком, крайне важно бывает, чтобы между ними установились добрые и достойные отношения, основанные на взаимном уважении. Всегда ли так бывает? Одним словом, литературе принадлежит здесь руководящая роль.

Много внимание уделил съезд проблеме служения литературы и долгу писателей в борьбе за мир. Советские литераторы в своих заявлениях, делениях, книгах рассматривали вопрос о сохранении мира на земле как самую важнейшую проблему.

Не могу не сказать о волнующей встрече в польском посольстве в Москве с группой писателей — ветеранов второй мировой войны, участников боев за освобождение Польши. Мне запомнились слова, сказанные тем Виктором Астафьевым: «В море человеческой крови моя кровь — всего лишь малая капля. Но эта капля крови, окропившая польскую землю, породнила меня с поляками на всю жизнь»...

В течение нескольких съездовских дней я имел прекрасную возможность оживить свои старые знакомства и завязать новые. Хочу надеяться, что наши взаимные контакты, как это принято среди друзей, окажутся плодотворными для наших литератур.

СЕМЬ ДНЕЙ В АВГУСТЕ...

БУРЯ ПРОХОДИТ, ЦИКЛОН ОСТАЕТСЯ

● ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 1-й СТР.

Оправившись от небольшого скандала, он вскоре пустился в грехи, гораздо более тяжкие: будучи главой корпорации «Эдвайсмент инвэйсис», разрекламировал ее как «процветающее, перспективное дело». В действительности же корпорация была на грани банкротства, а сам Кейси откровенно надувал потенциальных инвесторов.

Резкий взлет сделала карьера Кейси сразу после прихода к власти Никсона. За его активную финансовую помощь избирательной кампании республиканцев он был назначен председателем правительственной финансовой комиссии и, надо признать, служил верно, пытаясь утаить от расследования компрометирующие администрацию Никсона меморандумы корпорации ИТТ. Такое рвение оценили и сделали Кейси председателем Экспортно-импортного банка. В отличие от многих своих коллег Циклону удалось выйти с незапятнанной репутацией после отставки Никсона.

«Уотергейт» — продолжение следует?

Менялись президенты, но не менялось главное в деятельности Уильяма Кейси — теснейший рабочий контакт с ЦРУ. Ну, а чтобы чувствовать себя действительно «кадровым ветераном», он возглавил «ассоциацию бывших офицеров разведки». Последнее обстоятельство особенно примечательно и стоит отдельного разговора.

Не дожидаясь разгара президентской избирательной кампании, «отставное разведывательное сообщество» в сотрудничестве с Центром международных стратегических исследований при Джорджтаунском университете приступило к осуществлению разработанного ими плана по дискредитации соперников из демократической партии. В действие была пущена классическая операция по дезинформации и политическому саботажу. «Отставники» и «академики» работали уверенно.

Так, в ходе избирательной кампании появились поддельное письмо «сенатора Кеннеди аятолле Хомейни», фиктивный меморандум совета национальной безопасности № 46, сфабрикованные материалы о некоем «советском агенте» в этом совете. Что касается более крупных операций по искусственному нагнетанию кризисной атмосферы перед президентскими выборами, «отставники» не менее самоотверженно участвовали через свои журналистские контакты в широкомасштабной пропагандистской кампании «трех угроз»: «советская военная экспансия», «поддержка Советским Союзом международного терроризма», советские «кроты» в ЦРУ и американских средствах массовой информации. Благодаря дискредитации столь нечистоплотным путем своих противников в значительной мере одержала верх республиканская партия.

Случайно ли, что уже на посту директора ЦРУ Уильям Кейси одобрил специальный план по свержению правительства Ливии и физической ликвидации Каддафи? Одним из его главных пунктов фигурирует программа по дезинформации, направленной на дискредитацию руководителей этой страны. Дезинформация, таким образом, как и в ходе предвыборной борьбы, стала одним из главных средств и методов политики, на сей раз уже в отношении суверенных государств. «Утечка» информации, сфабрикованные сообщения, фальшивки и откровенный обман общественности — лишь часть арсенала ЦРУ.

Пожалуй, никто еще из предшественников Кейси на посту главы американской разведки не брался с таким рвением за активизацию и расширение ее тайных операций. Стараясь и сам вносить «свежую струю», он ревностно принялся за расширение оперативной базы, особенно по использованию в качестве «крыши» для своих сотрудников американских корпораций, действующих за границей.

Вот почему, когда над Лэнгли разразилась буря, а директор ЦРУ оказался в опасности, в Белом доме продолжали заявлять о доверии к Кейси и его поддержке. Да и как не отстаивать человека, которому очень хорошо и даже слишком много известно, с помощью каких приемов вели республиканцы свою избирательную кампанию. Как не отстаивать человека, который, забравшись на вершину разведывательной пирамиды, уже приступил к осуществлению операции в стиле «ночного воздушного десанта», другими словами — к тайному вмешательству в дела Сальвадора, Никарагуа, Ирана, Афганистана и многих других стран. От такой «работы» отрывать человека нельзя.

Анатолий МАНАКОВ,
соб. корр. «ЛГ»
НЬЮ-ЙОРК

СООБЩАЕМ ПОДРОБНОСТИ

БЕГСТВО БАНИСАДРА

В половине пятого утра 29 июля с трапа сошедшего на базу французских ВВС в Эвре «Боинга» с опознавательными знаками иранских военно-воздушных сил сошел бывший президент Абульхасан Банисадр. Он тут же попросил политического убежища во Франции, о чем уведомили разбуженного французского премьера. Убежище было предоставлено практически немедленно. Всего шесть часов спустя бывший иранский президент, сопровождаемый несколькими детективами и усиленным нарядом полиции на мотоциклах, прибыл в свою квартиру в парижском пригороде Кашан, где постоянно живут две его дочери. Убежище предоставлено Банисадру, как заявил позднее французский министр внешних сношений К. Шейсон, при строжайшем условии, что он не будет заниматься какой-либо политической деятельностью во Франции.

Решающую роль в подготовке побега Банисадра за границу сыграли иранские военные. Полковник ВВС Бенхад Моэзи сумел не только разработать план бегства, но и склонить, правда, под нажимом, к его выполнению пятерых иранских летчиков на одной из военных баз близ Тегерана.

Все было готово к утру 28 июля. Полковник Моэзи приказал «мятежному» экипажу подготовиться к обычному тренировочному полету. В 8.30 вечера в точном соответствии с утвержденным на тот день планом полетов «Боинг» заправили горючим. К удивлению некоторых офицеров, что называется, «на полную железку», но возражать полковнику никто не решился. Позднее на территорию аэродрома доставили Банисадра. Охрана аэродрома не стала досматривать небольшой грузовичок с крытым верхом, на котором привезли наскоро загримированного бывшего президента. Под покровом темноты Банисадр беспрепятственно проник на борт самолета. Вместе с ним заняли свои места в самолете его четыре помощника.

В Тегеране о бегстве бывшего президента узнали из сообщений агентства Франс Пресс из Парижа. Когда руководители Ирана потребовали от военных подробного доклада о происшествии, они получили две версии случившегося. Одна утверждала, что неповоротливый «Боинг» якобы «чуть-чуть» не был перехвачен иранскими истребителями и ему буквально чудом удалось «ускользнуть от погони». Другая версия была проще — военный «Боинг», по существу, беспрепятственно покинул иранское воздушное пространство. Некоторые депутаты иранского меджлиса уже 29 июля заявили, что в армии Ирана зрел заговор против революции и государства. Министерство иностранных дел потребовало от Франции выдачи бывшего президента.

Банисадр был избран президентом Иранской Исламской Республики 25 января 1980 года. До этого он занимал посты министра финансов и министра иностранных дел. В ноябре 1978 года, будучи главой иранского внешнеполитического ведомства, Банисадр заявил, что отправится в Нью-Йорк, где в Совете Безопасности ООН обсуждался вопрос о захвате американских заложников. Это заявление очень не понравилось аятолле Хомейни. В результате поездка не состоялась, и Банисадр уступил пост министра иностранных дел Готбзаде. Затем его имя появилось в списке кандидатов в президенты.

После низложения Банисадра в иранской прессе постоянно появлялись материалы, свидетельствующие о том, что бывший президент проводил проамериканский курс во внешней политике страны. Так, он постоянно раздувал миф об «угрозе с севера», то есть со стороны Советского Союза, хотя отлично знал, что ее не существует в природе. Рассуждения о «советской опасности» понадобились ему, чтобы оправдать нормализацию отношений Ирана с США, за которую он постоянно ратовал.

В начале июля иранские газеты воспроизвели копии документов из архива посольства США в Тегеране, захваченного в ноябре 1979 года. Из них следовало, что бывший президент Ирана сотрудничал с ЦРУ как в период до возвращения Хомейни в страну, так и после победы иранской революции, то есть еще до своего избрания главой государства. Бейрутские газеты писали и о том, как Банисадр передавал в свое время президенту Картеру исчерпывающую закодированную информацию о положении американских заложников.

Игорь БЕЛЯЕВ,
соб. корр. «ЛГ»
на Ближнем Востоке

РАДИОСТАНЦИЯ «ЛГ»

ГАЗЫ И БАЦИЛЛЫ НА ЭКСПОРТ

«Игрок в покер», привыкший «блефовать», — так саркастически отзывается о государственном секретаре США Александре Хейге его бывший сослуживец Уильям Сэфаир, ныне маститый вашингтонский обозреватель. Тому же очередное подтверждение — радиотрансляция «Голосом Америки» недавней речи Хейга в нью-йоркской Ассоциации внешней политики. На сей раз госсекретарь, изображая себя, вопреки общеизвестным фактам, сторонником обуздания гонки вооружений, стращал слушателей угрозой «срыва процесса контроля над вооружениями» по причине якобы «нежелания Советского Союза согласиться на меры проверки соблюдения достигнутых соглашений». И вот какой проверки, по его словам, он сейчас домогается.

— Например, — изрек Хейг, — были получены в высшей степени тревожные сообщения об использовании русскими химического оружия в Афганистане. Подобным образом весной 1979 года в советском городе Свердловске имела место необычная вспышка сибирской язвы. Несмотря на наше непрекращающееся зондирование, мы еще не получили от советской стороны серьезных разъяснений по поводу того, не связан ли данный инцидент с деятельностью Конвенции о запрещении биологического оружия.

Ну что ж, придется повторно на страницах «Литгазеты» указать госдепартаменту США и заодно «Голосу Америки», что они разыгрывают свой антисоветский покер старыми крапленными картами. Ибо еще полтора года назад советские власти официально ответили на тогдашний вашингтонский запрос относительно происшествия в Свердловске, передав исчерпывающие сведения о случившемся там действительно локальной вспышке заболевания сибирской язвой. Что же касается тоже давней лжи о некоем советском химическом оружии в Афганистане, то на сей счет у вашингтонских злопыхателей до сих пор нет, кроме сплетен, абсолютно никаких реальных доказательств. И это естественно: ведь Советское правительство — инициатор международного запрета применения любых типов химического и бактериологического оружия. Так что же на деле хочет мистер Хейг проверять?

Впрочем, предложенную им проверку все же можно осуществить и начать ее, скажем, в Кабуле со склада трофейного американского оружия, отобранного у афганских басмачей. На том складе мне недавно продемонстрировали новейший образец контрабандных поставок ЦРУ шайкам мятежников — ручные гранаты с химическим газом Си Эн. Быть может, Хейг и впрямь готов проверить и откровенно сообщить, каким манером и откуда агентура ЦРУ протаскивает в Афганистан химическое оружие? А мы ему охотно поможем — снабдим фотоснимками тех контрабандных гранат.

А вот второй объект для инспекции господина Хейга — захваченные у басмачей американские ручные гранаты с химическим газом Си Эс-517. Впервые такие гранаты дважды применили мятежники в прошлом году близ афганского города Герат, а минувшей весной — в районе Газни. На этих гранатах имеется четкая фабричная маркировка: «Изготовлено в федеральной лаборатории в Солсбери, Штат Пенсильвания, США». Еще год назад корреспондент «Литгазеты» четырежды просил госдепартамент позволить посетить Солсбери и всякий раз получал категорический отказ, хотя этот город формально причислен к дозволенным для визитов советских журналистов. Вскоре затем сенатор от Пенсильвании республиканец Джон Хайнц раскрыл в прессе суть проблемы: «Наша осторожная помощь афганским мятежникам вполне уместна, но ее надо предоставлять без особого шума». Но коли Хейг сегодня расшумелся из-за «проверки» употребления в Афганистане химического оружия, то мы согласны хоть завтра обследовать тайный химический арсенал пенсильванского Солсбери и подобных источников афганских бандитов.

Уже несколько месяцев командированная из США в Пакистан группа сотрудников Мэрилендского университета занимается загадочными лабораторными опытами в научно-медицинском центре города Лахор. Видный пакистанский ученый профессор Б. Лодх обвиняет находящихся в Лахоре американских экспериментаторов в «испытаниях на людях новых средств ведения химической и бактериологической войны». О том же говорил мне в Афганистане главный редактор столичной газеты «Кабул нью таймс» Абдул Азиз Данишьяр.

— Мы располагаем достоверной информацией из Лахора, — заявил он. — что там американские биологи, нанятые ЦРУ, испытывают под видом борьбы с малярией наркотический препарат «антибе». Обработанные им 11 подопытных пакистанцев лишились рассудка. Еще трое умерли от американских прививок смертоносного вируса «конго». Нам удалось выяснить, что спецслужбы США планируют использовать сезонную миграцию из Пакистана в нашу страну кочевников-скотоводов, чтобы, заразив пришельцев и их стада, вызвать в Афганистане эпидемии энцефалитных заболеваний. Все это мы обнародовали в нашей газете...

Итак, в соответствии с пожеланиями Александра Хейга имеется немало перечисленных выше пунктов, достойных «мер проверки». Да только сдается, что он всего лишь желает вновь поблефовать.

И. АНДРОНОВ,
спец. корр. «ЛГ»
КАБУЛ — МОСКВА

На снимке: трофейные образцы контрабанды ЦРУ в Афганистане. Слева — ручная граната с химическим газом Си Эн, справа — осколочные гранаты

Фото автора

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА

В ЗАПАДНЕ

С этого письма сделаны три копии. Направлены они в «Нью-Йорк таймс», «Дейли ньюс» и лондонскую «Таймс». Передав нашему нью-йоркскому корреспонденту оригинал письма, его автор рассказал, что в тех органах массовой информации ему, мягко говоря, показали на дверь. «Литгазета», по его словам, осталась последней возможностью, что кто-то услышит о судьбе таких, как он, об их отчаянии и поруганном достоинстве, о жизни, загнанной в тупик безысходностью.

«Роено пять лет назад я выехал из Советского Союза, оставив свой дом, родных и друзей, — говорится в письме — Сегодня у меня уже нет никаких сомнений, что там осталась и моя надежда на справедливость, которой разные «голоса» обещали одарить, как только я переступлю порог «свободного мира». Мираж растаял при приближении к нему вплотную. Для американских властей, для тех достопочтенных джентльменов из правительства и конгресса, которые заманивали нас сюда, мы были и остаемся людьми без гражданства, даже без формального права апеллировать к закону, искать у кого-то защиты. Единственное право, которое нам предоставляется с избытком, — клеветать на свою Родину, участвовать в провокационных кампаниях с целью ухудшить советско-американские отношения, посеять среди американцев вражду ко всему, что связано с Советским Союзом.

За прожитые в Америке годы мне довелось быть свидетелем сотен и сотен трагедий, происходящих здесь с бывшими советскими гражданами, трагедий, виновниками которых являются как раз те, кого американская пресса нарекла «борцами за свободу евреев». — сионистские организации и их лидеры. В США только считанным единицам, которых можно активно использовать в антисоветской кампании, создаются нормальные условия жизни. Родственникам академика Сахарова — Янкелевичам, например, сразу отыскали теплое местечко в Гарвардском университете, а другие, «менее знаменитые», моют полы и унитазы в различных сионистских организациях. Все очень просто: если бы Сахаров узнал, что Янкелевичам приходится в Америке несладко, то его иллюзии насчет здешней свободы моментально рассеялись бы. Информация, которую он получает о процветании своих родственников, — это информация о лакеях, которым платят по счетам.

Если бы с Янкелевичами поступили так, как с моей знакомой, доктором медицинских наук, в прошлом заместителем главного врача поликлиники отделения АН СССР в Ленинграде Анной Семеновной Б.! Ее заставили убирать судна из-под престарелых миллионерш. В конце концов она покончила с собой. Или как с бывшей ленинградкой Софой М., которая вынуждена была пойти уборщицей в публичный притон, принадлежавший одному из главарей сионистской организации в Вашингтоне г-ну Корну. Или как с Аллой Р. из Москвы, изнасилованной тем же г-ном Корном. Когда она обратилась в полицию за помощью, ей посоветовали: «Забудьте это в ваших интересах». Или как с Геннадием Резниковым из Муканчева, которому предъявили ультиматум: либо будешь спать с 82-летней старухой, либо окажешься на улице. Он отказался. Несколько дней ночевал где попало, пока я его не взял к себе.

То, что я назвал, — это всего лишь несколько фактов, с которыми мне пришлось сталкиваться.

Заправилы американских сионистских организаций пытаются сломить всех бывших советских граждан — одних силой, других обманом, третьих деньгами.

Е. ШИНДЕЛЬКРОЙТ
НЬЮ-ЙОРК

ПРИМЕЧАНИЕ «ЛГ»

В прошлом наша газета уже писала о некоторых бывших советских гражданах, соблазненных посулами западной пропаганды и оставивших свою Родину, чтобы оказаться там, где они просто-напросто никому не нужны, а если и нужны, то в качестве дешевой и бесправной рабочей силы с клеймом «человек без гражданства». После каждой такой публикации местная пресса поднимала страшный шум. Очевидно и на сей раз она начнет шельмовать всех и вся, говоря о них «подставных лицах» и прочее.

Кто же такой автор письма? Скажем прямо, человек далеко небезупречный. Еще совсем недавно, будучи гражданином СССР, он обливал грязью свою страну. В 1967—1968 годах Е. Шиндельройт, уроженец Киева, хотел уехать за границу. Когда ему предоставили такую возможность, он оформил выезд в Израиль для воссоединения с двоюродной сестрой своего покойного отца. Потом оказался в США, и вот теперь этот «борец за справедливость», познавший собственной ножкой все прелести «американского образа жизни», вспомнил о своей покинутой родине... Горькое прозрение. И запоздалое!

В Англии на прошлой неделе вновь вспыхнули волнения в цветных гетто. В лондонском районе Брикстон, по свидетельству газеты «Таймс», отряды полиции с дубинками и щитами врывались в частные дома, взламывали двери, били стекла, ломали мебель, то есть осуществляли действия, необходимые, как выразился представитель Скотланд-Ярда, для «восстановления закона и порядка».

Фото из журнала «Канк» (ФРГ)

БРИТАНСКИЕ СЮЖЕТЫ

КТО ЗАМЕНИТ СЭНДСА?

Британский парламент постановил, что дополнительные выборы в избирательном округе Фермана и Южный Тирон (Северная Ирландия), от которого баллотировался Р. Сэндс, первый из ирландских республиканцев, умерший в результате голодовки, будут проведены 20 августа.

В прошлом месяце парламент принял новый закон, запрещающий находящимся в заключении выставлять свои кандидатуры на выборах. Эта мера была прямым ответом на избрание Сэндса.

Но некоторые республиканцы утверждают, что на выборах 20 августа в качестве кандидата, выступающего в защиту объявивших голодовку заключенных, они выдвинут Оуэна Эррона, который руководил избирательной кампанией Сэндса.

ОБОСТРЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ

Резко и неожиданно обострились испано-английские отношения в связи с отказом короля Испании Хуана Карлоса участвовать в церемонии бракосочетания наследного принца Чарльза. Как известно, причиной отказа короля явилось решение принца включить Гибралтар, в течение последних лет являющийся предметом серьезных споров в отношениях между Испанией и Англией, в маршрут своего свадебного путешествия. Испанские власти расценили этот демарш как подтверждение английского суверенитета над Гибралтаром и нежелание английского правительства решать этот конфликт. Испанцы заявили англичанам официальный протест, за которым последовало решение Хуана Карлоса.

ОБ УРОВНЕ БЕЗРАБОТИЦЫ

По опубликованным правительственным данным, общее число безработных в Великобритании увеличилось до 11,8 процента от всего трудоспособного населения, что является рекордной цифрой со времен великой депрессии 30-х годов.

По последним данным, без работы оказались 2 851 623 человека, что на 171 153 человека больше общего числа безработных в июне.

ХА-ХА!

МАСКА, МЫ ТЕБЯ ЗНАЕМ

Сначала маленький тест — на способность к парадоксальному мышлению.

«Народная демократия, свободное предпринимательство и свобода личности». «Мы — за смешанный строй. Это парламентский и многопартийный строй».

Кто бы мог такое сказать применительно к Кампучии? Догадаться мудрено. Может, Сианук? Такие либеральные сентенции вполне в его духе. Сон Санн? Ин Там? Или кто-нибудь из «кампучийских патриотов» помельче?

Впрочем, тут никакой фантазии не хватит. Дело в том, что сказано это женой Иенг Сари и им самим — двумя министрами одного несуществующего правительства — «правительства Демократической Кампучии».

Но ведь у поллотовцев как будто были другие идеи социального устройства? Они, помнится, устроили из Кампучии большой концлагерь и постепенно уничтожали ее население. А теперь вдруг — «свободное предпринимательство». Что же произошло за два с лишним года после того, как они из бандитов, находящихся у власти, стали просто бандитами? Какая титаническая работа мысли должна была произойти в джунглях на границе с Таиландом, чтобы Иенг Сари и его супруга заговорили о демократии и свободе личности!

Действительно, мысль работала. Но работала она далеко от Кампучии, — в кабинетах Белого дома и Чжунаньхая. И работала она в одном направлении: как «спасти лицо» поллотовцам, вернее сказать, как надеть на них другую — пристойную — маску и вновь натравить на народ Кампучии. В результате и появились такие вот удивительные интервью. Послушаем Иенг Сари.

Террор? «Это было верно только в начале нашего движения».

Геноцид? «Эта радикальная позиция проистекала из добрых побуждений».

Между прочим, принца Сианука, который сидит сейчас во Франции, посетила не редкость трезвая мысль. В интервью агентству Франс Пресс он сказал, что прошедшая в Нью-Йорке «международная конференция по Кампучии» сыграла на руку только поллотовцам, рвущимся к «абсолютной власти». Случись таков, что бы они стали делать? Развивали «демократию»? Или вновь обратили кхмеров в рабство и забивали их мотыгами?

Благо этого не случится. Дурной американо-китайский фарс с переодеванием Иенг Сари останется фарсом. Все «бывшие» так и останутся бывшими.

Сергей МЕРИНОВ

РЕШЕНИЯ XXVI СЪЕЗДА КПСС — В ЖИЗНЬ!

«ВНИМАНИЕ РОЖДАЕТ ОТВЕТНОЕ ДУШЕВНОЕ ДВИЖЕНИЕ...»

«Конкретная забота о конкретном человеке, его нуждах и потребностях — начало и конечный пункт экономической политики партии».

Из Отчетного доклада ЦК КПСС XXVI съезду партии

Оскар КУУЛЬ,
Герой Социалистического Труда, председатель рыболовецкого колхоза имени С. М. Кирова, делегат XXVI съезда КПСС

НА ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД, существует будто бы замкнутый круг: добиться повышения благосостояния можно, лишь повысив производительность труда, а добиться роста производительности — лишь улучшая условия жизни людей, стимулируя их интерес к трудовой активности. А если разомкнуть круг, разложить как бы попозиционно проблемы, связанные с конкретной заботой о конкретном человеке? Давайте попробуем сделать это на примере нашего коллективного хозяйства.

Нередко представление о рыболовецком колхозе такое: маленькие суденышки, небольшие команды моряков, сдающих улов государственным базам или консервным заводам. Экономика хозяйства неустойчива и целиком зависит от рыбацкой фортуны: добрый улов — есть живая монета, пустой трал — считай убытки.

Представление, в общем, верное, если отнести его к рыболовецким артелям сорокового годов. Сегодня оно решительно устарело. Что такое, скажем, колхоз имени Кирова? Крупное многоотраслевое организованное хозяйство. Рыболовная зона — триста, четыреста километров. Закалистого побережья Эстонии, мы действуем на территории четырех административных районов. И флот у нас значительный: три приемно-обрабатывающие судна, 28 средних траулеров, 52 малых судна. Не берегу — свои судоремонтный завод, рыбоконсервный комбинат, небольшое мебельное производство, пруды, где водится форель, несколько рыбных коптилен, строительно-ремонтная контора, цветоводческое хозяйство...

В десятой пятилетке мы перевыполнили план добычи рыбы: вырастили более 700 тонн форели (первое место в стране), продали государству более четверти миллиона условных банок консервов, выпустили почти 14 тысяч тонн пищевой рыбной продукции. Естественно, получили и немалый доход в рублях: 340,8 миллиона, а чистой прибыли от всех хозяйственных операций — 65,4 миллиона.

Колхоз содержит за свой счет 5 без отдыха дом быта, салон мод, 4 детских сада, пансионат для ветеранов труда, детский санаторий, поликлинику-больницу. У нас есть 7 столовых и кафе, зимний сад отдыха, Дом культуры, библиотеки, музыкальная, художественная и спортивная школы, краеведческий музей. Как видите, хозяйство огромное, его непросто обойти-объехать. Не похож ли такой колхоз скорее на фирму, чем на артель?

Думаю, сегодня только крупное и высокомеханизированное, а следовательно, и высокопродуктивное хозяйство способно претворить в жизнь лозунг партии: все для человека, все во имя человека. Ибо только оно располагает устойчивым, технологически организованным производством, обеспечивающим высокую рентабельность, сему возможность тратить значительные суммы на реализацию социально-экономической программы.

Наши основные цехи и заводы связаны между собой единой технологической цепочкой. Убери из нее хоть одно звено — и сразу нарушится организационная структура колхоза, его экономическая стабильность.

Ядром производства стал рыбоконсервный комбинат, оснащенный новейшими поточными линиями по разделке рыбы и закатке консервных банок. Впрочем, и их мы делаем сами. Так что ведем всю производственную цепочку почти с нуля, разве только нет у нас железной руды... На поточных линиях комбината установлены современные механизмы собственной конструкции — в колхозе действует свое конструкторское бюро, где более шестидесяти инженеров, люди энергичные, талантливые. По их чертежам и разработкам созданы машины, которые считаются лучшими в отрасли. Некоторые из них выполнены на уровне изобретений и запатентованы. Мы, кстати, у себя же изготовляем такие механизмы и машины, продаем их другим колхозам.

Но не о том сейчас, в общем-то, речь. Важно, чтобы рыбоконсервный комбинат работал ритмично, с полной загрузкой, имел всегда достаточный задел сырья. Мы попробовали сразу два варианта. Во-первых, построили свои мощные морозильники, где хранится запас рыбы. Когда нет свежего улова — берем из запаса. Во-вторых, не только ловим, но и покупаем рыбу. И такая «подстраховка» себя оправдывает.

ЕДИНЫЙ комплекс производств обеспечивает устойчивость экономики, высокую рентабельность хозяйства, хорошие прибыли. А около четверти прибылей мы расходуем на культурно-бытовые нужды членов артели. Это миллионные суммы! Цель затрат одна: повысить благосостояние колхозников. Мы частенько коллективно обсуждаем итоги нашей деятельности, и каждый знает, что колхоз заботится о своих людях, обеспечивает им высокий стандарт и уровень жизни. Забота эта начинается с рождения человека и продолжается до глубокой его старости, когда ветеран уже не в состоянии трудиться сам.

Впрочем, я не совсем точен: колхоз начинает думать о своем будущем работнике, когда он еще не родился, а только на проекте. Правление решило платить за отпуск по беременности и родам в течение двенадцати месяцев, а со следующего года доведем этот срок до полутора лет. С 1970 года мы выплачиваем женщинам разовое пособие на рождение первого ребенка в размере 50 рублей. С января будущего года начнем выплачивать и на второго, третьего ребенка — по 100 рублей. Будем предоставлять дополнительный отпуск женщинам, имеющим двоих и более детей.

Все это — в русле партийных решений. XXVI съезд КПСС нацелил нас на резкое увеличение льгот и материальной помощи женщинам, на создание наиболее благоприятных условий для рождения и воспитания детей, укрепления семьи.

Разумеется, одна из главных наших забот — здоровье и быт колхозников, членов их семей. Строим дополнительный больничный корпус на 60 коек. Рассчитываем расширить дома отдыха, создаем новый пансионат в Парну, планируем приобрести дом на побережье Черного моря. Строим много мы и жилья, но около 170 человек пока стоят в очереди на улучшение жилищных условий — на так ум мало. В 1981 году обеспечим 50 из них, в следующие годы будем сдавать по 100 квартир, и вскоре рассчитываем закрыть и эту проблему.

Решение экономических, производственных задач в колхозе, убежден в этом, должно всегда увязываться с задачами социально-политическими. Важно не только проявлять заботу о человеке, но делать так, чтобы он понимал и осознавал ее.

Внимание к колхознику рождает ответное душевное движение: как можно лучше заботиться о своем хозяйстве. В этом объяснение, корень высокой производительности труда наших поморян. Возникает благоприятный микроклимат отношений в коллективе... Кстати, важно и то, что у руководителей появляется нравственное основание для требовательности: когда человеку многое дается, с него больше и спрашивается. И мы требовательны к себе и друг к другу, очень требовательны! Можно считать, это главное качество кировцев, наш девиз и лозунг.

Все сказанное имеет разные последствия. В колхозе, к примеру, почти нет сменяемости кадров. Она составляет не больше 4—5 процентов. Уходят от нас главным образом по семейным причинам: переезд к родителям мужа или жены, особенно когда они имеют собственный дом. У нас не ощущается оттока людей в город, хотя Таллин буквально рядом, к нам ходит городской автобус.

Но есть последствие и неожиданно грустное: многие стремятся к нам попасть, надеясь почему-то, что в колхозе имени Кирова мешки с золотом лежат по всем углам, только бери из них пригоршнями... А у нас, оказывается, надо крепко трудиться — и к этому не все бывают готовы. Тут поневоле станешь разборчивым в приеме новых членов артели.

Хотя экономика составляет фундамент колхозной программы на одиннадцатую пятилетку, нельзя думать только о ней, когда имеешь дело с коллективом, с людьми. Общественно-политическое обеспечение планов, воспитательная, идеологическая работа имеют не меньшее значение. И тут средства должны быть самые разнообразные.

Разве плохо, к примеру, что при правлении колхоза создан отдел культуры? В нем пять человек. Они руководят клубами, творческими объединениями, художественной самодеятельностью. 72 кружка и клуба, профессиональный духовой оркестр «Хеликон» (по традиции музыканты встречают рыбаков на причале, когда они возвращаются с моря), танцевальный ансамбль «Поморяне», ансамбль ветеранов войны, школы эстетического воспитания — все это круг прямых забот отдела.

Замечу к слову, что требования к нашей культуре мы предъявляем высокие. Духовой оркестр выступал в рамках культурной программы Олимпиады-80 в Москве и Таллине, танцевальный ансамбль побывал в столице, на БАМе, за рубежом, и, думается, колхозные артисты выдержали этот экзамен.

Мне довелось быть делегатом XXVI съезда партии. Я вслушивался в каждое слово, сказанное на съезде. Особенно запали в память слова Леонида Ильича Брежнева о главной причине всех нынешних трудностей, о том, что еще не полностью преодолены силы инерции, традиции и привычки, сложившиеся в тот период, когда на первый план выступала не столько качественная, сколько количественная сторона дела».

Как же поломать эту привычку и ввести новую? Видимо, в борьбе вчерашнего дня с сегодняшним многое решает как раз та обоюдная требовательность, о которой я говорил, решает ответственное отношение к делу. Мы все должны заботиться друг о друге, делать так, чтобы не осталось причин и поводов, отвлекающих нас от труда на общее благо. Но одной заботы мало: она должна подкрепляться столь же высокой мерой требовательности.

Только тогда и приходит успех. Разве не так?

Записал корреспондент «ЛГ» И. ВОСКРЕСЕНСКИЙ
Таллин

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЧЕРВЕНЕВО

ОТЧЕТ ОБ ОДНОЙ ПОЕЗДКЕ

Борис ГАЛАНОВ

«Дети войны». Снимок сделан в ноябре 1944 года.

ПАМЯТЬ ОГНЕННЫХ ЛЕТ

В НАЧАЛЕ — пусть говорят фотографии.

Пусть — на довоенном мотоцикле, на границе Закарпатской Украины как представитель «угрозы» бы когда-то... Теперь — с Ленинградской... «Знаю я сколько, сколько это... между Ленинградом и Ужгородом... Сколько... Сколько... Сколько...» — Сколько... Сколько... Сколько...

У Бирюковых... Сколько... Сколько... Сколько

Зорий БАЛАЯН

КОПЕЙКА

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

НАШЕГО флотского замполита мы прозвали Энциклопедией. Во-первых, он знал все. Во-вторых, скучных тем у этого человека не было. О международном положении, о проблемах экономики, даже о ценообразовании он говорил увлеченно. И нас, тогда, в середине пятидесятых годов, совсем еще молодых матросов, умел увлечь. Потому-то и приключилась со мной драматическая эта история...

Был день увольнения, я решил «шикнуть» — купить сигарет (не курить же на свидание козью ножку) и подошел к первому попавшемуся, довольно невзрачному ларьку. Сигареты в ларьке были. Серые пачки «Памира». Самые дешевые. Рубль пять копеек пачка. Старыми. Я нагнулся к окошку и протянул продавщице две рублевки.

— Пачку «Памира».

— У меня нет сдачи, — спокойно сказала она.

— А как же быть? У меня нет пяти копеек.

Мы говорили в окошко, практически не видя друг друга.

— Вот и разойдемся, как в море корабли, — сказала она.

— Но поймите...

— Тут и понимать нечего. У меня нет сдачи. У тебя нет пяти копеек.

— Девушка...

— Сам девушка. Мальчик нашелся.

— Да вы хоть знаете, что торговля — это не просто обслуживание, а одно из звеньев производства, — выпалил я, вспомнив уроки замполита.

— Будете хулиганить, — она перешла на «вы», — вызову патруль.

— Вот этот ларек, — не унимался я, — является практически последним звеном производства.

— Патруль!..

— Вы должны продать как можно быстрее все эти консервы, компоты, курево и вернуть деньги государству, которое уже заплатило производителю...

— Хулиган!

В общем, не помню, как все вышло, что она кричала еще, только киоск я чуть не сломал. Послышался сначала треск, а потом грохот. Это полетели стеклянные банки...

Меня, конечно, наказали. И наказали строго. Стыдно было перед добрым Энциклопедией и еще перед родным дедом, который никогда не поверил бы, что я способен оскорбить женщину. Деду я ничего не писал о случившемся, о наказании. Зато написал Председателю Президиума Верховного Совета СССР товарищу Ворошилову.

Копия, естественно, не сохранилась. Но письмо это помню чуть ли не слово в слово. Уведомление пришло на корабль. Там было написано, что письмо вручено К. Е. Ворошилову. Вся команда всполошилась. Замучили расспросами. И я во множестве раз пересказывал содержание письма «Дорогой Климент Ефремович! Я не жалуюсь. Получил по заслугам. Меня волнует другое. Речь пойдет о сигаретах «Памир», и я боюсь. Вам покажется, что с такой вот, казалось бы, мелочью, решили беспокоить главу государства. Но дело, о котором я хочу писать, касается именно интересов самого государства. Сигареты «Памир» у нас продают за рубль пять копеек. Вполне понятно, что цена эта определена не случайно, а на основании экономических законов, которым подчиняется ценообразование...»

Далее я писал о том, что, мол, удобно ли продавать и покупать товар, который стоит рубль пять копеек. Мол, можно себе представить, сколько пачек «Памира» не продается по всей стране своевременно только из-за того, что или у продавца нет сдачи, или у покупателя — мелочи. Товар лежит на полке только потому, что такая вот, чисто механическая, преграда мешает произвести процесс купли-продажи. Товар, если он не скоропортящийся, конечно, рано или поздно купят. Но ведь большая разница между этими самыми «рано» или «поздно». Чем позже реализуется продукция, тем позже государство получит свои деньги. Я спрашивал: почему бы, скажем, тот же «Памир» не продавать за один рубль ровно? Конечно, в масштабе страны будут ощутимые убытки. Но эти пять копеек для того же самого упорядочения процесса купли-продажи можно где-нибудь в другом месте прибавить. Так на самом деле будет удобно. А раз удобно — значит, и выгодно. И потребителю, и государству. А главное, меньше будет нервотрепки у прилавка...

ТО ПАМЯТНОЕ для меня утро началось, как всегда, с традиционной команды «На флаг и гюйс смирно!» А уже через короткое время я стал именинником. По радио в обзоре печати сообщали о снижении цен и, между прочим, о том, что пачка «Памира» теперь будет стоить один рубль. Меня поздравляли. Уверяли меня (и себя тоже), что это непременно моя заслуга. Я как-то разом почувствовал себя повзрослевшим. Все для меня было сверхважно. Хорошо понимал, что дело вовсе не в каком-то там «Памире», сигаретах, кстати, неважных, а в принципе. Даже — в принципиальном решении проблемы. Праздник, охвативший меня, не испортили сомнения корабельного врача: «А может, это случайное совпадение». Честно говоря, такие сомнения были и у меня самого, но я отгонял их прочь. Вполне возможно, что именно мое письмо сделало свое дело. Ну, а если что-то другое, значит, рассуждал я все же правильно.

С тех пор много воды утекло. Произвели денежную реформу. И теперь пачка «Памира» стоит уже не рубль, а десять копеек. Появились новые марки сигарет. Здорово изменился товарный вид продукции. Иным стал ассортимент. Но вот проблема так называемых «неудобных цен» не то что сохранилась, а скорее, в связи с денежной реформой, еще более обострилась. Скажем, бутылка подсолнечного масла одного сорта стоит 99 копеек, другого — один рубль три копейки. И если у вас трех копеек нет, то вам должны дать сдачу девяносто семь копеек. Где же столько набрать? Покупателей-то много...

Вместе с тремя приятелями заходим в продуктовый магазин. Проведим нехитрый эксперимент. Покупаем подсолнечное масло двух сортов. Один из нас протягивает рубль. Продавщица отпускает бутылку растительного масла за 99 копеек и всем видом показывает, что процесс купли и продажи закончен. Приятель тщетно ждет копейку. Ее нет у продавщицы. На вопросительный взгляд приятеля она поднимает жестяную банку, показывая, что среди мелочи копейки нет. Через некоторое время протягивает рубль другой приятель и тоже уходит без копейки, потом третий. Четвертый (это был я) просит отпустить рафинированное масло, то самое, которое стоит рубль три копейки. Даю рубль и собираюсь уходить. Теперь вопросительный взгляд у продавщицы. «Простите, так уж вышло: у меня нет мелочи», — говорю я. Она — вполне резонно: «Но ведь это государственный магазин, а не рынок». По заранее разработанному сценарию, откуда ни возьмись, появляются мои приятели, которым в сумме недодали именно три копейки. Продавщицу это не смутило: «Солидные мужчины, и столько шуму из-за копейки». Она возмущенно пожимает плечами и отворачивается.

Эксперимент завершен.

Я перелистываю толстую книгу большого формата «Прейскурант № 007. Розничные цены на молоко, молочную и маргариновую продукцию, растительное масло, яйца и яичные продукты». Книга нафарширована цифрами. Цены по республикам, по поясам. Около десяти тысяч цен. Не поленился, посчитал: около семидесяти процентов — так называемые неудобные цены. Взял для примера один из ходовых товаров — ацидофилин. 47 названий. Три пояса, значит 141 цена. Из них только двадцать два вида продукции имеют округленную цену. В шестидесяти шести случаях в таблице стоят цифры 13, 11, 14, 16, 19. Вообще во всей книге я насчитал около полутысячи товаров, которые стоят 11 или 19 копеек. То и дело встречается 98 копеек. И даже один рубль одна копейка («Сухая смесь для пломбира «домашнего» в жестяных банках»).

Есть товары — их тоже немало, — которые стоят, скажем, 1 рубль 45 копеек. За полкилограмма тогда надо переплачивать: не 72,5, а 73 копейки. В старой Руси, как известно, были полушки. Теперь их нет.

Читательница «ЛГ» из Рязани О. Зотова пишет, как во время перерыва женщины побежали в специализированный магазин. Подбросили модные кремы — «Спящая красавица» и «Чистотел». А на следующий день — «Опера» и «Антракт». У кассы переполох. Шум. Гам. То и дело раздается: «Нет копейки» или «Дайте копейку». Оказывается, «Спящая красавица» стоит 41 копейку, а «Чистотел» — 19. Не дай бог, если женщина возьмет или тот, или другой крем. Проблема. Лучше взять и то, и другое. Не раче и на следующий день, когда продавали «Оперу» и «Антракт». Первый стоит 48 копеек, второй — 52. Зотова пишет: «Не правильнее ли было бы две копейки из «Антракта» передать «Опере» и продавать оба крема по пятьдесят копеек? А то очередь стала округлять по-своему. Женщины брали и то, и другое. Брали вынужденно. То, что один из кремов может и не понадобиться или даже «не показан», разберутся потом. А пока удобнее платить за два, потому что в сумме выходил рубль. Ровно рубль».

Очереди бывают не только в парфюмерных магазинах. И зачастую дело, как показывает практика, вовсе не в дефиците и не в перебоях с теми или иными товарами. С дефицитом, если уж на то пошло, куда легче. Нет значит, нет. И никто времени не тратит. Обиднее всего и нелепее всего, когда люди становятся в длинную очередь за продукцией, которой, что называется, хватит на всех. Чаще всего это происходит в часы пик. Люди толпятся. Им некогда. И тут вдруг, кроме всего прочего, всех задерживает неудобная цена.

Во время бесед с ответственными работниками Комитета цен часто приходилось слышать, что одной из главных причин неудобных цен являются географические пояса. Если где-то тот или иной товар стоит, скажем, пятнадцать копеек, то в другом месте — соответственно четырнадцать или шестнадцать.

Конечно, цены не с потолка берутся. В них входит, так сказать, все и вся: «расходы по доставке товаров до станции назначения, погрузка в вагон (судно), провозная плата за перевозку груза любым транспортом, плата за работы по перевалке груза с одного вида транспорта на другой, а также стоимость приспособлений и материалов (козлы, стойки, прокладка проволока, щиты и т. п.), необходимых для обо рудования вагонов и судов и крепление грузов». Эту увесистую цитату я взял из официального документа, в котором подробно рассказывается, как образуются цены. Казалось бы, ясное дело. Так и должно быть. Не может абрикосовый компот стоить в Ереване столько же, сколько на Камчатке. Как на может кета холодного копчения на далеком полуострове стоить столько, сколько в солнечной Армении. Речь о другом. Речь о том, чтобы цены были округлены. В том числе и при поясном делении. В общих интересах. В интересах единого государства с единым банком.

Кто-то скрупулезно подсчитал, что, скажем, во втором поясе подсолнечное масло нужно продавать за девяносто девять копеек. Так пусть кто-то другой подсчитает, сколько стоит нервотрепка и во что обходятся нравственные потери от уже ставшего привычным недодавать в день тысячи копеек и считать, что все идет нормально.

Иногда приводят доводы о том, что делу мешает так называемая ведомственная разобщенность. Между тем в любом государственном документе о ценах имеется непременное указание: «Розничные цены распространяются на товары, изготовляемые предприятиями независимо от их подчиненности». Не могут быть тормозом и «залоговые цены» — стоимость возвратной потребительской тары (стеклянные банки, бутылки и другая посуда). Покупатель берет «целостный товар». А тару он будет сдавать уже в другом месте.

О том, что все-таки можно, вопреки поясному делению, другим объективным обстоятельствам округлять цены, говорит прекрасный пример с мороженым. Уж сколько писали о том, что нельзя продукт, который в основном покупают дети, продавать, скажем, за 19 и 11 копеек. А между тем до самого последнего времени именно такие цены мы видели во всех киосках. Как мне сказали в Комитете цен при Совете Министров Армянской ССР, теперь не только в республике, но и по всей стране отменены неудобные цены на мороженое. Только десять копеек и двадцать. Детям сплошь и рядом вольно или невольно недодавали копейки. И пусть взрослые не думают, что маленькие любители мороженого не догадывались, куда девается эта самая копейка. Просто они все принимали сам этот факт как должное. Не удивлялись. Привыкли. Привыкли к тому, что их, детей, попросту говоря, обирали.

ЗНАКОМЫЙ психолог рассказывал, что пассажир такси готов проехать лишний квартал только для того, чтобы «приблизить» показание на счетчике к рублю. Знал, что сдачу в двадцать, а то и сорок копеек он все равно не получит (или получит, так сказать, со скрежетом), он хочет, чтобы как можно больше досталось государству и как можно меньше частному лицу. «Так он меньше переживает», — говорит психолог. Люди по натуре щедрые. Но никому не хочется, чтобы его, как говорится, оставляли в дураках. Чтобы кто-то на что-то бросил копейку и при этом глядели на него так, словно он пришел просить милостыню. Так что копейка — это не только символ экономии и символ честности, принципиальности.

Что же касается вечных ссылок на экономические законы, обуславливающие ценообразование, то нельзя забывать, что эти же законы должны непременно учитывать и вопрос об «удобных ценах». Потому что удобная цена — это забота о покупателе. О покупателе, который пришел в магазин не только брать, но и отдавать. Отдавать деньги, которые заработал. Отдавать государству.

ЕРЕВАН

ТРУДОВОЙ СЕМЕСТР. Сводный отряд ССО «Юность» на отдыхе. Фото Е. СТЕЦКО

Владимир ВОЙНА

КАК ПРОВЕРИТЬ ВКУС ПУДИНГА

«Личное клеймо покупателя»... В статье доктора экономических наук Н. Перекалиной, опубликованной под этим заголовком [«ЛГ», № 21, 1981], говорилось о необходимости привлечения самого покупателя к оценке качества товара. Мы продолжаем разговор об участии потребителей в определении качества, об использовании их мнения о товарах, которые предлагает торговля.

— ЕСТЬ ШАШЛЫКИ, — сообщил официант собравшемся за столом компании. — Возьмете?

Да, ответили друзья. И поинтересовались: а какое вино? Рабочие винзавода, они знали в нем толк. Им принесли бутылку, старший по возрасту из группы внимательно изучил этикетку, нахмурился, передал соседу... Друзья грустно переглянулись. Они помнили, как вынужденно схалтурили, изготовляя ту партию... Пойдем? Все встали и, стесняясь смотреть друг другу в глаза, потянулись к выходу. Обед не состоялся: пить вино было нельзя.

За внешней бесстрастностью этого эпизода из фильма Отара Иоселиани «Листопад» скрывалась боль по поводу деградации отношения человека к своему труду, утраты им важнейших ценностей. Ведь изумительное по качеству виноградное вино — национальная гордость Грузии. Но разве дело только в вине? Напряженный труд рабочих, технических специалистов слишком часто увенчивается выпуском халтуры, которую никто не берет, ею завалены полки в магазинах, а нужного товара нет. Доктор экономических наук Н. Перекалина точно выразила суть этой острой социальной проблемы, поставив вопрос: «Как добиться, чтобы изготавливая ту или иную вещь, производственники каждый раз как бы делали ее для себя, своих близких, а значит, и подходящей для большинства людей?»

В ее статье рассказывалось об одном интересном эксперименте. Речь, в частности, шла о том, чтобы в обувных магазинах покупателю вместе с парой выбранных туфель и чеком вручалась для заполнения бланк-анкета с просьбой оценить качество товара. А если требуемого товара нет, чтобы его можно было заказать на фабрике. Жаль, конечно, что эти замыслы не осуществились, но мне кажется, что такой опрос покупателей — лишь первый этап изучения их мнений. Ведь здесь речь идет скорее о спросе (нашли вы то, что хотелось, или нет), чем о качестве, это разные вещи и в данном случае они не совпадают вовсе.

Начну с того, что но каждый способен оценить качество покупаемого товара, ибо на всякий знает, каким это качество должно быть.

Напомню еще один эпизод из «Листопада». На винзаводе угощают в подвале группу приезжих экскурсантов; надегустировавшись, они хмелеют, заводят песню... Зачем же ты дал им эту кислятину, укоряет виновда своего коллегу, ответственного за экскурсию. Ведь это же брак! Да что они понимают, отвечает ему второй, им и так хорошо. В самом деле, песня льется, а голове шумит, что еще нужно!..

Оценку качества должен производить грамотный, квалифицированный покупатель; лучше, если это сделает за него специалист, хотя, конечно, с помощью самого покупателя.

А, главное, на глазок не оценишь ни вкуса вина, ни качества той же обуви: ее нужно поносить, износить... Как утверждают англичане, вкус пудинга можно оценить, лишь съев его. Критерий «туфли смотрятся», их внешний вид для оценки качества — явно недостаточный материал. Думаю, что не только мода, элегантность, но и надежность, долговечность, безопасность товара должны оцениваться покупателем. «Мне не нужна вечная игла для примуса. Я не собираюсь жить вечно», — грустно пошутил Илья Ильф в «Записных книжках». Но если модная обновка «неносная», то лично я не могу признать ее высококачественной, пусть она и «смотрится»... Об этом главном как раз и умалчивает анкета. Может, покупатель в каких-то случаях готов даже переплатить за надежность?

Кстати, продавцы обычно знают, какие марки и фасоны пользуются повышенным спросом, поскольку сделаны «как бы для себя, своих близких». Их продавцы так и используют, оставляя под прилавком для себя и своих близких. А также тех, кто готов втихомолку переплатить за качество. Если бы не витрине стоял образец, а покупатель мог сделать, изучив этот образец, предварительный заказ, мог предусмотреть требуемый размер (сейчас если и найдешь нужный фасон, то обязательно меньшего или большего размера, как назло, хотя, кажется, чего проще вывести формулу для определения потребностей, спроса на ходовые номера!), то это было бы, конечно, просто замечательно. Но до «личного клейма покупателя» тут еще далеко. Чтобы от имени его присвоить товару Знак качества, нужно непременно установить, хорош ли он в деле, а не только по виду. Как это сделать?

Давайте пофантазируем. Вам, скажем, нужны детские туфельки, и вы можете — соответственно сказанному выше — заказать любой из имеющихся образцов. Какой именно?

Перед вами таблица с пояснительным текстом. Оказывается, все эти образцы прошли испытания, их раздали детям в таком-то детском саду (средней школе), а по прошествии нескольких месяцев стоптанные туфельки собрали и изучили в лаборатории. И опросили детей, не жмут ли, не трут ли ногу. Параллельно те же образцы испытывались машинами, имитирующими обычный процесс износа. Полученные данные, включая цены, были заложены в ЭВМ, и вот результат: наиболее качественная модель, притом относительно недорогая, отвечающая требованиям моды, эстетики и гигиены, рекомендована в качестве «лучшей покупки», она идет в таблице сверху, а ниже, — в порядке убывания качества, — расположены остальные. Возможно, какая-то модель особенно неудачна, она и значится как «худшее покупке». И есть советы, какие образцы хороши для таких-то целей... Теперь можете смело заказывать то, что нужно.

Излишне говорить, что дает такое «личное клеймо» покупателю. А промышленности? Ясно, что неудачные образцы нужно снимать с производства, в тех, где есть изъян, исправлять его, а лучшие можно подавать на аттестацию, на присвоение Знака качества.

Если товар сложный, дорогой, приобретаемый на годы, то в дополнение сравнительно узкой покупательской экспертизе непременно нужны широкие анкетные опросы. Скажем, несколько сотен тысяч владельцев телевизоров (магнитофонов, стиральных машин) сообщили в ответах на анкету, что пользуются такой-то маркой столько-то лет, за это время было столько-то поломок, выходили из строя такие-то части... Акустическую аппаратуру проверяют любители музыки, способные дать оценку качеству звучания, косметику оценивают женщины и т. д.

Добавим, что если какая-то модель, имевшая изъян, была доработана и неполадки в ней устранены, она может быть переаттестована и, если того заслуживает, рекомендована как «лучшая покупка», удостоена Знака качества. Когда между промышленностью и покупателем действует система прямой и обратной связи, когда заводизготовитель учитывает интересы покупателя и стремится их удовлетворить, не возникает столкновение между элементами системы. За эталон берутся при этом не иллюзорные показатели качества, мечты об идеале, а реальный опыт лучших предприятий, который закрепляется соответствующим знаком, а через какое-то время, возможно, и обязательными стандартами.

Как воплотить эту схему в жизнь? Нужен печатный орган, журнал, который публиковал бы данные потребительских экспертиз, изобилия о них и покупателя, и промышленность. Он служил бы нам своеобразным путеводителем, он помогал бы отыскивать дорогу покупателю к тем полезным новинкам, о скрытых достоинствах которых мы порой не знаем, снабжал бы нас советами по эксплуатации, чтобы мы могли выявить максимальный эффект товара. Он приглашал бы нас к участию в анкетных опросах о качестве, частоте поломок и пр. Он давал бы нам возможность расширить круг знаний о мире вещей, которые нас окружают, — будь то питательная ценность пищевых продуктов, виды и свойства дерева, тканей или бытовой электроники, нам нужно воспитывать в себе «грамотных покупателей». И, наконец, с его помощью мы могли узнать, какие правила регулируют работу магазинов, предприятий ремонта и обслуживания, как получить возмещение убытка, кому пожаловаться на неполадки, на плохое качество. Такой журнал мог бы распространять знания о наших правах, а также обязанностях в сфере потребления, будь то экономия энергии или содержание жилища, забота о тишине и о чистоте природы в городе.

Не средства, вырученные от продажи этого издания, можно было бы проводить лабораторные экспертизы, а потом открыть и свои испытательные лаборатории, закупать в магазинах образцы товаров, рассылать их, если нужно, потребителям на «домашнюю экспертизу»... Наверняка нашлось бы много добровольных помощников (скажем, среди пожилых людей), готовых вести общественную работу и помогать журналу. В частности, в проведении проверок магазинов, парикмахерских, химчисток, бюро ремонта, рынков и прочего, потому что услуги — это тоже товар, в повышении качества которого мы кровно заинтересованы. Словом, журнал стал бы органом общественной организации потребителей. Или общественного института, бюро, общественной фирмы «Мнение» — дело тут не в названии. Его «крестным отцом» мог бы стать тот государственный орган, который призван управлять качеством потребительских товаров, то есть Госстандарт СССР, а реальную помощь оказали бы профсоюзы заинтересованные научные организации, Министерство торговли.

Подобные общественные организации потребителей, производящие оценку качества товаров действуют уже не первый десяток лет во всех промышленно развитых странах мира, во многих развивающихся государствах, есть интересный опыт в этой области и в социалистических странах. А идее этой полвека с лишним! Еще в 1927 году ее предложил экономист С. Чейз и инженер Дж. Шлинк, сотрудник национального бюро стандартов США. Она проста и привлекательна, особенно для наших условий планового хозяйства и государственного управления качеством продукции. Заметим попутно, что Знак качества может обрести по-настоящему свой вес и авторитет только тогда, когда к аттестации товаров будет привлечен компетентный общественный орган, выступающий от лица покупателей, его советы и консультации могут пригодиться и при решении других вопросов, связанных с запуском в производство новых товаров и оценкой существующих образцов на художественных советах, коллегиях министерств и пр.

Автору этих строк уже доводилось высказывать предложения по этому поводу на страницах «ЛГ» в ходе полезной дискуссии, проведенной еще в 1969 году; характерно, что ни один из ее участников не высказался против этой идеи, а самый живой интерес проявил к ней именно Госстандарт СССР. Но тогда работа по созданию государственной системы управления качеством продукции лишь начинала разворачиваться. Стоит, вероятно, вернуться к этой мысли и сделать так, чтобы «личное клеймо покупателя» стояло действительно на каждом товаре. Это один из самых острых социальных вопросов наших дней.

В самом деле, каждую вещь нужно делать «как бы для себя, своих близких, а значит, и подходящей для большинства людей», права Н. Перекалина, «запатентовавшая» эту здравую идею. Давайте сообща подумаем, как ее осуществить.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОТВЕТЫ

«ЗДОРОВЬЕ В ПЛОХУЮ ПОГОДУ»

Статья Анатолия Рубинова под таким заголовком («ЛГ» от 11 марта 1981 г.) вызвала большую почту. Подавляющее большинство читателей высказалось за то, чтобы продолжить публикацию медицинских прогнозов погоды. Читатели — а среди них было много врачей — говорили о важности того, чтобы больные люди, состояние здоровья которых часто зависит от перемены погоды, могли подготовиться к такой перемене, вспомнили о лекарствах, которые они, возможно, забыли принять, установили для себя щадящий режим, совершили накануне лишнюю прогулку по свежему воздуху.

К сожалению, многие газеты, которые печатали медицинский прогноз погоды, говорилось в статье, перестали делать это — кто-то счел такие прогнозы ненужными и даже вредными.

Редакция получила официальный ответ на статью «Здоровье в плохую погоду». Заместитель министра здравоохранения СССР А. Г. Сафонов сообщает, что министерство обстоятельно изучило материалы о целесообразности публикации медицинских прогнозов погоды. Учтя многочисленные просьбы читателей и мнение специалистов, министерство пришло к выводу рекомендовать продолжить публикацию таких сообщений. «Центральному НИИ курортологии и физиотерапии, — говорится в официальном сообщении, — дано указание готовить периодические публикации медицинских прогнозов погоды с врачебными рекомендациями. Дирекции института поручено подготовить методические рекомендации по медицинской климатологии для повышения квалификации широкого круга поликлинических врачей».

В ПРИКАЗЕ ВСЕ СКАЗАНО...

В последнее время в редакцию пришло много писем с жалобами на врачей поликлиник, которые якобы отказываются выписывать рецепты на традиционные, давно испытанные и хорошо себя зарекомендовавшие лекарства. По словам авторов писем, врачи объясняют свой отказ тем, что им запрещено выписывать рецепты на лекарства, которых нет в прикрепленной к поликлинике аптеке. И будто бы на этот счет имеется то ли какой-то приказ, то ли какая-то инструкция, нарушение которых грозит врачам даже наказанием.

Подобное письмо, присланное из Саратова И. Е. Волошиным, редакция направила в Главное аптечное управление Министерства здравоохранения СССР. В ответе, подписанном заместителем начальника управления Т. Г. Шакировым, говорится, что «в десятой пятилетке Минздравом СССР... утверждена инструкция о порядке распределения лекарственных средств, поступающих в аптечную сеть в ограниченных количествах, и обеспечения ими больных. В инструкции указано, что основным принципом в работе аптеки должно быть обязательное обеспечение обратившегося больного лекарственными средствами...»

Если же выписанный врачом лекарственный препарат временно отсутствует в аптеке, пишет Т. Г. Шакиров, и если его невозможно заменить другим лекарством, «администрация аптеки обязана оставить рецепт, поставить больного на учет, принять меры к получению лекарства и известить больного о поступлении препарата в аптеку».

Но все же главным в письме Минздрава нам показалось то место, которое прямо отвечает на многочисленные недоумевные вопросы читателей относительно «прав» врача, выписывающего рецепт и якобы связанного по рукам и ногам неведомым приказом. Да нет никакого такого приказа! Наоборот, есть приказ, развязывающий руки: «Согласно приказу Минздрава СССР от 14 декабря 1976 года № 1230, — говорится в ответе заместителя начальника управления, — врачам запрещается выписывать рецепты ТОЛЬКО НА ЛЕКАРСТВА (подчеркнуто автором ответа), не разрешенные Министерством здравоохранения СССР ДЛЯ ПРИМЕНЕНИЯ В МЕДИЦИНСКОЙ ПРАКТИКЕ» (подчеркнуто редакцией).

Редакция сочла целесообразным опубликовать этот важный ответ не только для того, чтобы рассеять случайные подозрения в отношении некоторых поликлинических врачей, но и для того, чтобы всеми силами помочь Минздраву СССР «в проведении мероприятии по организации работы аптек в соответствии с указанной инструкцией, направленной на улучшение качества лекарственного обслуживания населения». Такими словами заканчивается официальная часть ответа Министерства здравоохранения СССР на письмо читателя И. Е. Волошина.

И мы надеемся, что все аптечные работники, врачи всех поликлиник прочтут его без особого интереса — ведь с содержанием его они должны были познакомиться задолго до выхода этого номера газеты, еще в десятой пятилетке.

Комиссия по действенности КПД

«ИНЖЕНЕР и ВРЕМЯ»–1981

«Комиссия по действенности» («КПД») продолжает свою работу. Напомним: особенность «КПД» в том, что она обращается не к новым темам, а к прежним крупным выступлениям или дискуссиям, проходившим в «ЛГ».

В нынешнем году, отвечая настойчивым пожеланиям наших читателей, «Комиссия по действенности» вернулась к вопросам, поднимавшимся в дискуссии «Инженер и время» в 1968—1969 годах. Обозрение прошлых выступлений по этой теме было опубликовано 14 января с. г.

Письма читателей и статья писателя В. Цыбизова («ЛГ» от 8 апреля с. г.) показали, что инженерные проблемы, как и прежде, все еще нуждаются в кардинальном решении. Без этого дальнейшее развитие научно-технического прогресса осложняется, а может быть, даже будет тормозиться. Во всяком случае таково мнение авторов первых откликов. Естественно, хотелось знать позицию более широкой читательской аудитории «Литературной газеты». Выяснить ее помогла анкета, составленная из вопросов и предложений, которые были выдвинуты в ходе «инженерной дискуссии» в 1968—1969 годах. Анкета публиковалась в тех же номерах «ЛГ» — в январе и апреле нынешнего года.

Социологическая группа редакции тщательно проанализировала поступившие мнения. Сегодня коллективное суждение инженеров оценивает и комментирует известный социолог, доктор исторических наук О. ШКАРАТАН.

На этой же странице мы публикуем с сокращениями и некоторые письма из почты «КПД».

О. ШКАРАТАН,
доктор исторических наук

СУДЬБЫ, ТРЕВОГИ, НАДЕЖДЫ

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ ПОЧТЫ

Целесообразность аналогии

Передо мной 440 писем очень разных — многостраничных и в несколько строк, взволнованных, нервных, спокойных, рассудительных. Одно объединяет всех авторов — судьба и труд инженера в нашем обществе.

Честно говоря, меня смутила цифра — 440. Целых 440 или всего 440? Только прикинув в уме число инженеров в стране, да прочитав письма, я понял: их мало — тех, кто откликнулся. Проблемы инженерного труда раздражающе остры, но члены инженерного корпуса, видимо, устали от длительных и не очень успешных обсуждений своих профессиональных проблем.

И в специальных работах, и в публицистике давно уже без всяких споров принята мысль о недостаточной эффективности труда инженеров. Факты на сей счет печать публиковала с завидным постоянством. Немало было и разрозненных предложений по усовершенствованию организации и стимулирования труда ИТР. Однако серьезных научных разработок и обоснованных рекомендаций было все же немного.

В библиографии отечественной экономической и социологической литературы исследования по проблемам труда рабочего и инженера соотносятся примерно 10:1.

Пользу разговора в «Комиссии по действенности» видят, в частности, и в борьбе за поворот научных интересов специалистов по труду и управлению в сторону проблемы «Инженер и его работа».

Итак, «Литературная газета» задала инженеру 80-х те же вопросы, что были поставлены перед инженером 60-х. Прежде чем анализировать ответы, хотелось бы знать, не изменился ли наш герой за это время, каков он, новый инженер сегодняшнего дня? Не обновилось ли его восприятие по сравнению с теми, кто участвовал в прежнем споре? И не отличается ли само содержание проблем при внешнем сходстве ситуации?

Анализ сведений об участниках прежней и нынешней дискуссии в «ЛГ», личные впечатления от обследований, которыми мне пришлось руководить, — все это убедило в том, что перемены в социальном облике инженерной массы огромны. Прежде всего на смену практику в большинстве случаев пришел дипломированный специалист.

Коллективный портрет участника обсуждения в нынешней почте в основном складывается из москвичей (одна пятая часть), ленинградцев (десятая часть), киевлян (пять процентов). Немало писем пришло из Минска, Свердловска, Новосибирска и других преимущественно крупных городов. Как и в первой дискуссии, в почте доминируют мужчины (82 процента). Нет ничего удивительного в том, что 60 процентов авторов — инженеры (из них 26 процентов — на руководящих должностях). Научные работники и преподаватели дали каждого десятого автора. 15 процентов участников обсуждение — рабочие. Таков же количество приходится на долю других социально-профессиональных групп и пенсионеров. Без малого две трети написавших имеют стаж работы свыше 10 лет.

Социальный облик откликнувшегося на призыв газеты не совпадает в своей инженерной части с собирательным образом «среднего» инженера. Прежде всего наш дискутант и возрастом постарше, и должностью повыше, и житель наиболее развитых центров науки, техники, культуры. Другими словами, его можно оценить как квалифицированного эксперта, способного заметить и те явления, кои еще не приобрели массового характера, но могут таковой приобрести.

Статистика суждений

Освободился ли инженер от не свойственных ему обязанностей?

Это было одним из главных требований участников прежней дискуссии в «ЛГ».

Восемьдесят процентов всех высказавшихся по этому вопросу спустя двенадцать лет со всей определенностью утверждают: требование не осуществлено. Остальные дали близкие ответы. Лишь пять человек сочли предложение реализованным. Семь инженеров написали, что это требование прошлых лет для сегодняшнего дня нереальное. Они не без основания утверждают, что в наш век нельзя обрекать значительную часть молодежи на заведомо неинтересный, нетворческий труд вспомогательного персонала при инженерах. Так что, видимо, кое-какие несвойственные обязанности инженеру придется выполнять.

Конечно же, сказанное не снимает надобности решения проблемы разгрузки инженера от разбухшей отчетности, лишней переписки, бесполезных заседаний, отвлечений на всего рода неинженерные дела.

«Расширить вилку окладов для одной и той же должности, чтобы разница между высшим и низшим заработком давала возможность поощрять талант, добросовестность, опыт», — требовали дискутанты 1968—1969 гг.

Более 65 процентов всех нынешних высказавшихся по этому вопросу считают, что вилка окладов не была расширена. 9 процентов ответивших выразили противоположное мнение. 15 процентов отметили, что расширение вилки, как говорится, имело место, но оказалось недостаточным.

Такое распределение ответов показывает слабую эффективность мероприятий, проведенных в этом направлении Госкомтрудом и другими ведомствами, поскольку большинство читателей даже не заметило расширения вилки. Некоторые авторы писем вообще сочли нецелесообразным изменение вилки окладов, а предложили перейти к принципиально новым системам оплаты труда, наподобие бригадного подряда у рабочих. Но об этом речь впереди.

Вопрос о внедолжностном, если так можно выразиться, продвижении инженеров, с него фактически и началась дискуссия в «ЛГ» в прошлые годы. Речь шла о поощрении талантливых, способных инженеров «по горизонтали».

Это остается актуальным и для 80-х годов.

Установить систему увеличения инженеру оклада по мере роста его творческого (практического) вклада, опыта и т. п. независимо от продвижения по ступеням должностной лестницы — одно из существенных предложений дискуссии «Инженер и время», активно поддерживается и на сегодняшний день (55 процентов всех высказавшихся по этому поводу). Все так же, как и прежде, не имея возможности заметно повысить свой заработок и статус в обществе никаким другим путем, одаренный конструктор вынужден переходить на более высокие должности, превращаясь в администратора, к тому же зачастую посредственного.

Вот данные группы советских авторов. В проектных институтах из инженеров с десятилетним стажем лишь каждый десятый выдвигается на должность старшего инженера или руководителя группы. И только через 20 лет примерно половина поднимается по этим скромным должностным ступеням. Как видим, возможности карьеры весьма ограничены. И это при том обстоятельстве, что начальственные посты в проектных конструкторских и отраслевых исследовательских организациях множатся чуть ли не в геометрической прогрессии. Ясно, что нынешние схемы должностных окладов, то есть вилки, помочь делу не могут.

Надо заметить, что мировая практика в этом отношении недвусмысленно подтверждает правоту сторонников двух форм продвижения: должностного и внедолжностного. Конструктор или исследователь может и должен продвигаться либо как творческий работник, либо как руководитель. В обоих случаях каждая ступень продвижения означает адекватный рост заработной платы и других престижных благ.

В прошлом дискуссии читатели требовали проводить регулярную переаттестацию специалистов, присваивать им класс.

45 процентов ответивших на этот вопрос признают, что это предложение реализовано. Однако немалая часть писем утверждает, наоборот, что производственная аттестация инженеров не получила распространения. Такое неожиданное несовпадение мнений о сложившейся ситуации скорее всего можно объяснить тем, что действующая аттестация недостаточно помогает оценке эффективности работника, качества его труда, личного вклада в дела коллектива.

В вопросах аттестации нет единства и позиции ученых. В научной литературе последних лет арифметически преобладают работы, где доказывается, что аттестацию можно и должно усовершенствовать на основе корректных методов балльных оценок, когда работника по баллам оценивает группа экспертов. Но здесь хочется скорее поддержать оппозицию этому мнению. Против формализованных систем оценки работников в свое время в «ЛГ» выступал С. Кара-Мурза, высококомпетентный науковед. Правда, он говорил о негативном эффекте бальных оценки продуктивности ученых. Но я думаю, что его сомнения можно отнести и к другим категориям инженерного труда. В своей недавно опубликованной статье в журнале «Социологические исследования» он приводит слова крупного английского ученого С. Хиншелвуда: «Я считаю, что замена трудных качественных суждений неадекватными механическими данными не является рационализацией или проявлением эффективности, или же беспристрастностью и объективностью, а просто представляет собой весьма печальное отсутствие ответственности».

Критический анализ процедур и методов оценки персонала в других странах показал, что, например, широко применяющаяся и прочно оценка личных качеств работника далеко не всегда дает возможность правильно предсказать его успешность в труде.

Да не случайно многие инженеры считают, что предложение проводить аттестацию не было реализовано: вероятно, они имеют в виду существо вопроса, а не формальную его сторону.

Довольны ли вы своей отдачей сегодня? — спрашивала редакция инженеров. Отвечая на анкету «ЛГ», 60 процентов авторов писем высказали неудовлетворенность. Частично не удовлетворены — одна пятая часть. Совершенно довольны — три процента. Около пятнадцати процентов — в основном удовлетворены.

И, наконец, вопрос, в котором как бы концентрируются все другие относительно частные проблемы: повышается ли с годами или падает общественный авторитет инженера?

Ответили 275 из 440 написавших в редакцию. 70 процентов с огорчением отмечают, что с годами общественный престиж профессии падает.

Читатели высказали немало ценных соображений о том, как преодолеть эту безрадостную тенденцию.

Один из старейших инженеров гор. Львова М. Бровченко считает, что необходимо расширить служебные права специалиста, повысить доверие к нему. «Нельзя до всех инструкций заменить инженерной целесообразностью, построенной на логике и расчете?»

Москвич В. Молоканов утверждает: «Работа инженеров по индивидуальным трудовым соглашениям может поднять престиж инженера...»

Почти каждый из ищущих истину авторов называет свои признаки «нездоровья» и свои методы «лечения». Но при всей индивидуальности соображений в читательской почте много общего. Как видно из итогов анализа писем, большинство признает надобность внедолжностного продвижения (по горизонтали) и жажду освобождения от не свойственных им обязанностей.

Но вот что бросается в глаза, смущает, вызывает настороженность: не слишком ли много выдвигается частных проблем, пусть и важных, не слишком ли много разнородных предложений по повышению эффективности деятельности инженера? Не напоминает ли наш случай ситуацию, обычную в медицине, когда несколько симптомов образуют единый синдром признаков заболевания, характер которого и методы лечения нередко выясняются через долгие годы.

Давайте вспомним, сколько было споров и научных обсуждений удачных и неудачных частных экспериментов относительно эффективности труда наших рабочих. Но вот обнаружилась суть дела, первопричина проблемы: нужны новые формы организации производства и труда для более полной реализации рабочими своих прав и обязанностей как хозяев, совладельцев общенародных средств производства. Трудом и опытом передовиков найдены способы преодоления этой трудности, главной, решающей: бригады, трудовой коллектив на хозрасчете, на подряде, с большими, поистине хозяйскими правами и с большими обязательствами перед обществом.

Новые идеи в старом споре

А не так ли и с инженерным трудом, особенно с той массой специалистов, которая ни над кем не начальствует, никем не руководит? Конечно же, есть все основания делегировать им многие функции управления и планирования.

Вот что пишут сами инженеры об этом.

«Много сейчас говорим и пишем о бригадном подряде. Почему бы не сделать подобную бригаду из ИТР цеха, отдела, которая берется за управление подразделением и гарантирует его эффективную работу?.. При таком методе повысится коллективная ответственность инженерно-технического персонала за конечные результаты работы» (Ю. Чернышев).

«Необходимо организовать подрядные инженерные бригады. Им выдается задание, смета, указываются сроки. Все вилки ликвидируются, и оплата труда производится исходя из выполнения сметы: общая сумма заработной платы распределяется с учетом коэффициента отдачи каждого члена бригады. Коэффициент устанавливается ежемесячно тайным голосованием бригады. Совет бригады распределяет премию» (И. Гольцев).

«Бригадный хозрасчет на конкурсной основе обеспечит необходимую связь труда и оплаты... Также необходим конкурсный принцип получения каждой работы задания. Для реализации этого принципа нужно технические требования на разработку выдавать нескольким компетентным бригадам, а саму работу поручать той из них, которая берется выполнить ее наилучшим, с точки зрения заказчика, образом» (О. Кравцов).

«Талантливые люди разных специальностей должны объединяться в бригады по принципу: «Беремся решать задачу, которая нас увлекла» (К. Чубаров).

А теперь приведу несколько строк не из писем, а из статьи члена-корреспондента АН СССР Г. Хомича. «Причины снижения роли и авторитета конструктора в наши дни, видимо, кроются в завуалированности его труда в условиях современной научно-технической революции, причем что вызывает глубокую озабоченность, в ряде случаев эта завуалированность создается искусственно» (подчеркнуто мною — О. Ш.). Казалось бы, в цитированных высказываниях содержится противоречие. Одни предлагают усилить индивидуальность инженерного труда, другие — за бригадным подрядом. На самом же деле здесь нет противоречия: бригадный подряд, как показал опыт рабочих коллективов, возвращает труду его цельность и самоорганизованность, очевидность общественной пользы индивидуальной деятельности.

Подумать только, сколь парадоксальна ныне ситуация! Рабочий класс создает тысячи и тысячи бригад с оплатой по коэффициенту трудового участия с совмещением профессий, функций операции. Все чаще бригадный метод дополняется скользящим графиком работ и так далее. Другими словами: функции внешнего жесткого повседневного и пооперационного контроля сменяются контролем лишь за конечным результатом труда.

Ориентироваться на это призывало постановление о совершенствовании хозяйственного механизма, о развязывании инициативы и социалистической предприимчивости: говорилось в решениях XXVI съезда КПСС. Печать рассказывала об инициативе и самоорганизованности замечательных калужских бригад турбостроителей, о ростовской фабрике «Обувь», где отказались от конвейера, о бригадном подряде в строительстве.

И в те же дни и месяцы созывались научные конференции, защищались докторские диссертации, указующие, как усилить внешний контроль за творческой по своей природе деятельностью инженеров. Но ведь совершенно очевидно, что будущее и здесь (пожалуй, прежде всего здесь, в инженерном труде) за самоорганизованностью работника, а не за сверхрегламентированностью труда.

Не вследствие ли мелочной регламентации и связанных с ней низкими эффективностью и престижем инженерного труда инженеры перестают быть инженерами?

Члены ученых советов по экономике и социологии знают, сколь высок процент вчерашних инженеров среди защищающих и кандидатские, и докторские диссертации. Это, так сказать, счастливчики, любимцы фортуны, которые наконец нашли себе дело всей жизни. Но, откровенно говоря, известны мне и другие судьбы, и немало, когда вполне приличный инженер потерял свою профессиональную квалификацию, да так и не стал полноценным гуманитарием или биологом. Науковеды, конечно, добавили бы к этому сведения об эффекте смены профессий, о пользе профессиональной мобильности. Но поломанные человеческие судьбы заставляют задуматься: всегда ли хороша была эта мобильность? Уж что твердо можно сказать не только из-за малого заработка порвали эти люди с инженерией.

Сейчас заметна и иная тенденция: молодые инженеры все чаще становятся рабочими. Кое-кто из-за заработка, но кое-кто все по тем же причинам вследствие чрезмерной нормированности избыточного разделения труда, особенно в проектных конструкторских организациях. Сегодня шофер зачастую более самоорганизован в своем труде, его деятельность менее стереотипна, чем деятельность инженера. И тем не менее все больше и больше появляется нотовских новации, все более и более «упорядочивающих» труд инженера, а на самом деле лишающих его гибкости и самостоятельности. Конечно, в сказанном есть элемент заостренности, некоторой односторонности, но к этому пришлось прибегнуть, чтобы прояснить мысль.

Если вдуматься в историю организации труда человека на производстве за последнее столетие, со времен Ф. Тейлора и Г. Форда, и по наши дни, то можно заметить: тейлоровская система была адресована к физическим возможностям работника. Его ум, его душа не интересовали тогдашних организаторов капиталистического производства не только в силу оскорбительного безразличия к творческим возможностям трудового человека, но и потому, что основным ресурсом для массового производства служил вчерашний неграмотный и едва грамотный крестьянин. Для получения прибыли от такого работника, не привычного к городу, к фабричной жизни, было рационально разделить цепочку операции по изготовлению конечного продукта на отдельные, жестко нормированные действия.

Времена эти давно канули в прошлое. В условиях НТР, современной урбанизации, высокого образовательного ценза населения западные ученые и управляющие фирмами прежде всего рассчитывают на «рентабельность души и ума» работника. А отсюда гуляют по страницам прессы и все чаще применяются на производстве странно звучащие в устах на храпистых дельцов словосочетания «гуманизация труда», «обогащение труда». Насчет инженерного труда за последние 10—12 лет были разработаны концепции мотивации труда и практические выводы из них, которые показывают доминирующее значение престижности и творчества для повышения эффективности деятельности инженеров, для удовлетворенности их своей работой.

В наших же условиях с неизмеримо большей силой срабатывают те же принципы. Капиталист создает иллюзию гуманизации труда, а для нас это органическое, естественное следствие природы общественных отношений социализма. Эффективность наших гигантских инженерных фирм (НИИ, КБ) с тысячами и десятками тысяч людей может дополнительно возрасти при автоматизации сотен творческих бригад, ликвидации обезлички инженерного труда, организации инженерных «ателье», работающих на договорных началах с фирмами-заказчиками. Как видно из писем, выдержки из которых я привел, так думают многие инженеры.

Об этом же высказывались специалисты уже не в заочном анкетировании, а в очном интервью. По нашему обследованию 1977 года среди ленинградских машиностроителей мы увидели, что самым значительным фактором для повышения эффективности труда инженеры считают возможность проявления своей инициативы. На второе место ставятся разнообразие работ, выполняемых в течение дня (особую роль играет преодоление рутинности), затем идет самостоятельность работы. По экспертной оценке руководителей, более эффективны те инженеры, которые имеют высокую степень самостоятельности, часто должны принимать собственные решения по поводу своей работы.

Инженеры, если они настоящие инженеры, не маленькие дети, которым нужны заботливые «няни», а взрослые люди, способные по-хозяйски организовать свой творческий труд на благо народа.

Может сложиться впечатление, что весь разговор в прошлом на страницах газеты прошел впустую. Кстати, редакция «ЛГ» прямо спрашивала своих читателей насчет эффективности и действенности дискуссии «Инженер и время» шестидесятых годов. И это естественно: ведь нынешнее обсуждение ведется в рамках «КПД» — «Комиссии по действенности».

Что же ответили авторы почты «Инженер и время» — 1981? Они сочли полезной деятельность газеты по пробуждению общественного интереса к проблемам инженерного труда. Их ответы относительно «коэффициента полезного действия» дискуссии 60-х выглядят следующим образом. Бесспорную полезность разговора признали 30 процентов ответивших. Кроме того, около 40 процентов нашли дискуссию тех лет «в основном полезной». Отрицательную оценку дали 18 процентов экспертов. Мнения остальных 12 процентов можно признать неопределенными. Надо полагать, это совсем неплохой результат, когда 70 процентов столь компетентных и взыскательных людей признают положительно оценивают внимание «Литературной газеты» к судьбам тревогам и надеждам инженера.

САМОЦВЕТЫ ДЛЯ ЭЛЕКТРОНИКИ. Институт физических исследований АН Армянской ССР

Фото А. ЗЫВИНА

МНЕНИЯ

ВЕЧНАЯ ПРОБЛЕМА?

«...Хочу вас ознакомить с содержанием нашей доски объявлений. Это разнарядка для инженеров, направление на непрофильные работы.

«На овощебазу — 5 человек на апрель. Каждый должен отработать по два дня.» «ЖЭУ — 8 человек на апрель. По 3 дня.» «СУ-8 — апрель — май. Только мужчины!!! 4 человека. Каждый — не менее 10 дней.» «Совхоз — апрель—май. Нужно 16 человек на 3 дня.» «Уборка территории завода. 1 человек — каждую пятницу. До 1 июня».

Против каждой разнарядки — фамилии, крестики в соответствующей графе. В мае заголовки начинают меняться. Появляется: «Пионерлагерь — на строительство корпусов, уборку территории. Июнь—август. «ДЭУ — на неделю». Это на ремонт дорог и тротуаров. А потом пойдет «колхоз» — посадка прополка, сенокос, уборка картошки. Если к нам в бюро приходит новичок после распределения (обычно это выпускники МЭИ), то руководитель его может увидеть лишь в ноябрьским праздникам. (В. Дудин, инженер-конструктор I категории, Свердловск).

«Когда-то в институте нас учили, что инженер водного транспорта прежде всего должен быть экономистом, то есть уметь считать. Давайте посчитаем. У нас навигация длится 3—3,5 месяца. В это время нужен специалист. Сгодился бы и студент старших курсов, ведь работа сезонная. Его присутствие стоило бы вместе с оплатой проезда из центральных районов страны около 845 рублей. А сейчас весь год мы держим инженера. Его содержание обходится государству в 4000 рублей. Если просмотреть необходимость на некоторых местах инженеров, то найдутся, несомненно, лишние люди». (Н. Миненко, Тюменская обл.)

«Лично я знаю трех инженеров, из которых один работает формовщиком, другой электриком, третий токарем. Это не что иное, как растрата и дискредитация образования. Вот еще штрих к вопросу о престиже инженера: недавно у нас в объединении большая группа работников была награждена орденами и медалями за успешный труд в десятой пятилетке. И среди награжденных (от генерального директора до маляра) не оказалось ни одного технолога и ни одного конструктора!» (А. Митеев, Ярославская область).

Любопытно сопоставить эти письма с письмом, полученным еще в 1969 году. Оно сохранилось в досье редакции.

«Я был зачинателем дискуссии в «Правде» в 1939 году о рациональном, экономном расходовании времени инженера. Статья так и называлась — «Цена времени». А потом там публиковались отклики. Для проверки и сопоставления посылаю вырезку из «Правды». Ознакомьтесь, что писали инженеры 30 лет назад. Приводу выдержки из давней публикации: «Мы, инженеры, во многих случаях работаем еще по старинке. Становцы — работники физического труда, определенным образом опередили нас, работников умственного труда, в умении организовать свое рабочее место, в умении экономно использовать рабочее время... Заводскому инженеру приходится львиную долю своего времени посвящать вопросам снабжения своего участка материалами и инструментами... Инженер несет не свойственные ему обязанности снабженца, причем обязательно «лично присутствующего». На складе завода есть инструмент и материалы. Начальник цеха подписал требование. И все же материалы не выписываются, пока лично не явится начальник цеха. И так по любому вопросу — инженер должен лично явиться и все уладить...

Ведущему инженеру приходится заниматься такими вопросами, которые ему вовсе не свойственны и, как говорится, даже «по штату» не положены. У нас издавна заведен такой порядок, что руководитель объекта после процесса проектирование с момента спуска чертежей в производство превращается в «толкача» на своем же опытном заводе...» (В. Комаров).

МУЖСКИЕ ИНТЕРЕСЫ

Фото А. ЗЫБИНА

РЕЗОНАНС

«НУЖЕН ЛИ СЕМЬЕ ЛИДЕР?»

ПОБЕДИТЕЛЬ С ИНФАРКТОМ

МНЕ ХОТЕЛОСЬ бы уточнить проблему. Вернее, несколько сместить акценты в ее обсуждении. Посудите сами: если у вас за стеной уже не первый раз слышится перебранка соседей («Я тебе заставлю!..»), если в хорошо вам известной семье каждая из противоборствующих сторон ищет все новых и новых помощников (сначала — дети, потом — родственники, потом — знакомые и друзья по работе...), то разве можно назвать такое естественным семейным соперничеством? Думаю, это не что иное, как борьба за безраздельную семейную власть. Причем, как правило, тяжелая и нелепая если посмотреть на нее трезвым взглядом. Такую борьбу не следует путать с соревнованием за авторитет в семье.

Разумеется, в жизни случается всякое. У одного моего знакомого жене возражала против его поступления в аспирантуру только потому, что предполагала: став более образованным, муж перестанет с ней считаться... Правда, последствия такого рода конфликта не столь опасны, как результаты открытой, даже иногда демонстративной «борьбы за власть»: разводы, увлечение алкоголем, нервные болезни, инфаркты, травмированные дети и так далее.

Из этого отнюдь не следует, что семье не нужен лидер. Ведь и в случайных, кратковременных группах, например в купе поезда, часто выделяется пассажир, задающий тон беседе. Лидерство — явление неизбежное и необходимое. Поэтому проблема лидерства в семье имеет практическое значение.

Основа же семейного лидерства — не сила (физическая, экономическая), а компетентность, опыт, активность, готовность принять решение, практичность, смекалка. Настоящему лидеру в семье не нужны для самоутверждения ультиматумы и угрозы (разводом, финансовыми санкциями или... рукоприкладством). Он действует аргументами, убеждением.

Кстати почему мы не сомневаемся в необходимости или по крайней мере неизбежности иметь лидера в любой группе людей, а вот существование лидера в семье иногда считают анахронизмом, пережитком прошлого? Ведь равенство перед законом не делает нас всех одинаковыми — по умственным способностям, по свойствам характера...

И. РУДОКАС,
инженер

ВИЛЬНЮС

ЖЕНЩИНА В ДОМЕ...

УВАЖАЕМАЯ «ЛГ»! Хочу внести в разговор о лидерстве в семье свою поправку. Можно? Но вначале маленькая история из собственной жизни.

В детсаде, куда ходила моя дочь, точнее — в ее группе сменилась воспитательница. Была пожилая домовитая женщина, вокруг нее жизнь ребятишек шла как-то сама собой. А тут появилась другая — средних лет, крикливая властная. За шалости наказывала не только виноватого, а всю группу всех часами заставляла «отсиживать» на стульях вдоль стены не вставая. Это же какая мука для растущих, подвижных детей!

Словом, однажды моя дочь, девочка послушная и робкая, утром села на пол, голову положила на кресло и сказала с плачем: «Не пойду в детсад!» Мы с женой пустились ее уговаривать. Не получается. Прибавляю металла в голос — не действует. Жена вышла из себя, отшлепала дочь, у той — рыдания, крики: «Не хочу, не пойду!» И потом на вопрос матери «Куда я тебя дену?» — вдруг говорит: «А зачем ты меня родила, если тебе меня некуда деть?»

Жена так и села. Ее этот ответ-вопрос сразил наповал. Меня, впрочем, тоже. В тот день жена взяла дочь с собой на работу, все-таки не завод, а учреждение, кое-как день прошел. А вечером: Что делать? Клеить объявления «Срочно нужна няня»? Та-ведь бесполезно. Предлагаю жене уходить с работы. И вижу на ее лице полное смятение.

Нет, она к своей работе относится спокойно, без особой страсти, без тщеславных, далеко идущих планов. Да и зарплата там у нее по сравнению с моей — меньше одной трети. К тому же я мог бы чуть поднатужиться и эту одну треть заработать в родственной организации по совместительству.

— Понимаешь, — говорит — я дома опущусь. Кухня, стирка, магазин. Буду вертеться в этом кругу, и через год ты меня не узнаешь. Понимаешь?

Я не понимал.

Еще до рождения дочери мы с женой читали популярные книжки о воспитании детей, готовились. Рождение человека, его выращивание, общение с ним — да разве это само по себе не работа не важнейшая для женщины занятия?

Говорю жене об этом, а она твердит свое: «Опущусь!»

Нас тогда выручила теща. Отважная женщина нашла в себе силы, несмотря на свои болезни, каждый день ездить через весь город к нам — нестовать пятилетнюю внучку. Но я с тех пор думаю вот над чем: да, конечно, домашняя работа непрестижна, но престиж-то зависит от общественной потребности, которая сейчас остро ощутима: детсадов и яслей не хватает. Но дело не только в этом. Взглянем шире: почему женщина стыдится посвятить себя воспитанию собственного ребенка, заботе о семье — почему?

Исключаю сразу так называемых «деловых женщин», по-настоящему увлеченных своей карьерой в науке, искусстве или на административном поприще, — их не так уж много.

Остальные, даже когда мужья готовы восполнить материальную брешь, все равно не решаются уйти с работы. Специально опрашивал своих приятелей — почти у всех дома бывали такие разговоры. Один сказал мне прямо: «Моя жена уже и неспособна вести дом, воспитывать ребенка...» Отсюда и соперничество в успехах по работе. Отсюда и попытки (нелепые, часто неосознанные!) перенести производственные, служебные отношения в семью, то есть борьба за лидерство!

Не должно быть такой борьбы, она противоестественна в семье. И раз она есть, значит, наш семейный уклад нуждается в перестройке. В какой?

Сейчас в нашей жизни в той или иной степени проявляются два полярных типа семейных отношений: соперничество и служение друг другу — по принципу взаимодополнения. Какой из этих двух типов рационален? Думаю — второй. А какой более распространен? Думаю, что первый.

Да, рушатся семьи из-за бесконечной борьбы за лидерство, но не всегда. В конце концов вырабатывается какое-то равновесие. Муж, жена и ребенок сосуществуют, стараясь как можно меньше мешать друг другу. А потом мы удивляемся, откуда отчуждение!

Конечно, я за второй тип отношений — за служение друг другу. Я уверен: женщина, посвятившая себя семье, укрепит семейно-родовые связи и отнюдь не опустится, если будет вести дом, растить ребенка и заботиться о муже, любя их! Ведь женская домашняя работа — самая одухотворенная, самая содержательная и **самая важная для общества**, так как она укрепляет его человеческую, его духовно-нравственную основу. Об этом нужно трубить на всех перекрестках, нужно формировать общественное мнение, нужно сделать материнство самым престижным занятием.

...Но как мне убедить в этом собственную жену?

И. НИКОЛАЕВ,
преподаватель

МОСКВА

КОММЕНТАРИЙ ОТДЕЛА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ «ЛГ»

У каждой, даже небольшой газетной дискуссии бывают свои неожиданности. В споре нередко рождается не только истина, но и новая грань темы. Так случилось и в читательском диспуте о семейном соперничестве (см. «ЛГ», №№ 17, 21, 24). Авторы публикуемых сегодня писем заставляют взглянуть на него под иным углом зрения: а каково содержание этого соперничества? И жизнеспособен ли сейчас иной, противоположный ему тип отношений (читатель И. Николаев называет его «служением друг другу — по принципу взаимодополнения»)? Если да, то можно ли сделать его более распространенным, сформировав общественное мнение, убедив женщину в том, что главную пользу обществу она приносит своим материнством? Но такая опосредованная — через семью, детей — связь женщины с обществом не сузит ли возможности реализации ее социальной активности, творческой энергии? Что здесь может семья (а вслед за ней и общество) потерять, а что может приобрести!.. Ждем ваших писем.

ЗАЧЕМ ЛЮДИ ССОРЯТСЯ?

Некоторые секреты семейной жизни в зеркале психологии

Известна цифра: сегодня каждый третий из заключаемых браков распадается. Недавние социологические исследования прибавляют еще такой нюанс: среди уцелевших (неразведенных) семей только половина считает себя «удачными», остальные — «уживаются». Значит, стабильные, счастливые семьи составляют всего лишь третью часть от общего количества!

Факторы, влияющие на атмосферу в семье, изучаются сегодня педагогами, юристами, социологами, философами, психологами. Делает первые шаги психологическая служба семьи. Уже накоплен некоторый опыт в Ленинграде. Прибалтике. Год назад в Москве Академией педагогических наук СССР совместно с Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова был организован консультативный центр психологической помощи семье.

Общее руководство этим центром осуществляет академик-секретарь АПН СССР, декан факультета психологии МГУ, доктор психологических наук, профессор А. А. БОДАЛЕВ. Мы попросили Алексея Александровича прокомментировать несколько сюжетов из семейной жизни: как выглядят они в зеркале психологии!

Лидия ГРАФОВА

ПРИНЯТО считать, что конфликт — это. И вдруг в психологическом центре я услышала: «Каждый раз мы стараемся понять, зачем данный конфликт этому человеку нужен».

Нужен? Конфликт?

Мне сложно объяснить: психология не расставляет человеческим страстям оценки, задача психолога — «заразить» человека исследовательским интересом к себе, к своей жизни и показать возможность выхода из конфликтов.

Предвижу недоверие читателей, сама шла в психологический центр с ворохом сомнений и все-таки хочу сразу сказать: да, в этом необычном заведении действительно помогают семьям стать счастливее.

За первый год существования центра — более 2 тысяч «человеко-посещений». Много это или мало? Если учесть, что работает здесь всего 9 сотрудников, что располагается эта своеобразная «исповедальня» в помещении обычной трехкомнатной квартиры, что время на исповедь не ограничено, получится вполне достаточно. Кто приходит на консультацию? В основном, конечно, женщины, но бывают и мужчины (каждый третий клиент — мужчина). Возраст — самый разный, в большинстве, правда, люди от 30 до 40 лет. Чаще всего — с высшим образованием. Самая распространенная жалоба — нарушения в поведении детей, супружеские конфликты — на втором месте.

Интересно было бы подробно описать методы «корригирующей психотерапии», хорошо бы рассказать о каждом из психологов отдельно — все они своего рода подвижники. (Представлю, кстати, их поименно: заведует центром кандидат психологических наук, доцент МГУ В. Столин, занятия с детьми ведут кандидат психологических наук А. Спиваковская, психологи А. Варга и Е. Новикова, супружеские проблемы — кандидат психологических наук Е. Соколова и психолог А. Копьев, есть в центре свой врач, специалист по аутотренингу Н. Петров.) Но сейчас у нас другая цель: не просто познавательная, скорее — прагматическая: нельзя ли что-то из их научного опыта перенять себе в житейскую практику?..

О роли жертвы и выходе из кризиса без поражений

На первый взгляд, случай был безысходный. Не могут же психологи вернуть этой женщине мужа. Он ушел почти месяц назад. Последние месяцы стал странным, все молчал, на жену смотрел, будто она стеклянная. Перестал раздражаться по поводу мелочей, которая обычно казалась ему подгоревшей, то недосоленной. Собственно, отчуждение в семье возникло давно, но жена старалась терпеть, их ведь связывала почти четверть века — поженились еще в институте, оба — научные сотрудники. Их семья считалась образцовой! А как он уходил! Трусливо, как воришка. Взял свои технические розетки, рубашки — и исчез. Даже бумаги все оставил, ими забиты полки и стол... Она их бережет, не выбрасывает.

Хотя почему бы не выбросить?!

Он зачеркнул всю ее жизнь! И почему нет такого органа, который нарал бы виновных за развал семьи? Она уже звонила в институт, но там, конечно, не пошевелились. Может быть, подать на развод?

Психолог не должен быть по отношению к клиенту ни адвокатом, ни судьей. Сочувствовать каждому! «Мы обязаны активизировать интеллигентность этой женщины!»

Они избегают давать прямые советы. Да если сказать клиентке: «Конечно, разводитесь!» — она, пожалуй, уйдет обиженной. Даже принятый совет, то есть переложив на какой-то момент ответственность за свою судьбу на чьи-то плечи, человек теряет на будущее веру в себя.

А задача психолога — «уплотить» человека, «приподнять» его над стандартами оценок, стереотипами восприятия. Собственно, почему эта женщина чувствует себя «брошенной»?

Если она сама давно разлюбила мужа, реально ли ее ощущение, будто «мир рухнул»? Что ее больше волнует — уход мужа или то, что в глазах окружающих перестала существовать «образцовая семья»? И кто сказал, что он чужой уже, в сущности, человек, что-то ей «должен»? Да и разумно ли это — жить как бы «ему назло»?

Такие или подобные им вопросы не задаются психологом «в лоб», а как бы возникают в контексте бесед, клиент как бы сам себя их задает и, может быть, впервые видит свою жизненную ситуацию непредвзято, осознавая не только чужую, но и собственную вину. Люди приходят в центр со сложившимися мифами о своей жизни, с отработанными монологами... Разорвать монолог! Вернуть той женщине самоуважение, повысить ее самооценку.

«Нет, мы ничему людей не учим, ничего не навязываем, а просто... зажигаем в сознании свет».

А. А. БОДАЛЕВ. Исследования, основанные на строгих статистических данных, показывают: первым психологическим условием развития личности является то, что человек изменяет отношение к самому себе. Порой люди смотрят на события своей жизни, как на нечто, независящее от них, как из зрительского кресла — на спектакль. А ведь в сущности каждый человек может стать режиссером своей судьбы.

Разумеется, избежать конфликтов, потерь и неудач мы не можем, они заложены в самой природе человеческих отношений. Но ведь известно, что похожие события одного лечают, а другого наоборот, делают сильнее. Все зависит от того, какой внутренний урок из происходящего мы для себя извлекаем. Восприятие даже избирательно: мы придаем значение только тому, что имеет вес в системе наших личностных ценностей. И если главное для человека: «а что подумают обо мне другие?», то любое драматическое событие, даже хорошо это выражено у Курта Воннегута. Помните, один из героев «Бойни номер пять» просит судьбу: «Дай мне душевный покой, чтобы принимать то, чего я не могу изменить, мужество — изменять то, что могу, и мудрость — всегда отличать одно от другого».

О странных «играх» и духовной совместимости

На этот раз в консультацию обратился отец: спасите ребенка. Умный, способный, слишком развитый для своих пяти лет — читает, сочиняет стихи, — сын совершенно беспомощен в быту: ни на минуту не хочет оставаться один, боится открытых дверей, незнакомых людей, покормить его — целая трагедия. Казалось бы, все признаки детского невроза налицо. Казалось бы, случай совершенно однозначный, без подтекста.

Казалось бы, так ясно, если люди не хотят или не могут расстаться, почему бы им не изучить характеры друг друга, почему бы не учесть вчерашний горький опыт, почему, чувствуя приближение очередной семейной грозы, не сосчитать хотя бы до тысячи? Нет, изо дня в день, из года в год раздражаемся, мучаем друг друга, упорствуем.

Некоторые психологи объясняют семейные конфликты с помощью понятия «игры». Теория эта настолько «раздевает» наше подсознание, наши человеческие слабости, что в нее как-то и поверить трудно, — сопротивляется само сознание. Защищаясь, не желая принять... Мы так страдаем от конфликтов, мы такие сложные и сами умные, а тут вдруг нам говорят про «игры» в которые якобы на полном серьезе играют взрослые люди!

Но вот знакомая картинка. Муж спрашивает у жены: «Где мои запонки?» Она сразу в атаку: «Вечно ты разбрасываешь свои вещи!» Начинается скандал. Да, это и есть элементарнейшая модель той самой «игры». «Игра» — деятельность, лишенная объективного смысла: запонки они не ищут. В отличие от детских игр эта «игра» лишена и субъективного смысла: не получают от супруги удовольствия от такого «способа общения». После скандала каждый хватается за валидол. А завтра — все сначала.

Психологи объясняют: «игра» — это «прятки с самим собой». Тем скандалом из-за запонок жена могла добиваться внимания мужа, который к ней охладел. Муж играл роль страдальца, мог получать тем самым индульгенцию на «другую жизнь» вне семьи. Возможно, все выглядело и гораздо сложнее. Но в любом случае каждый участник «игры» имеет свою систему неосознанных мотивов, интересов, «выгод», которые и побуждают его к постоянному воспроизведению «игры».

А. А. БОДАЛЕВ. Если смотреть «изнутри» личности, то все происходящее с нею не случайно. Немотивированных поступков не бывает. Человек действует так или иначе только потому и затем, чтобы удовлетворить этой деятельностью какую-то свою потребность, нужду. Другое дело, что мотивы при этом могут быть неадекватны, то есть могут подменяться. Один, «красивый» выставляется напоказ, а другой «стыдный» тщательно скрывается, в том числе и от самого себя.

В одной из своих работ заведующий психологическим центром, молодой ученый В. В. Столин увлеченно работающий над проблемами семьи, пишет: в психологии есть два уровня объяснения конфликтов. Один уровень исходит из ответа на вопрос: почему конфликты возникли? Второй — из ответа на вопрос: зачем они возникли? Почему? — это анализ причин, послуживших поводом конфликта. Зачем? — анализ мотивов явных и скрытых, «вдохновляющих» конфликт. Анализ причин тоже, конечно, важен, но все-таки недостаточен. Если мы им ограничимся, то конфликтные ситуации предстанут как бы запрограммированными и, значит, неизбежными. Видимой причиной семейных конфликтов может стать что угодно: несходство характеров, неблагоприятные бытовые условия, влияние посторонних людей... Ну, а истинная пружина «спрятана» как правило, в самом человеке: если бы он не хотел конфликтовать, он бы просто не нашел внутренних сил конфликт поддерживать.

Кстати, о несходстве характеров, о духовной несовместимости — в этом сейчас видится главная причина семейных разладов. Но так ли это? Существует ли какая-то заданная константа, определяющая раз и навсегда взаимоотношения в семье? В Ленинграде проводилось недавно социально-психологическое исследование по поводу «высокого уровня взаимоотношений» между супругами. И вот странный результат: 47 процентов семей с удачными браками (это по их же признанию) живут в постоянных конфликтах. В то же время 8,3 процента семей с неудачными браками уживаются жить не ссорясь. Так что, оказывается, сходство характеров, взглядов, взаимная любовь (что там еще входит в понятие «удачный брак»?) — не гарантия высокого уровня взаимоотношений. Как говорил В. А. Сухомлинский, люди, решившие любить друг друга, должны вырабатывать в себе готовность к духовной совместимости. Вырабатывать!

Об эффекте «ореола» и мудрости любви

Пришла женщина средних лет, одетая небрежно, причесанная наспех — по всему видно: не следит за собой. Куда там — трое детей она с ног сбилась, обслуживая «такую ораву», а муж — как квартирант в доме, только и знает, что пьет. Она помогла ему в свое время получить высшее образование, он занимает приличную должность, на работе ценят, а дома — никакого толку. Зарплату он, бедняга, приносит, но ведь за деньги счастье не купишь. Дети отца не уважают. Дети растут хорошие, старший сын — опора, во всем поддерживает мать. «А какие у вас отношения с мужем?» — психолог прервал ее монолог всего лишь одним вопросом. «Отношения? — удивилась женщина. — Какие же отношения? Ведь он пьет».

На повторный прием она согласилась привести сына, на следующий — и мужа. Муж, кстати послушно пришел — не таким уж он оказался монстром, грустный человек с умными глазами. Потом был долгий разговор психолога со всей семьей. Вернее, они сами говорили между собой — высказывали взаимные претензии. Психолог сидел молчаливым свидетелем, но ведь он заранее с каждым из троих установил доверительный контакт, и стоило ему просто мяукнуть: «гм-гм...» — говорившим сразу понимал порочность своей аргументации. Благодаря присутствию психолога обычный скандал не вспыхнул, и они, может быть, впервые друг друга услышали.

Типичная в общем-то, история. Когда муж пьет, мы жалеем естественно, жену, детей, весь пыл негодования направляем на «алкоголика». Но правда ли, что он уже алкоголик, и вообще — почему «муж пьет»? До этого житейскому здравому смыслу дела нет. А психологи анализируют «круговую причинность». Ведь в семейных конфликтах не бывает абсолютно правых и единолично виноватых. Не бывает победителей — победа одного всегда оборачивается поражением для семьи в целом.

Самой безупречной в той семье выглядела позиция сына. Но оказалось, что именно сын своим небрежением к отцу углублял разлад в семье. Пить отец начал именно в ту пору, когда повзрослел сын и мать «назначила» сына как бы своим «заместителем» в семейных делах, наградив за труды правом «прищучить, если надо, отца». Семья разделилась на «мы» и «он»: «мы» — хорошие, «он» — плохой. На работе отца уважали, награждали, а дома он слышал в два голоса: «никчемность». Ему просто не хотелось идти с работы домой...

А. А. БОДАЛЕВ. Люди так часто не видят своих близких. Супругам кажется, что они знают друг друга наизусть, а на самом деле главного — внутреннего мира человека с его непрестанными изменениями — они просто не воспринимают. Несколькими психологическими исследованиями подтверждено, что правильное понимание человека как личности образуется у нас как раз при не очень длительном и не очень тесном знакомстве. Впоследствии наслаивается много субъективного, возникает так называемый «эффект ореола»: мы уже судим о человеке не по тому, каков он сегодня, а исходя из своих устарелых представлений о нем. Сквозь толщу предвзятости видим не столько самого человека, сколько себя в нем.

Помните надоевшую в свое время песенку: «Если я тебя придумала, стань таким, как я хочу»? Весьма рискованное это занятие — придумывать человека, приписывая ему какие-то качества и потом ждать, требовать их осуществления. Это — волюнтаристский стиль отношений, несовместимый с мудростью любви.

В семейной жизни шаблонность отношений всегда ведет к взрывам. Чтобы понять подлинную сущность человека, необходимо постоянное «психологическое слежение» за его состоянием, необходимо умение «читать» его мысли и чувства не только по словам, но и по мелькнувшему выражению лица. Да, это талант — в любую минуту поставить себя на место другого.

Кажется, где-то у Толстого я читал: что значит любить человека? Это — относиться к нему, как к чужому, но еще... любить. Думаю, здесь слово «чужой» справедливо в двух значениях: относиться «как к чужому» — значит не считать человека своей собственностью, признать за ним право быть тем, что он есть, а во-вторых, «к чужому» — как к незнакомому, то есть видеть его каждый день заново.

Любить — значит утверждать неповторимо-индивидуальное бытие другого человека. И пусть в нем, в другом, есть какой-то волнующий недостаток и свое недовольство этим недостатком никуда не денешь, однако улучшить другого мы можем, только принимая его в целом, как личность. Герцен, помните, писал, что ребенку нельзя говорить: «Ты лжец!», а лучше сказать: «Ты солгал». А ведь как часто бывает: «жена-начальник» без конца попрекает «мужа-подчиненного» тем пороком, от которого ему самому, может быть, тошно. Ты слабый, слабый. И он становится еще слабее — дефект фиксируется.

Творчество семейных отношений (а ведь именно ради этого решились двое на совместный быт) возможно лишь тогда, если, зная о слабостях любимого, делаешь «упор» на его достоинства, и тогда в человеке невесть откуда берутся новые силы. Когда мы относимся к человеку позитивно, по-доброму, мы помогаем проявиться лучшему в нем. И в то же время (есть даже на этот счет специальные научные исследования) своим поведением мы можем провоцировать человека на дурное. «Переделать», внутренне изменить человека войной с ним еще никому не удавалось. И вообще семья только тогда семья, если один человек нужен другому не «для того, чтобы...», а нужен сам по себе.

В ОДНОЙ из их толстых «папок-сюрпризов» я случайно обнаружила рукописный листок «О конструктивных ссорах». Приведу эти «заповеди» полностью, хотя замечу, что сами психологи относятся к ним весьма скептически:

«Разрушающий конфликт становится конструктивным, если супруги

1) стремятся не к победе одного и поражению другого, а к победе обоих;

2) не затаивают обиду на завтра — чем скорее вскрыт конфликт, тем меньше бед он принесет;

3) прежде чем предъявить друг другу претензии, честно осознают, что же их на самом деле волнует;

4) не приплетают к обсуждению сегодняшних дел прошлые обиды;

5) открыто высказывают свои чувства и ждут того же от партнера;

6) учитывают настроение и страдание другого, если даже считают его неправым».

Да разве мы всего этого сами не знаем? «Конечно, — отвечают невозмутимые психологи, — но мало знать, надо пережить, хоть однажды попробовать...» По их мнению, семейному счастью можно и нужно учиться.

Эх...

Ладно, запомним на прощание хотя бы одно: если я участвую в конфликте, значит, он мне зачем-то нужен.

ТЕНЬ НОВОГО АЛЬЯНСА НАД АЗИЕЙ

Федор БУРЛАЦКИЙ

Мировая политика не знает автобана, не знает улиц с односторонним движением. Напротив, здесь все теснейшим образом взаимосвязано. Поэтому каждая из стран должна принимать во внимание интересы и позиции других стран и союзов, разумеется, если она не ставит перед собой цель сознательно создать кризисную ситуацию, чреватую обострением отношений и конфликтами.

Это первое, о чем я подумал, когда познакомился с решением американской администрации о продаже Китаю смертоносного оружия. Одновременно западные органы информации сообщили, что на территории Китая создана станция для слежения за ракетными испытаниями, проводимыми в Советском Союзе. Эти действия представляют собой открытый и беспрецедентный вызов, брошенный Советскому Союзу. И не только Советскому Союзу, но и всему социалистическому содружеству. И не только социалистическому содружеству, но и всем державам на азиатском континенте, для которых перевооружение Китая означает резкое нарушение сложившегося баланса сил. Новый этап военного сотрудничества между США и КНР, в которое в перспективе рассчитывают втянуть и Японию, означает попытку сформировать новый альянс, несущий угрозу всеобщему миру.

Взвесим политические и военные последствия решения и действий, предпринятых США и КНР.

Опасные иллюзии

Что означает это решение для Соединенных Штатов?

Некоторые западные комментаторы утверждают, что оно идет в русле общей политики администрации Рейгана по продаже оружия иностранным государствам. Примитивно разделив мир на красных и белых, на врагов и друзей, просоветские и антисоветские державы, эта администрация щедрою наращивает свои усилия по поставке оружия своим друзьям, рассматривая это как важный компонент своей дипломатии. Крупные контракты на продажу оружия иностранным государствам уже превысили 1,4 миллиарда долларов. Совсем недавно Белый дом решил продать Саудовской Аравии самолеты системы раннего предупреждения АВАКС и дополнительное оборудование для самолетов «Ф-15». В 1982 году на военные поставки Израилю ассигновано 1,4 миллиарда долларов, а Египту — 900 миллионов долларов. Администрация Рейгана открыто отказалась от обещанной в свое время президентом Картером политики ограничения продажи оружия.

О том, какие цели ставит новая американская администрация, наращивая экспорт оружия, можно судить из откровений Роберта Ньюмэнна, бывшего директора Центра стратегических международных исследований при Джорджтаунском университете и посла в Саудовской Аравии. В своем предисловии к одному из исследований Центра Ньюмэнн отдает предпочтение военной помощи по сравнению с экономической, которая, по его словам, «слишком часто ведет к разочаровывающим результатам», тогда как продажа оружия имеет «достаточно предсказуемые последствия». В какой мере эти последствия «предсказуемы», можно видеть на примере Ирана, который получал огромную военную помощь США...

Повторяю, можно было бы думать, что решение о продаже смертоносного оружия Китаю идет в русле этой общей политики военной помощи иностранным государствам.

На самом деле это не так. Эта акция знаменует собой существенный поворот военно-политической стратегии США не только в Азии, но и во всем мире. Впервые за 31 год США продают оружие стране, с которой Соединенные Штаты дважды находились в состоянии военного конфликта: в период гражданской войны, когда они вооружали и поддерживали Гоминьдан, и в период войны в Корее. Речь идет далее о стране, которую правящие круги США считают отнюдь не белой, а все еще красной или, на худой конец, розоватой, о «коммунистическом Китае», к которому еще недавно американские правящие круги проявляли по меньшей мере такое же недоброжелательство, как и к другим социалистическим странам.

Что же побудило администрацию США осуществить такой крутой поворот?

Ответ на этот вопрос можно почерпнуть из собственных оценок представителей этой администрации. Одно из официальных лиц, слова которого приводятся в журнале «Нью-Йорк таймс мэгэзин», говорит о том, что в Белом доме все больше заправляют люди, которых можно было бы назвать «сталинистами». Он пишет: «Это маньяки в средневековом смысле этого слова. Русских они считают дьяволом, а с дьяволом нельзя вступить в сделку, не потеряв свою душу».

Действительно, Соединенные Штаты осуществили крупную антисоветскую акцию. После длительных колебаний, которые проявляли предшественники нынешней администрации — президент Никсон, президент Картер, Белый дом с присущей ему ныне прямолинейностью (только политические простаки могут принять ее за проявление твердости) решил полностью разыграть китайскую карту.

Противоестественный альянс

Другая цель предпринятой акции состоит в стремлении привязать Китай к американской военно-политической колеснице. Не случайно Хейг в своем заявлении по этому поводу отметил, что эволюция американо-китайских отношений в военной области будет «медленной, размеренной и осторожной». Это означает тактику постепенного втягивания Китая во все большую зависимость от поставок американского оружия, технологии и запасных частей. Китаю намекают, что продажа оружия завтра может стать менее ограниченной, а послезавтра — неограниченной.

Американские стратеги рассчитывают при этом, что им удастся держать под контролем Китай, его политику в Азии и на мировой арене. Они рассчитывают на «либерализацию» Китая в прозападном духе. Но это легкомысленная и недальновидная политика.

США делают ставку на углубление антисоветизма в Китае. А что, если этот антисоветизм в свою очередь — не более чем разменная карта в игре на перевооружение, которую ведет сейчас Китай? Что, если через 5—10—15 лет он станет разыгрывать антияпонскую или даже антиамериканскую карту? Да и как могут серьезные политики в Белом доме идти на такой очевидный риск: вооружать китайских руководителей, которые на протяжении последних десятилетий не раз показывали себя незрелыми и безответственными политиками? Всего 20 лет назад они призывали Советский Союз обрушить термоядерный удар на Соединенные Штаты Америки, что было с негодованием отвергнуто нашей страной. Всего 10 лет назад они воевали с Индией, и всего 2 года назад они осуществили свою пресловутую акцию «наказания» Вьетнама. Какую гарантию могут дать США соседям Китая в том, что спустя 10—15 лет американское оружие в китайских руках не будет обращено против друзей и союзников США?

Правда, у США имеются и более далеко идущие цели. Они ищут способ коренным образом изменить соотношение сил на азиатском континенте, радикально перекроить систему международных отношений, сложившуюся после второй мировой войны. Вашингтон вынашивает планы создания тройственного союза на Дальнем Востоке США — Китай — Япония. Если бы военное сотрудничество между этими тремя державами, а тем более военный союз между ними стал фактом, это означало бы совершенно новую ситуацию во взаимоотношениях между Востоком и Западом, в международных отношениях в целом и вызвало бы такие изменения в мировой политике, последствия которых невозможно даже себе представить.

Я убежден, что это иллюзорные планы. Нельзя впрячь в одну упряжку лебедя, рака и щуку, а тем более акулу, щуку и кальмара. Этот противоестественный союз развалится раньше, чем его удастся всерьез запланировать. Но сами по себе планы его создания чрезвычайно опасны, они свидетельствуют о неуемном желании вести дело к возрождению «холодной войны».

Можно ли делать ставку при таких слабых картах? Союз США и Китая не имеет ни исторических, ни социальных оснований. В историческом плане Китай на протяжении 20 лет выступал в качестве антиамериканской силы в Азии. В социальном плане он, как говорят его руководители, «остается развивающейся социалистической страной». Какие основания для военного союза с ним у самой развитой капиталистической державы мира?

Эскалация вооружений в Азии

Взвесим военную сторону дела. Как выглядит военный потенциал Китая и что меняют решения США о вооружении Китая?

Вряд ли американская администрация решится пойти на оказание помощи Китаю в области термоядерного и ракетного оружия. Этого не допустят ни союзники США по НАТО, ни Япония, ни общественное мнение в самих США. Стало быть, принятое решение практически не влияет на соотношение термоядерных и ракетных сил между Востоком и Западом.

Но оно может в будущем повлиять на оснащение китайской армии обычными вооружениями. В настоящее время китайская армия насчитывает, по разным оценкам, от 3,6 до 4,4 миллиона человек. Она оснащена примерно 12 тысячами устаревших танков и примерно 5 тысячами самолетов — большинство из них модификации «МИГ-17» и «МИГ-19». Это оружие было предоставлено Китаю Советским Союзом в 50-х годах или сделано самим Китаем по советским образцам.

По оценкам военных экспертов западных стран, военно-морские вооружения Китая состоят из береговых сил обороны, а также примерно ста подводных лодок, в том числе одной атомной. Утверждают, что вторая такая подлодка проходит испытания. КНР имеет примерно 40 крупных надводных кораблей, но только половина из них вооружена ракетами «поверхность — поверхность» и «поверхность — воздух».

Что собой представляют китайская армия, ее военно-техническая оснащенность, стратегия и тактика, показала война Китая против Вьетнама. По признанию весьма доброжелательно относящихся к Пекину западных экспертов Китай вышел из войны «с разбитым носом».

По мнению авторитетных специалистов, чтобы модернизировать свою армию, Китаю необходимо затратить не менее 300 миллиардов долларов.

Начиная с 1977 года Китай ведет переговоры о закупке оружия в Европе. За это время он закупил 80 вертолетов во Франции и 11 вертолетов в ФРГ. В 1975 году Китай приобрел за 80 миллионов фунтов стерлингов поточную линию, а также технологию для производства авиадвигателей «Спей». Эта линия предназначена для производства китайского истребителя. По имеющимся сведениям, двигатель готов, но сверхзвуковой самолет еще не создан, поскольку китайцы не смогли сконструировать корпус. Что касается американских компаний, то они сделали 40 экспортных заявок, из которых до сих пор были выполнены лишь немногие.

Из всех этих фактов можно видеть, что вопреки надеждам Вашингтона перевооружение Китая в обозримой перспективе неспособно создать существенного перелома в глобальном соотношении сил между Востоком и Западом, между США и СССР, между КНР и Советским Союзом. Но вот что несомненно: это перевооружение создаст резкий дисбаланс военных сил на азиатском континенте. Я имею в виду соотношение сил между Китаем, Индией, Пакистаном, Японией, Вьетнамом и другими странами.

Особую опасность перевооружение Китая представляет как главный фактор, стимулирующий гонку термоядерного и обычного вооружения в Азии и за ее пределами. Китай стал первой азиатской державой, которая создала свое термоядерное оружие. Это привело к цепной реакции. Термоядерное оружие создал или завершает его создание Пакистан. Южнокорейский режим имеет все необходимое для создания своей атомной бомбы и готовит ее испытание уже в ближайшем будущем. Недавно в западную печать просочились сведения о том, что Китай оказывает помощь ЮАР в создании атомного оружия.

Новый этап американо-китайского сотрудничества означает резкое изменение баланса военных сил в Азии и усиление китайской угрозы в отношении всех соседних стран. Располагая (по разным оценкам западных экспертов) от 100 до 300 ядерных зарядов, значительно более мощных, чем те, которые разрушили Хиросиму и Нагасаки, имея в своем распоряжении ракеты среднего радиуса действия, Китай имеет возможность одним ударом разрушить всю Японию. Правда, официальный Токио уповает на американский ядерный зонтик. Но в условиях, когда Китай наращивает свои обычные и ядерные вооружения, Япония, если использовать образ покойного Мао Цзэдуна, все больше напоминает одинокого монаха, бредущего под палящим солнцем под дырявым зонтиком. Правящим кругам Японии следовало бы серьезно взвесить последствия перевооружения Китая для национальных интересов страны и оказать необходимое воздействие на своего американского союзника.

Политика «египтизации»?

Что означают последние решения для самого Китая? Они означают, что китайские руководители забили последний гвоздь в гроб, на котором написаны сакраментальные маоистские слова: «Борьба с американским империализмом».

На протяжении 25 лет руководители Китая изображали себя едва ли не «самыми последовательными» борцами против империализма, прежде всего Соединенных Штатов Америки. Под этим предлогом они боролись против разрядки и политики мирного сосуществования, которые отстаивал Советский Союз. Опираясь на этот тезис, они пытались набирать очки в своих отношениях с развивающимися странами и ввести в заблуждение международное революционное движение. Теперь даже у самых отпетых промаоистских элементов не остается никаких иллюзий. Пекинские лидеры сделали свой выбор, и выбор этот однозначен — по крайней мере, на ближайшую перспективу. Они предали интересы народной революции в Китае, предали интересы сотрудничества с социалистическими странами, с национально-освободительным движением, со всеми революционными силами современности.

Это означает, что китайским руководителям придется все глубже прятать в карман свои социализм и все больше выставлять напоказ свой национализм, униженно ждать из-за океана военной и экономической помощи. Это означает, что Китай пренебрегает проблемой Тайваня, которому США уже давно оказывают огромную военную помощь, и фактически соревнуется с ним в борьбе за получение этой помощи.

Но речь идет не только об этом. Посмотрим на этот вопрос с позиций оценки роли Китая как великой державы. Вступив в соглашение с Соединенными Штатами относительно закупки вооружения и создания американской базы, направленной против Советского Союза, Китай, по сути дела, сбывается на путь Египта, который стал послушной марионеткой Белого дома. Китайским руководителям самим предстоит ответить на вопрос: к лицу ли великой державе подвергать себя опасности «египтизации»?

Весь опыт послевоенной истории показывает, что Вашингтон не намерен разбрасывать свою военную помощь направо и налево. Она носит абсолютно целенаправленный характер и адресована сателлитам, которые должны строго выполнять отведенные им политические роли. И эта зависимость от военно-промышленной машины США и от их внешней политики будет становиться тем больше, чем сильнее Китай будет увязать в военном сотрудничестве с этой державой.

Конечно, нетрудно увидеть, что обе стороны — и США, и Китай — рассчитывают обмануть друг друга и заставить партнера служить своим корыстным интересам. США предполагают использовать китайскую карту для давления на Советский Союз и в целом на силы социализма и мира. Китай рассчитывает перевооружиться с помощью США и развязать себе тем самым руки для осуществления угодной ему международной политики. Поэтому очевидно, что наметившийся альянс носит в значительной степени временный и искусственный характер. Антисоветизм — это не почва, а предлог, используемый каждой стороной в борьбе за свои цели: США — для борьбы за панамериканизм, Китаем — для борьбы за своего рода панчаизм, то есть за усиление китайского влияния в Азии, а затем и во всем мире. Очевидно, что этот альянс в перспективе чреват серьезным конфликтом в самих китайско-американских отношениях. Но до того, как произойдет этот конфликт, намечающееся военное сотрудничество двух держав успеет нанести колоссальный ущерб делу безопасности в Азии, делу борьбы за разрядку между Востоком и Западом, нормальному сотрудничеству между СССР, США и Китаем, всему делу сохранения мира на земле.

Какие же следуют из всего этого выводы?

Первый: США и Китай взяли на себя историческую ответственность за существенный поворот в мировой политике. Меняется система союзов, и создается новая ситуация, которая чревата новыми угрозами для всеобщего мира.

Второй вывод: пока такой поворот всей системы международных отношений не стал фактом, необходимы совместные действия заинтересованных стран и движений, чтобы предотвратить опасное развитие событий. Нетрудное дело — разоблачить факт беспрецедентного втягивания в военно-экономическое сотрудничество ведущей империалистической державой так называемой развивающейся социалистической страны. Но этого недостаточно. Подобные филиппики едва ли тронут Рейгана или Ден Сяопина. Дело в том, чтобы противодействовать этой политике. Важно мобилизовать все политические и общественные силы, для которых этот противоестественный союз представляет несомненную угрозу.

В первую очередь речь идет о странах Азии. Вьетнам, Индия, Бирма, Индонезия, Кампучия и другие страны не могут не испытывать беспокойства в связи с новым поворотом американо-китайских отношений. Серьезное беспокойство испытывают прогрессивные общественные и политические силы Японии, поскольку эта политика уже сейчас укрепляет реакционный и милитаристский курс правых сил страны.

Военное сотрудничество США и Китая вызывает беспокойство также и в странах Западной Европы. Трезвомыслящие деятели во Франции, в Федеративной Республике Германии и других странах Европы понимают авантюристический характер американской политики военной помощи Китаю. Наконец и в самих Соединенных Штатах Америки этот курс отнюдь не встречает всеобщего одобрения ни в конгрессе, ни в самом Белом доме. Активная борьба против перевооружения Китая еще может предотвратить развертывание гонки вооружений на азиатском континенте и повернуть дело в сторону укрепления безопасности и сотрудничества с учетом интересов всех стран этого региона.

Джейн Питтман обвиняет

Имя американского прозаика Эрнеста Гейнса — совершенно новое для нашего читателя. Тем интересней, как воспринимается на русском языке удивительная по лирическому складу, страстно проникновенная и художественно пропорциональная проза «Автобиографии мисс Джейн Питтман». Автор предисловия доктор филологических наук Б. Гиленсон совершенно прав, когда ставит Э. Гейнса в один ряд с такими выдающимися мастерами современной литературы США, как Джеймс Болдуин, Лорейн Хансберри, Лангстон Хьюз и другие представители «новой волны» в негритянской прозе.

Не только хронология его книг, лучшие из которых вышли в бурные шестидесятые годы, роднит Гейнса с писателями, которые набрали своим полем битвы борьбу за гражданские права в США. За творческим взлетом, который был в те годы у Гейнса и многих его собратьев по перу, стоят века трагических столетий бесправия, нечеловеческих мук, вынужденного молчания. «Страна наша празднует столетие со дня отмены рабства на сто лет раньше, чем следовало бы это праздновать», — писал Джеймс Болдуин по поводу юбилея Декларации об освобождении.

Нет нужды говорить, что Болдуин выразил чувства миллионов черных американцев, которые формально перестали числиться рабами, но истинной свободы так и не обрели. Об этом и книга Эрнеста Гейнса, написанная от первого лица — от лица черной рабыни, дожившей до наших дней. Портрет Джейн Питтман традиционен так же, как традиционны в лучшем смысле слова негритянские спиричуэлз, устные сказания, как традиционен жанр автобиографии в «черной» беллетристике, начиная с аболиционистской прозы Фредерика Дугласа и кончая страстной публицистикой Анджелы Дэвис. Этот исторически и национально определенный жанр дает богатейшие импровизационные возможности: герой, автор, история страны и личность на фоне истории соединяются в художественном единстве.

Думается, что многим читателям уже знакома эта небольшая книжка. Тем же, кто ее не прочел, предстоит истинно художественное переживание. Поэтому, конечно, излишне пересказывать сюжет повести. Достаточно сказать, что содержание, смысл, или, используя английское выражение, «послание» этой небольшой вещи огромно. Книга Эрнеста Гейнса обращена ко всем, у кого есть мужество взглянуть в лицо правде о правах человека и признать, что это одна из самых больных проблем сегодняшних (а не только вчерашних) Соединенных Штатов.

Анна МАРТЫНОВА

Эрнест Дж. Гейнс. «Автобиография мисс Джейн Питтман». Перевод В. С. Котюмина. Издательство «Прогресс». М. 1980

Кеннет ТОМЛИНСОН

ПАНЕЛЬ ВМЕСТО КОЛЛЕДЖА

В восемнадцать лет Тери Делоач была очень хорошенькой, к тому же она отлично училась в колледже. Однако жизнь ее отнюдь не была похожа на сказку. По ночам, когда ее сестренки Тери спали крепким сном, она работала официанткой в одной из пригородных Окленда, штат Калифорния. Рабочие часы тянулись долго, а условия были отвратительными.

Тери Делоач выросла в одном из самых бедных районов Окленда, и работа официанткой была для нее жизненной необходимостью, она собиралась получить образование. Но уже после окончания первого семестра все эти планы рухнули: хозяин ресторана уволил ее, обвинив в воровстве. Тери знала, что невиновна, и спустя два дня вместе со своей подругой — официанткой, которая могла бы поручиться за нее, отправилась в местное отделение международного профсоюза барменов, служащих гостиниц и ресторанов, чтобы подать жалобу. Она была уверена, что профсоюз поможет восстановить ее доброе имя и устроиться на новую работу...

Выслушав Тери, руководитель местного отделения Рэй Лэйн назначил ей встречу на следующий день в близлежащем ресторане, где они, дескать, смогут спокойно обсудить ее трудоустройство.

Тяжкое испытание началось сразу же после того, как они сели за стойку. «Тебе незачем работать официанткой, — произнес Лэйн тоном, не допускающим возражений. — С таким, как у тебя, можно заработать большие деньги». И он принялся перечислять Тери, какие хорошие условия работы он мог бы предложить ей, начиная проституцией в вашингтонском центре, работой официанткой в полуобнаженном виде на автобусных экскурсиях, кончая участием в съемках порнографических фильмов в Сан-Франциско либо позированием в качестве модели, публично занимающейся самоудовлетворением в одном из баров Лас-Вегаса. Или же просто стать его любовницей и получить место в конторе отделения профсоюза.

От всех этих предложений Тери с ужасом отказалась. Но просто встать и уйти она не отважилась: ведь каждому известно, что комиссия по найму местного профсоюза контролирует все кафе и рестораны Восточного побережья залива, а Рэй Лэйн как-никак руководитель отделения. Лэйн же продолжал настаивать и даже напомнил о своей политической власти и связях с мафией.

Вернувшись домой, Тери дала волю слезам. Но самое худшее было еще впереди.

К концу недели Тери Делоач нашла ночную работу в одном из городских ресторанчиков под названием «Самбо». Формально она обманула комиссию профсоюза по найму, но на самом деле работать в ночную смену было мало охотников, и на эти места часто брали людей прямо с улицы. Тем не менее Тери была обязана ежемесячно платить взносы в профсоюз Лэйна. Лэйн время от времени заходил в ресторан и всегда говорил одно и то же: «Становись проституткой, а то пожалеешь».

Вскоре Тери познакомилась с Керин Зеритис — такой же, как она, официанткой, зарабатывающей деньги на учебу в колледже, — которой тоже приходилось сталкиваться с Лэйном. «Он пытался заставить меня занимаемся проституцией и снимаясь для порнографических изданий, — рассказывала она Тери.

Керин как-то посоветовала на специальные курсы для малообеспеченных профессий. Однажды Лэйн был по делам в районе своей резиденции и с женщиной, которую он хотел держать рядом на публике, он зашел пообедать прямо в кабинету ресторана увидеть Керин.

Керин возмущалась, что Лэйн это так не оставит. Буквально через несколько дней после увольнения она нашла его дома в шикарной квартире международного профсоюза, в котором подвизался его сообщник, а потом в шикарной квартире с местным представителем боссом. Затем она обратилась с формальной жалобой в национальное управление по вопросам трудовых отношений. Представители национального управления объяснили, что могут лишь попытаться восстановить ее на прежней работе, а от руководства международного профсоюза ответ так и не пришел.

Однажды вечером к Керин явился местный бармен с запиской: «У Лэйна хорошие связи с бандитами, и он поговаривает о случайной аварии на дороге». Керин взяла назад свои жалобы.

Теперь Керин Зеритис предложила Тери вместе подать в суд на Лэйна и его профсоюз. И вновь тот же бармен пригрозил Керин смертью. Телефонные звонки с угрозами раздавались в любое время суток. В один момент Керин чуть не решилась на самоубийство. Тери жила в постоянном страхе, ее преследовали кошмары. Она похудела на 25 фунтов.

Через полгода национальный фонд правовой защиты права на труд, изучив иск Тери и Керин, согласился вести дело под свой контроль.

За несколько последующих месяцев выросли целые горы бумаг со следственными данными и отчетами. Выяснилось, что Рэй Лэйн на самом деле является лицом Раймондом Робертом Розенталем, ранее осужденным и отбывшим срок за вооруженное ограбление. Обстоятельства его прихода на пост руководителя местного отделения профсоюза, так же как и многие страницы его жизни, окутаны тайной. Столь же загадочны и его тесные взаимоотношения с руководителями международного профсоюза работников гостиниц и ресторанов, в котором, как считают следователи из министерства юстиции США, «подлостью преобладают люди, имеющие тесные контакты с организованной преступностью либо являющиеся членами преступных синдикатов».

Обвинение в присвоении чужого имущества, рэкете и препятствии отправлению правосудия, предъявленное Лэйну, состояло из тридцати пунктов, однако ему удалось свести все это к одному лишь обвинению — в присвоении имущества. Он был приговорен всего к двум годам лишения свободы, да и то с отсрочкой исполнения приговора, и к штрафу в 5 тысяч долларов.

«Ридерс дайджест» (США)

БУДНИ «СВОБОДНОГО МИРА»

СНОВА САТАНА МЭНСОН...

Недавно на американских телеэкранах появился сатана Мэнсон, убийца-гипнотизер, энергично расправившийся вместе со своими последователями с актрисой Шарон Тейт и ее друзьями. В 1969 году Мэнсон, использовавший ритуальное сексуальное насилие, был приговорен к смертной казни, впоследствии замененной пожизненным заключением.

Том Снайдер, редактор одной из программ телекомпании Эн-би-си, отправился в тюрьму близ Сакраменто, штат Калифорния, где отбывает срок Мэнсон. При посредничестве бывшего заключенного Нолза Эмаса — посредник получил за это кругленькую сумму в 10 000 долларов — Снайдер договорился с Мэнсоном об интервью прямо из тюремной камеры. Американских телезрителей на протяжении всей передачи пичкали шизофреническим бредом преступника. Не поскупились на место американские и английские газеты. Лондонская «Таймс» поместила крупным планом два портрета убийцы — десять лет назад и теперь — и подробно изложила его высказывания, в них не было ни тени раскаяния, а излагалась своя философия — жизнь не стоит и гроша, следовательно, убийство — не преступление.

Впрочем, появление Мэнсона на экранах телевидения — не случайность. Буржуазные средства массовой информации готовы платить любые деньги за интервью, воспоминания, книги преступников. Сенсация прежде всего!

Но есть еще одна сторона вопроса, полная за сенсацией. Это подражание преступникам. На днях в Голливуде, Лиаль, одном из районов Лос-Анджелеса, совершено точно такое же преступление. Неизвестные расправились с пятью женщинами и девушками, собравшимися на вечеринку в честь недавней близости от того места, где Шарон Тейт и четверо ее друзей были в 1969 году зверски убиты Мэнсоном и его бандой. То же число убитых, то же место действия.

А. Б.

Останки итальянского бизнесмена Джузеппе Тальерсио, обнаруженные 5 июля в багажнике одной из автомашин в Вене. В него было выпущено четырнадцать пуль. Терроризм вновь наступает.

Фото из журнала «Пуэнт» (ФРАНЦИЯ)

Пять лет тому назад ядовитое облако, вырвавшееся из прорвавшихся труб химического комбината «Инмеса», опустилось на северо-итальянский город Севесо. В облаке было 200 г вещества ТХДД (тетрахлордибензодиоксин), которое в тысячу раз более ядовито, чем цианистый калий; даже те, кто выжил, нам дети на фото слева, изувечены на всю жизнь. А недавно ТХДД отравил 200 овец, пасшихся неподалеку от запретной зоны.

Фото из журнала «Штерн» (ФРГ)

«НЕ СТАРАЙТЕСЬ СТАТЬ СВЯЩЕННИКОМ...»

В гостях у ГРЭМА ГРИНА

Евг. ЕВТУШЕНКО

Надо было, наверно, прожить долгую, почти восьмидесятилетнюю жизнь, чтобы написать о своей памяти так: «Память — как длинная прерванная ночь. Когда я пишу, я все время словно бы пробуждаюсь ото сна в надежде, что вот-вот схвачу образ, который потянет за собой целый, непрерванный сон. Но фрагменты сна остаются фрагментами, а цельная, случившаяся во сне история ускользает...»

Это написал знаменитый англичанин Грэм Грин в автобиографической книге «Этакая жизнь», вышедшей в 1971 году. В словах писателя — усталая мудрость и печальное осознание невозможности целостного реконструирования прошлого из хрупких разрозненных обломков памяти. Тем не менее Грин после длительного перерыва все-таки попытался сделать это снова и в прошлом году выпустил продолжение своей автобиографии под заглавием «Пути бегства».

Почему книга названа так? Убедительного объяснения у меня нет. В своем нашумевшем романе «Рэгтаймс», смешивающем фактологические приемы Дос Пассоса и фантасмагорию, американский писатель Доктороу вспоминает человека, сделавшего «эскапизм» своей профессией, — фокусника Гудини. Гудини засовывают в банковские сейфы, заковывают в кандалы Синг-Синга, прячут в холодильники, но он отовсюду магическим образом удирает.

Грэма Грина, несмотря на название его автобиографии, эскапистом никак не назовешь. Блистательная язвительная сатира «Нашего человека в Гаване», едкая горечь «Тихого американца», трагическое сострадание «Сути дела», наконец, ужас гаитянской тирании в «Комедиантах» — разве это бегство от действительности? В своем последнем романе «Доктор Фишер из Женевы, или Вечеринка с бомбами», еще, к сожалению, незнакомом советскому читателю, Грин, по его собственному выражению, производит безжалостное «исследование предела жадности» богатых. Моральная опустошенность миллионера, сколотившего себе состояние на зубной пасте и окружившего себя мафией прижимал, описана с беспощадной иронией, перерастающей в гражданственную сатиру. Дочь Фишера находит убийственное определение для этой мафии — «жабы». Доктор Фишер — это, по сути, послегитлеровский гестаповец, с извращенным сладострастием пытающий окружающих своими патологическими забавами.

Грэм Грин отнюдь не гнушается вмешиваться в вопросы текущей политики и в публицистических выступлениях, и в речах, и в маленьких, ядовито вежливых письмах в редакции газет по многим поводам — не исключая его определенного гражданского отношения к кровавым расправам в Сальвадоре. Далеко не со всеми высказываниями Грэма Грина можно согласиться, но в одном его обвинить нельзя — в собственном равнодушии к раздираемому противоречиями, очень еще не совершенному, но все-таки нашему общему миру.

Вот и сейчас, когда, по его любезному согласию дать интервью для «Литературной газеты», я приехал в городок на юге Франции — Антиб, где сейчас живет и работает Грэм Грин, писатель, после традиционного английского вопроса о здоровье моей жены и детей, без каких-либо подталкиваний с моей стороны заговорил о нашествие реакционных западных кругов, молчавших об ужасах [redacted]потовского геноцида, а сейчас [redacted]ополчившихся на новое кампучийское правительство. С загоревшимися глазами рассказывал Грэм Грин о молодой сандинистской Никарагуа, где недавно побывал, о школьниках, поднимающихся в горы, чтобы ликвидировать неграмотность крестьян. На заглавном листе машинописной рукописи, лежавшей на столе писателя, я заметил слово «Сомоса», но спросить Грина, его ли собственная это рукопись или чужая, я постеснялся, а сам он об этом не заговаривал.

Седой, сухощавый, высокого роста, с обсыпанным коричневыми крапинками лицом, с шелушащимся от загара носом, Грин вовсе не выглядел на свои 76 лет. Искорки, светящиеся в его неутомимо любопытных ярко-голубых глазах, отвлекали внимание от морщин у него на лбу и красновато-кирпичной шее. Особая черта Грина — это, пожалуй, его любопытство к собеседнику и, в отличие от многих наших коллег, желание больше услышать, чем сказать. Без этой черты вряд ли удалось бы Грину создать такую галерею собирательных и документальных образов. Еще одна черта: он не любит говорить лишних слов. Говорит просто, только по делу.

Впрочем, так же он и пишет. Грин живет один в крошечной двухкомнатной квартирке с балконом, выходящим к морю. В квартире тоже ничего лишнего. Я заметил только одну картину — кисти его друга, кубинского художника Рене Портокарреро. Грин работает каждый день. Пишет в день, как он сам сказал, не больше трехсот слов. Может показаться, что это мало, но почти каждый год получается новая книга. Не любит давать интервью, но он когда-то сам был журналистом и скрепа сердца иногда мирится с этим как с неизбежным злом.

А у меня случилась авария. Друзья подарили мне японский мини-магнитофон, чудо современной техники, и он никак не хотел включаться. Это, однако, не вызвало у Грина никакого раздражения. Он принял живейшее участие в кропотливом изучении инструкции и в нажимании на разнообразные кнопки, но, несмотря на свою службу в прошлом в военной разведке, оказался, как и я, полным профаном в звукозаписывающем оружии. Словом, все развивалось по «Нашему человеку в Гаване». Была суббота, и единственной открытой мастерской в Антибе оказалась фотомастерская, хозяин которой, дружески поздоровавшись с Грином, начал, несмотря на свое полное невежество, копаться в магнитофоне. Возникли другие вспомогательные персонажи — хозяин мебельного магазина, перемазанный известью маляр, зеленщик из соседней лавки. Маляр оказался самым инстинктивно мудрым — его выручило незнание английского языка, и он, нажав кнопку с надписью «off», обозначающей выключение, заставил ленту в кассете зашевелиться. Мы были потрясены, а потом сообразили, что какой-нибудь японец на конвейере, тоже не знающий английского, перепутал кнопки.

— Лента двигается, — смеясь, проанализировал ситуацию Грин. — Но будет ли магнитофон записывать? Вы, Женя, — это «наш человек в Антибе».

Я боялся поверить в удачу, боялся крутить ленту обратно. Положение было безвыходное. Если записывать от руки, можно уловить главное, но потерять какой-нибудь нюанс. А главное иногда — именно в нюансах. Мы вернулись в квартиру Грина, не останавливая магнитофона. В случае незаписи японский магнитофон грозил мне моим личным Пирл-Харбором, но я начал интервью.

— В книге «Этакая жизнь» вы приводите ваше первое интервью, данное в детстве «Школьной домашней газете». Тогда вам было семь лет, и на вопрос «Ваша любимая цитата?» вы ответили: «Мне бы двух товарищей — и я удержу врага.» Остается ли эта цитата любимой?

Грин недоверчиво глянул сквозь стеклышко магнитофона. Но лента крутилась.

— Это цитата из «Песен древнего Рима» Маколея. Там есть эпизод о воине, который держался в одиночку против множества врагов на берегу Тибра. Эпизод тронул мое мальчишеское воображение. Но это было так давно...

Я продолжал:

— Много лет назад, в бытность оксфордским студентом, вы выпустили свою единственную книгу стихов, которую мне не удалось прочесть.

Грин улыбнулся уголками губ.

— Это было очень плохо. Теперь, правда, книга стала редкостью, и у букинистов стоит около 250 фунтов стерлингов.

— А сколько экземпляров было продано?

— Триста. — Грин помедлил и добавил: — К счастью, это был весь тираж.

— Наш поэт Некрасов когда-то пытался скупить весь тираж своего неудачного сборника «Мечты и звуки». Если бы вам предоставилась возможность, согласились бы вы на переиздание?

— Забавно, что именно сейчас я подготовил избранные стихи для переиздания небольшим тиражом. В книгу войдут серьезные и шутливые стихи, написанные за многие годы.

— А вы могли бы предложить что-нибудь для русского перевода?

Грин задумался, покачал головой.

— Ну, пожалуй, стихотворения три. Одно из них про «русскую рулетку». (Описанная Лермонтовым в повести «Фаталист» игра со смертью, когда к виску прикладывается пистолет. — Е. Е.). Когда я учился в Оксфорде, я играл в русскую рулетку...

— Слава богу, вы живы. Почему, однако, вы оставили поэзию и перешли на прозу?

— Давайте закроем окно. Слишком шумят машины, и я боюсь за вашу запись... — деликатно предложил Грин. — Я бросил поэзию, потому что понял: я плохой поэт и никогда не стану хорошим.

Я вздохнул:

— Если бы все посредственные стихотворцы поступили так в самом начале, то, может быть, было бы больше хороших прозаиков. Есть таков выражение: «Поэзия — это то, чего нельзя высказать прозой». Согласны ли вы с ним?

Грин кивнул:

— Совершенно верное определение. В том моем маленьком сборничке только несколько вещей, которые я на мог бы выразить прозой, и именно поэтому он так плох.

— А какие, на ваш взгляд, у поэзии преимущества перед прозой, и наоборот?

Грин задумался:

— У поэзии большая напряженность. Это как фотография, когда моментальной вспышкой создается очень четкий, ясный образ...

Я процитировал Пастернака: «Сто слепящих фотографий ночью снял на память гром». Грин прокомментировал:

— Поэзия — это фотография невидимого.

— В литературе существует и ретроспективное фотографирование. В ваших двух автобиографических книгах вы сумели сфотографировать даже запахи, связанные с определенными периодами жизни. Таким образом, и проза, даже мемуарная, может обладать свойствами поэзии. Память настойчиво тянет нас к местам, где мы были. Однако эпиграфом к своей автобиографии вы взяли слова Кьеркегора: «Только разбойники и цыгане говорят: человек никогда не должен возвращаться туда, где уже побывал». По-моему, это неточно, даже по отношению к преступникам. Вспомним хотя бы Раскольникова...

Грин пожал плечами:

— Но его возвращение на то место, где он убил старуху, лишь естественно доказывает страх вернуться туда. Когда Раскольников приходит на то же самое место, он страдает от своего возвращения, не так ли? Так что страх, можно сказать, тоже аргумент против возвращения.

— В ваших мемуарах вы написали: «Посмотрите, каким глупым я был в молодости». Но иногда мы можем быть преступно глупыми, а иногда очаровательно глупыми. Вспомним французское выражение: «О, если бы молодость знала, о, если бы старость могла!» Мудрость, разум, опыт — это тоже своего рода мощь. Как вы считаете, в чем ваша сила сейчас по сравнению с юностью?

— Я думаю, в юности у меня была более развитая зрительная память. Зато теперь я развил в себе описательные способности. В юности я был склонен к догматическим представлениям. Теперь я стал более гибок, более склонен к внутренним изменениям.

— Значит, теперь вы стали снисходительнее и терпимее к людям, отличающимся от вас?

В голубых глазах Грина мелькнули лукавые искорки:

— Надеюсь, что да.

Я напомнил:

— Вы однажды процитировали Андре Бретона, написавшего в письме Жану Кокто: «Все мои усилия направлены на то, чтобы победить скуку». Не считаете ли вы, что скука — мать многих преступлений?

Грин неожиданно воскликнул:

— О да! Я думаю, что несколько раз в жизни я был спасен судьбой от того, чтобы стать преступником. К этому меня толкала именно скука, от которой я невыносимо страдал. Но я выбрал другой путь. А если бы я не стал писателем, то, наверно, стал бы преступником. Только для того, — он засмеялся, — чтобы победить всеразъедающую скуку...

Я продолжал:

— Творчество — это всегда преодоление скуки. Не только своей, но и общественной. Вам принадлежит высказывание: «Писательский труд — это своего рода терапия». Может ли литература, как психотерапия, спасать людей от потенциальных преступлений?

Грин не совсем уверенно ответил:

— Я не верю в такую мотивацию писательской профессии. Писатель пишет не для того, чтобы помочь человечеству, а для того, чтобы помочь себе самому.

Я возразил:

— Вы сами опровергаете этот тезис многими своими книгами. Ведь и сам писатель — это часть человечества.

Грин мягко, но твердо настаивал:

— Да, конечно, он часть человечества, но даже если он пишет для человечества, он бессознательно старается помочь самому себе. Не в смысле деления денег, разумеется... Не остановился ли наш магнитофон?

Выражение Грина «наш магнитофон» меня тронуло. Ничто так не сближает, как общая борьба, — даже с магнитофоном.

— Не в смысле деления денег, а в смысле победы над ними... — уточнил Грин, убедившись, что лента потихоньку ползет.

— Может быть, вы боитесь четкой общественной мотивации писательской профессии, потому что боитесь дидактической литературы?

Грин неожиданно переспросил:

— Что это за дидактическая литература?

— Ну, скажем, напоминающая банальные лекции на темы нравственности... Такая литература при всех ее благих намерениях вместо преодоления скуки становится ее усугублением, — пояснил я.

— А, вот вы о чем. Ненавижу высокопарные моральные послания.

— Но само произведение может оказаться прямым посланием, независимо от воли его создателя. Так было со многими вашими книгами, — не сдавался я.

Грин согласился лишь отчасти:

— Да, читатели могут найти в произведении дух послания, но смысл писательства не в этом. Я считаю себя не создателем посланий, а просто рассказчиком. Есть и другие типы прозы — французский антироман, романы Вирджинии Вулф и прочая субъективная проза. Но я по природе — повествователь...

Я упорствовал:

— Мне кажется, вы несколько искусственно хотите себя изобразить неким объективизатором описываемых событий. Но вот возьмем вашу полную гражданской боли книгу «Комедианты». Я бы не назвал этот роман просто повествованием. В ней слышится крик души — и вашей собственной, и тех, кто вынужден молчать под пятой диктатуры Дювалье ибо цена крика — жизнь. Эта книга могла вам дорого обойтись. Вас не пытались убить посланцы папы Дока?

Глаза Грина как будто перенеслись на далекие берега Гаити. Лукавые искорки сменились в глазах отблесками костров, сжигающих книги.

— Нет, не пытались. Но, скажу по правде, я очень нервничал, пока был там, пряча замысел своей книги. Я ведь там бывал и раньше — это не была для меня новая страна. Но атмосфера в 1963 году была страшной. Я еле-еле получил разрешение, чтобы выехать из Порт-о-Пренса на юг. Очень волновался, потому что убить меня было довольно просто.

— А сам папа Док читал вашу книгу?

— О да! Он на меня обрушился в одной из своих речей. По его указанию распространили брошюру про меня, где я был описан как наркоман, негрофоб, человек, позорящий благородную Англию, и даже как «палач». Особенно забавно было именно последнее определение. Эта брошюра показалась мне одной из самых увлекательных книг, какие я читал, и я очень был горд ею как наградой.

Я гнул свою линию:

— Значит, эта книга была все-таки своего рода посланием?

Грин, оценив мою настойчивость, улыбнулся и развел руками:

— Да, вы правы, в каком-то смысле она была посланием. Думаю, что иногда в моих книгах есть и прямые атаки. Атака — это тоже форма послания...

Я не упустил возможности зафиксировать мою маленькую победу:

— От выражения ненависти к «посланиям» вы пришли к признанию того, что иногда прибегаете к ним, и отнюдь не бессознательно. Достоевский говорил, что все виноваты во всем. Когда вы видели страдания народа Гаити, или в пылающем Вьетнаме, или в какой-нибудь африканской колонии, чувствовали ли вы себя обозревателем страданий, в которых вы лично не виноваты, или вас преследовало чувство собственной вины?

В своем ответе Грин был четок:

— Я бы чувствовал себя лично виноватым в каждом случае, если бы не выражал своего протеста против несправедливости. В этом смысле я признаю необходимость «посланий».

Я напомнил:

— В тридцать третьем, в год прихода Гитлера к власти, вы написали эссе о Хансе Кристиане Андерсене. Помните, как девочка Герда мужественно сражается за сердце своего брата, оледеневшее от дыхания Снежной Королевы...

Грин засмеялся:

— Я совсем позабыл эту мою статью. И сказку почти тоже. Хотя нет... Припоминаю...

— Фашизм — это своего рода оледенение сердец. Чувствовали ли вы тогда, в тридцать третьем, опасность мировой войны, которую может принести фашизм?

Грин посерьезнел:

— Да, я чувствовал такую опасность с тридцать третьего по тридцать девятый. Чувствовалось, что будет война. Мы все жили под ее тенью. Эта тень ощущалась тогда гораздо больше, чем сегодня. Сейчас есть ядерная угроза. Она страшна для нового поколения, которое, возможно, будет ощущать эту угрозу в течение всей жизни. Но я лично не чувствую себя под такой же абсолютно неизбежной тенью, как между тридцать третьим и тридцать девятым.

— Считаете ли вы, что новой мировой войны можно избежать?

— Да, я еще продолжаю верить в то, что ее можно избежать. А в тридцать третьем у меня такой веры не было.

Я задал вопрос, на который нелегко ответить:

— Что, на ваш взгляд, является причиной мировых войн?

Грин отвечал медленно, как бы находя ответ ощупью:

— Перед началом второй мировой войны был сумасшедший, который каким-то образом овладел воображением многих людей. Безумие передавалось от одного к другому, как истерия. Вы не наблюдали никогда, как чья-то истерия начинает вас всасывать в свой вихрь? Так Гитлер, этот сумасшедший, втягивал людей в вихрь своей истерии. Но сегодня, к счастью, у нас нет ничего подобного.

Я не совсем согласился:

— Но втягивание народов в войну — хотя бы «холодную» — все-таки существует. Ныне «холодная война», как Снежная Королева, — она тоже поневоле ведет к оледенению сердец. Что мы, люди, принадлежащие к разным системам, в силах предпринять для того, чтобы уничтожить «холодную войну», за которой может последовать третья и, вероятно, последняя мировая война?

Грин не был настроен пессимистически:

— Я считаю, что в данное время опасность существует, но она все-таки не выходит за разумные пределы.

Но что такое разумные пределы опасности? Реальная ядерная угроза, нависшая над человечеством, эскалация гонки вооружений — о какой разумности всего этого можно вести речь? Мне кажется, что в данном случае Грин попытался выдать желаемое за сущее.

— А чем мы, писатели мира, могли бы помочь взаимопониманию народов? Или мы ошибаемся и слишком преувеличиваем свою роль в предотвращении войн?

— Сказать, что мы всесильны, действительно значило бы преувеличить свою роль. Я не верю, что литература имеет большое влияние на политику, — сказал Грин.

— Почему? — вырвалось у меня. Внутренне я никогда не был согласен с такой позицией. Конечно, литература и политика — разные профессии. Но разве не благодаря воспитанию литературой выдвигаются многие прогрессивные политические идеи? Разве русская литература девятнадцатого века не помогла отмене крепостного права? Однако навязывать свои взгляды Грину — человеку другой среды, другого воспитания — я не мог: все-таки это он давал мне интервью, а не я ему.

— Мы не педагоги, у нас нет опыта политической власти — пожал плечами Грин. — Наша работа — писать о любом случае несправедливости, когда мы в состоянии хоть чем-то помочь. Я не думал, что мы должны выдвигать себя, по выражению Шелли, в «непризнанные законодатели мира» или что-то в этом роде...

— Мне кажется, что великие писатели, независимо от того, выдвигали они себя на эту должность или нет, все-таки становятся нравственными законодателями, — ответил я. — Хотя среди писателей, к сожалению, есть и законодатели безнравственности... Вы когда-то с презрением процитировали слова детективного романиста Эдгара Уоллеса «Я ненавижу британского рабочего. У меня нет никакой симпатии к нему. Жив он или умер, голодает или страдает от жажды — это не представляет для меня никакого интереса». Как мог человек, называющий себя писателем, быть таким бессердечным, таким высокомерным к трудящимся людям?

Грин брезгливо поморщился при уоллесовской цитате:

— Он был очень посредственный писатель. Я бы даже сказал, писатель низкого качества. Он написал единственный хороший роман «Четверо справедливых».

— К сожалению, такие уоллесы существуют. Вы точно когда-то определили их: «Вместо настоящих художников в литературе у нас еще есть явления, словно бы вышедшие из-под пера Бальзака, — живые книжные фабрики». Есть, например, целая промышленность порнографии.

Грин усилил мою реплику:

— Существует порнография не только сексуальная, но и порнография насилия, которую мы часто видим в кино, по телевидению. Сексуальная порнография по сравнению с этой даже безобидна. Порнография насилия страшно развращает: люди, которые видят на экранах порнографию насилия вперемежку с кровавыми событиями в Сальвадоре или Северной Ирландии, приобретают опасную привычку к созерцанию убийств.

Я переменил тему:

— Существует литературная мегаломания, попытка создания сверхчеловека. Вспомним хотя бы Ницше или гиперболизированные страсти по Габриэлю Д'Аннунцио. Противоположное направление — это защита так называемого «маленького человека» — например, Чехов. Можно ли называть одних людей великими, а других — маленькими?

По ответу Грина было ясно, что он и раньше много думал об этом.

— В слове «маленький» по отношению к человеку есть нечто унизительно опекунское. Надо защищать людей, которые не могут защитить сами себя. Но называть людей «маленькими» очень опасно. Неожиданно они могут оказаться весьма способными.

Я вспомнил маляра, догадавшегося нажать ту кнопку магнитофона, которую не догадался нажать знаменитый писатель, и невольно улыбнулся.

— Но, помимо так называемых «маленьких» и «великих», — продолжал я, — существуют посредственности. Представляют ли они, на ваш взгляд, опасность?

Грин ответил спокойно:

— Я не думаю, что посредственности могут причинить столько вреда, как фальшивые великие. К сожалению, Гитлер включается некоторыми историками в число великих из-за тех великих трагедий, которые он натворил. Он далеко не был так огромен — просто в руках у него была сосредоточена огромная власть. Даже Черчилль совершил некоторые весьма неприятные поступки с позиций той власти, которой располагал.

— Значит, вы согласны с выражением «абсолютная власть развращает абсолютно»?

— Согласен. — кивнул Грин.

— Но слава — это тоже своего рода власть. Называли ли вы себя когда-нибудь гением? Хотя бы в ранней молодости?

Грин не поддался на «провокацию»:

— Я маленький человек в сравнении с гигантами. Маленький рядом с Достоевским, Чеховым, Диккенсом, Бальзаком. Очень маленький. У меня гораздо более острое ощущение моих неудач с так называемой «высоты успеха».

Я спросил:

— Опасно ли для писателя ощущение собственного величия, даже если оно не мнимое?

Грин был последователен:

— Думаю, да. Для Д. Лоуренса было гибельно то, что он все время думал о своей гениальности. Он был испорчен сознанием своего величия. Он был бы гораздо лучшим писателем, если бы не ощущал на своей голове диадему...

— Наверно, то же можно сказать о Скотте Фицджеральде?

— Да, наверно. На самом деле он написал только один прекрасный роман...

— А каких писателей вы предпочитаете? Мастеров отточенной фразы или тех, кто ворочает большие глыбы?

Грин ответил без промедления:

— Мой идеал — Чехов. Он умел и то, и другое.

— Каково, на ваш взгляд, сейчас положение в английской литературе?

Грин на сей раз долго раздумывал:

— У нас есть несколько хороших писателей. Не думаю, чтобы в любом поколении их существовало больше, чем несколько. Я уважаю Энтони Паусэлла, хотя он, как выражаемся мы, англичане, не моя чашка чая. Нравится мне Брайан Мор — ирландский писатель, живущий теперь в США. Очень трудно говорить о живых, когда невольно думаешь о тех, кто еще только вчера был жив. Я очень высоко ценил Ивлина Во.

— А английские поэты?

— Многим не нравится книга Теда Хьюза «Вороны». А вот мне понравилась. Люблю Филипа Ларкина. Но никто еще не заменил ушедших Одена и Элиота.

— Почему английские читатели так мало покупают поэтические книги?

Грин вздохнул:

— Видимо, потому, что они не считают поэзию частью своей жизни.

— А кто виноват в нечитаемости английской поэзии — сами поэты или читатели?

Грин помедлил:

— Думаю, что и те, и другие. Видимо, это связано с системой образования... Я пришел в поэзию, потому что я из читающей семьи. В нашем доме было очень много книг. Мой отец любил Броунинга, и я перенял от него эту страсть. Она была началом моей любви к поэзии. Впрочем, некоторые люди не хотят читать даже прозу. Я думаю, что во многом тут виновато телевидение. Оно отучает от самостоятельного чтения...

— Довольны ли вы экранизациями ваших книг?

— Те сценарии, которые писал я сам, были все-таки лучше чужих сценариев по моим книгам. «Брайтонский леденец» был сильно искорежен английской цензурой. «Комедианты», «Павший идол», «Наш человек в Гаване» получились на экране сносно. А вот «Тихий американец» по чужому сценарию — ужасный фильм. Они изменили буквально все. Англичанин превратился в одураченного коммунистами. Американец стал героем. Совершенно бесчестная версия...

— Какие писатели мира интересуют вас сегодня больше всего?

— Латиноамериканские. Недавно умерший кубинец Алехо Карпентьер, Борхес, Маркес, Кортасар...

Пленка подходила к концу. Я боялся перевернуть ее на другую сторону, ибо ждал всяких неприятностей от нового соприкосновения с японским чудом.

— Я замучил вас своими вопросами, — сказал я Грину. — Последний вопрос, а вернее — просьба. Закончим интервью вашим «посланием» начинающим писателям. Я думаю, им был бы важен ваш совет...

Грин пытался вежливо уклониться:

— Я же вам говорил, что не люблю «посланий»... Кроме того, не чувствую себя вправе давать советы молодым русским писателям, потому что недостаточно знаю условия их жизни.

— А начинающим писателям вообще?

Грин понял, что моя просьба неумолима, и сосредоточился. Вот что сказал он в заключение нашей беседы:

Писатель должен обладать огромным терпением. Писатель должен ясно осознавать, что его профессия будет причинять ему боль, а иногда швырять его в одиночество. Это та профессия, когда человек изо всех сил старается, одновременно сознавая, что ему мало что удается. Одно из самых болезненных ощущений — когда перестаешь быть молодым писателем и чувствуешь тяжесть возраста. Очень опасно начать копировать самого себя, как это случилось с Хемингуэем. Копирование его разрушило. Еще одно болезненное состояние — когда не пишется. Я очень любил венгерского писателя-коммуниста Тибора Дери. Мы познакомились когда-то на одной вечеринке и сразу понравились друг другу, заговорив о том состоянии, когда не пишется. Я спросил его: «Страдаете ли вы в такие минуты?» Он ответил: «Еще как! Мне не пишется уже десять дней». Я засмеялся: «Боже мой, мне не пишется уже полгода». Он мне тогда посоветовал: «Садитесь в утреннее время за стол, берите ручку и белый лист бумаги, выпейте большой стакан виски и начинайте писать все, что придет в голову...» Конечно, это шутка. Не начинайте писать, если можете не писать. Не старайтесь быть писателем. То же самое я сказал бы человеку, который во что бы то ни стало хочет быть священником: «Не старайтесь стать священником, если можете им не стать». Не пишите без чувства необходимости. Но если оно возникло и не уходит, надо четко понять, что впереди очень трудная жизнь. Может быть, профессия писателя сделает вашу жизнь более комфортабельной, но никакой внешний комфорт не сможет смягчить тяжесть ваших страданий от внутренних неудач... Ну вот, кажется, и все. Да и пленка, кстати, кончилась.

— Назовем интервью так: «Не старайтесь стать священником», — предложил я.

Грин засмеялся.

— Подумают, что это антирелигиозная статья. Впрочем, давайте. А не попадет ли сам от редакции, если интервью не записалось?..

Интервью, к счастью, записалось. В самолете я со страхом нажал кнопку воспроизведения и услышал свой чудовищный английский вперемежку с грузинским оксфордским произношением. Но с кассетой продолжали происходить чудеса. При расшифровке текста в связи со слабостью звука, зашумленного машинами, была допущена невероятная путаница. Понадеявшись на то, что японский магнитофон наконец-то смирился, я взял его с собой на Кавказ и скрупулезно вместе с женой расшифровывал по слову дня три. Наконец, магнитофон сыграл новую шутку — исчез звук. Я был вне себя от страха, что запись стерлась, ринулся в соседний дом отдыха, откуда раздавались оглушительные звуки записей из репродукторов, установленных на пляже над облупленными носами отдыхающих. Да, магнитофон здесь был, но, к сожалению, он стоял прямо на кухне, рядом с раскаленной плитой, пахнущей шашлыками. Духота была невыносимой, шипение сковородочных шашлыков заглушало голос Грина, и без того еле слышный за ревом антибских автомобилей. Кроме того появившийся некстати завдиректора выставил меня из кухни как антисанитарное явление.

Я чуть не плакал от отчаяния, пока не нашелся один местный грузин, владелец «Жигулей» с кассетным советским магнитофоном. Я вставил туда японскую кассету и — о, чудо! — из нее раздался отчетливый голос Грина. Гордый за отечественную технику, я дорасшифровывал интервью в машине, стоящей на пустынном пляже, в то время как грузин и его друзья мирно распивали бутылку «Цинандали» на прибрежной гальке, озаренной величаво опускающимся в море солнцем. Грузин — жестянщик по профессии — подошел ко мне.

— Это кто? — спросил он, услышав голос Грина.

— Грэм Грин, английский писатель.

— А кто другой?

— Это я...

— А ты знаком с ним?

— Как видишь.

— Я читал его «Наш человек в Гаване». Хорошо пишет... Сколько ему лет?

— Семьдесят шесть.

— Скажи ему, пусть приезжает в Грузию. У нас он проживет до ста пятидесяти.

У Грэма Грина много читателей в Советском Союзе. Один из них — этот грузин-жестянщик.

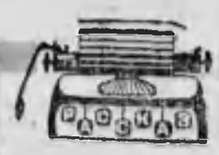
Я присоединяюсь к его приглашению.

СИМПОЗИУМ В ГЕТТИНГЕНЕ

Город Геттинген издавна связан с русской культурой. Достаточно вспомнить, что еще пушкинский Владимир Ленский вернулся из университета этого города «с душою прямо геттингенской».

Давние традиции способствовали успешному проведению первого советско-западногерманского симпозиума литературоведов на тему «Принципы написания истории национальных литератур». Советскую делегацию на симпозиуме возглавлял заместитель директора Института мировой литературы имени А. М. Горького, член-корреспондент АН СССР В. Щербина. В делегацию входили также Ю. Виппер, А. Демин, Г. Ломидзе, С. Ромашовский, П. Топер, И. Фраднин.

Советскими учеными накоплен большой опыт работы над историями национальных литератур, а в настоящее время близится к завершению подготовка многотомной «Истории всемирной литературы». Этот опыт был положен в основу докладов, прочитанных на симпозиуме. Состоялся конструктивный обмен мнениями, в котором приняли участие профессора Р. Лаузр, Х. Тури и другие западногерманские исследователи, а также приглашенные устроителями З. Константинович (Югославия) и М. Верли (Швейцария). Участники симпозиума отметили его большое значение для развития советско-западногерманских научных и культурных контактов.



Анатолий РУБИНОВ

БЕСПОЛЕЗНЫЙ ПАПА

Молоденькая учительница Мария Ивановна была очень лукавой.

Под видом пустого разговора Мария Ивановна решила провести полезный урок трудового воспитания: пусть ребятишки по очереди расскажут о профессиях своих родителей, и она своим легким комментарием убедительно докажет, что любая работа хороша.

Начала, естественно, с первой парты, за которой сидела гордость класса, старательная Оленька Киселева. Понятливая Оленька собрала губки, выдвинула их вперед и голосом звонким и чистым стала обстоятельно рассказывать на весь класс правильными фразами:

— Моя мама маляр. Это очень интересная профессия. Весной моя мама красила скамейки на пляже в Серебряном бору. Добавила синьки в белила, и старые, облупленные скамейки стали выглядеть, как полированные. Они такие красивые и такие гладкие, что на них приятно смотреть и приятно сидеть. Можно сидеть в одном купальнике — ни одной занозы.

Мария Ивановна, поощряя отличницу, дирижировала ее речь головой. Речь девочки от этого становилась ритмичной. Учительница хотела было уже предоставить слово ее соседу Кирюше Кузнецову, но поощренная дирижированием Оленька Киселева вдруг добавила, такими же обстоятельными, ритмичными фразами:

— Мама принесла синьку домой. Когда мама стирает белье, я помогаю ей и этой синькой мы подсиниваем белье. Оно получается очень белым. Мама говорит, что синьки нам теперь хватит до конца жизни. Мы даже соседям даем, когда в магазине синьки нет.

Мария Ивановна немного растерялась от неожиданного продолжения, но, чтобы не сграмить отличницу, огорчения не показала. Предложила Кирюше Кузнецову продолжать и в такт его речи задвигала вниз-вверх головой на музыкальный счет две четверти:

— А мой папа мастер, — на ту же мелодию и так же гладко и звонко исполнял свое сообщение Кирюша. — Это очень интересная профессия. Папа работает в мастерской, где чинят радиоприемники. Он может починить любой приемник, любой телевизор и даже магнитофон. Даже заграничный. Папа приносит домой с работы разные диоды и триоды. Они называются транзисторы. Это значит радиолампы без стекла, но они еще лучше и меньше. Без них нельзя слушать даже радиостанцию «Маяк». Недавно мы с папой разложили транзисторы в жестяные банки из-под круп, в каждой банке — одинаковые. И теперь папа починяет приемники всем соседям. К нам приходят даже с чужих улиц. А берет за свою работу папа по-божески. Побожески — это значит берет денег меньше, чем в мастерской.

Испуганная Мария Ивановна не могла уже помешать дальнейшему ритмичному звучанию: музыка звучала без ее дирижирования — вариации на заразительную тему. Урок трудового воспитания так понравился ребятам, что в руководстве им со стороны учительницы уже не было никакой нужды. Воспламенившиеся первоклассники галдели, поднимали руки, поднимались сами, упрашивали, чтобы слово дали им. Но уже пр ученные Марией Ивановной к школьному порядку, проявляли такт и терпение по отношению к тому, кому посчастливилось получить слово для заявления. Мария Ивановна давно уже отказалась от намерения опросить весь класс, парта за партой. Она поглядела в конце журнала, где сообщались сведения о родителях, и произвольно, несправедливо лишила законного выступления сначала Леночку Сиволапову, мама которой имела неясное отношение к овощной базе, потом Егора Белякова, отец которого командовал заводским снабжением, потом и других очередников на речь, которые, очевидно, тоже угрожали течению урока трудового воспитания. Чувствуя, что погибает, Мария Ивановна игнорировала лес нетерпеливых ладошек и назвала имя Милочки Сачко, которая не могла и рассчитывать на трибуну, поскольку сидела на задней парте.

— Моя мама машинистка, — выразительно сообщила Милочка и сделала глаза квестливо открытыми. В голосе ее слышалось ликование от удачи, которая выпала на ее долю. — Это очень интересная профессия. Моя мама печатает быстрее всех и красивее. Особенно хорошо получается у нее на верже. Так называется лучшая на свете бумага. Она очень белая и гладкая. Но на работе мама на ней не печатает — только для начальника, и приносит ее домой. И еще приносит копирку, ленту, ластики. Я дарю ластики всем девочкам. Мама часто берет бюллетень и печатает дома на верже диссертации. Это самодельные книги, которые нужны только тем, кто их писал и перепечатывал.

Бедная Мария Ивановна давно уже перестала слушать Милочку. Стараясь завершить вариации мажорным аккордом, учительница не смотрела на свой распустившийся класс и, нахмурясь, спешно продолжала углубленно изучать оказавшийся столь сомнительным перечень прекрасных профессий. Она безоговорочно оскорбительно отвергала те из них, которые могли оказаться подозрительными.

Наконец тяжесть от сердца отлегла. Когда Мария Ивановна нашла то, что искала, и по размышлении пришла к выводу, что в найденном подвоха нет и быть не могло, она посветлела ликом, подняла к ребятам снова улыбающееся, лукавое лицо. И предвидя радостный, оптимистичный аккорд, вызвала Шурика Великанова. Этим она его, однако, не обрадовала. Уже дисциплинированные, ребята опустили на время руки, расселись по местам, надеясь, что еще не конец урока.

Шурик встал сумрачный, не глядя любимой учительнице в глаза, ответил по-заведенному, но голосом слабым:

— Мой папа шахтер. У него очень интересная работа...

На секунду он умолк, вздохнул глубоко и продолжил голосом, в котором была обида и безнадежность:

— Но он ничего домой не приносит.

От минорного аккорда в классе стало совсем тихо: все поняли, что Шурик сейчас заплачет. И чтобы этого не произошло, добрая Милочка Сачко, презрев дисциплину, самовольно поднялась, пробежалась по классу и положила на парту Шурику стертый только с одного угла, почти совсем еще квадратный ластик. Отличница Оленька Киселева тоже очень хотела поступить красиво, но она никогда не носила с собой в школу синьку.

Павел ХМАРА

Страдания

«Быть нелюбимым!
Боже мой!
Какое счастье быть
несчастным!»
«Раз десять
на день умирать...»
«Какое счастье —
ждать письма
По месяцам —
и не дождаться».
«Прощай, любовь,
была ты мукой».
«А формула жизни
добыта во сне, и она
Ужасна, ужасна,
ужасна, прекрасна,
ужасна».
«Я, кажется,
предпочитаю тьму...»
(А. КУШНЕР)

Я за страданьем
в мир пришел.
За ним
приходит в жизнь
несчастье.
Но, боже мой,
как хорошо,
Какое счастье
быть несчастным!
Знать, что тебя
обманет друг,
Предаст и выбросит
на свалку!
Попасть
под электричку
вдруг,
Чтоб угодить
в реанимацию!
Квартиру ждать
который год!
Мечтать, надеяться,
терзаться!
А только подойдет
черед —
От горя млея,
отказаться!

Безумно милую
любя, —
С ней насмерть
разругаться снова,
Чтобы толкнуть ее,
скорбя,
Скорей
в объятье другого!
Потом себя
изобличить,
Просить прощенья
что есть духу,
И в результате
получить
За все за это
оплеуху!..
Пойми мою,
читатель,
роль:
Читать стихи мои —
не надо!
Ты этим
причинишь мне боль,
А боль для Кушнера —
награда!

Мик. КАЗОВСКИЙ

АВАРИЯ

(Заявка на киносценарий)

Предлагаю вниманию киностудий творческую заявку на создание художественной кинокартины под условным названием «Авария». Безусловно, ее целиком и полностью можно отнести к серии «фильмы катастроф». Однако если некоторые пресловутые фильмы подобного рода раскрывают человека с низменной, деградирующей стороны и где-то даже кое-что обнажают, то в моей ленте трагические обстоятельства, в которых оказываются главные герои, служат лишь поводом для проявления их благородства, мужества, честности и бескорыстия.

Действие происходит в лифте. Совершенно случайно сюда попадают шесть человек (согласно грузоподъемности). Шесть рядовых граждан. Это железнодорожник Буров — уже немолодой, но все еще очень и очень, одинокая учительница Маргарита Сергеевна, молодожены Люся и Вася (она медсестра и учится заочно, а он спортсмен, поэтому заочно не только учится, но и работает), а также выпускник сантехнического ПТУ Шпунтиков и швея-мотористка Зойка, в любую минуту готовая стать матерью. Все они садятся в кабину и едут — каждый по своим неотложным делам.

И вдруг происходит авария. Замыкаются два оголившихся провода. Лифт застревает. Проводка вспыхивает. Начинается пожар.

Конечно, иные герои тут же поддались бы панике. Они стали бы сводить личные счеты и перегрызли бы друг друге, как пауки в банке. Но мои герои не таковы. Стискивает могучие коренные зубы Буров. Сильнее прижимает к плоской груди тетрадки с сочинениями Маргарита Сергеевна. Обнимаются Люся и Вася, закрывает глаза Шпунтиков, прикусывает губу Зойка. Но тут же они застеснялись взять себя в руки. Шпунтиков при помощи разводного ключа выламывает одну дверцу и, высунувшись из лифта, пытается зубами оторвать от стены горящую проводку. Это ему не удается. Медсестре Люся делает обгоревшему Шпунтикову экстренное переливание крови, причем донором служит ее молодой супруг Вася.

— Моя очередь! — жестко говорит Буров.

— Берегите себя, — смотрит на него влюбленными глазами Маргарита Сергеевна.

— Как получится, — отвечает железнодорожник и вступает в бой со стихией. Выбравшись на крышу кабины, он принимается сбивать огонь собственным кителем. Когда китель полностью обгорел, Буров тушит пламя сначала снятыми брюками, а затем рубашкой, галстуком и левым ботинком. При этом шнурком от ботинка он случайно повреждает водопроводную трубу, проходящую тут же. Водный поток, прорвавшись наружу, быстро гасит огонь. Но и смывает Бурова с крыши кабины. Медсестра Люся делает железнодорожнику экстренную трепанацию, причем кровь ему снова отдает спортсмен Вася.

В лифте начинается наводнение. Вода поднимается все выше и выше. Из последних сил, высоко поднимая над головой тетрадки с сочинениями, чтобы они не промокли, учительница Маргарита Сергеевна доплывает до щитка управления лифтом и соединяется по громкой связи с лифтером - диспетчером. Захлебываясь все прибывающей водой, она сообщает ему об аварии. Диспетчер молниеносно вызывает спасательную команду. Через несколько минут узники лифта оказываются на свободе.

Вот выходят они на лестничную площадку — измученные, но не побежденные. Весело подмигивает Шпунтиков. Устало улыбается Буров, выноса на руках Маргариту Сергеевну с уцелевшими сочинениями. Швея-мотористка Зойка счастливо покачивает своего первенца. Люся выводит из лифта побледневшего, но по-прежнему бодрого Васю — он отдал остатки крови роженице. «Что ж вы сразу со мной не связались? — спрашивает всех диспетчер. — Мы бы вам в момент подсобили!» Но герои фильма не отвечают, и мы знаем, что на их месте так поступил бы каждый.

Б. ВИКТОРОВ

В ГОСТИ

— Алле! Алле! Сеня, это ты? Привет, Сеня! Это я, Федя. С праздничком тебя, Сеня! Успехов тебе в повседневной жизни. Успехов, говорю. И Нюне тоже. Что, плохо слышно? Я из-за города звоню. Из нашего пансионата. Тут хорошо у нас. Просто благодать.

Сень, а Сень! Вы чего там делаете с Нюней, а? Ничего особенного? Ну тогда приезжайте к нам. Пообщаемся. По лесу побродим. Подышаем кислороду. А? Ну приезжайте! Не знаете, как проехать? Проще простого.

Значит, так, Сеня, лучше всего добираться к нам сто семнадцатым автобусом. Ты меня понял, Сеня? Запомни. Сто семнадцатым. Он через каждые полчаса ходит. На сто семнадцатом ты, значит, едешь до конечной остановки. Затем ты выходишь из автобуса и сразу же идешь в обратную сторону. Ты меня понял, Сеня? В обратную сторону. Все пассажиры пойдут туда, а ты как будто бы не туда, но на самом деле туда. Здесь ты, Сеня, минут через пять увидишь кирпичную трубу. Нет, Сеня, на трубу тебе идти не надо. Зачем тебе эта труба? Как раз наоборот, Сеня. Ты поворачивай от этой самой трубы и беги в другую сторону. Беги и оглядывайся, беги и оглядывайся, пока от тебя не скроется труба. Здесь, Сеня, за поворотом ты снова увидишь трубу. Нет, Сеня, не ту трубу, от которой ты бежал, а ту трубу, к которой тебе нужно идти. Это совсем другая труба. Она такая высокая и круглая. Ты ее сразу же заметишь. За трубой, Сеня, будет такое большое-большое оригинальное здание из сборного железобетона. Нет, Сеня, это еще не пансионат. Это котельная, Сеня. Зачем тебе идти туда, Сеня? Ты бери левее котельной. Здесь ты увидишь угловой дом. Какой, какой! Обыкновенный типовой угловой дом. В этом доме, кстати, проживает мой сослуживец Пантюхин. Он недавно в спортлото три рубля выиграл. У него еще двухкомнатная квартира. Тридцать четыре квадратных метра. Полы паркетные. Лаком покрыл. Ты меня слушаешь, Сеня? Да, чуть было не позабыл. У этого Пантюхина еще кенарь есть. Между прочим, пост, паршивец, потрясающе. Тюх-тюх, фьють! Тюх-тюх, фьють! А потом — фюти-фюти-фюти! При чем здесь кенарь и Пантюхин? А вот при чем, Сеня. Дело в том, что против пантюхинского дома, если стать к нему перпендикулярно, ты метрах в пятидесяти увидишь бочку с квасом. Усек? Бочку с квасом. Нет, кваса в ней нет. Ты что, пить уже захотел? Зачем тогда бочка? А вот зачем. Против этой бочки, если внимательно присмотреться, ты заметишь ярко-желтую стеклянную будочку с красной крышей. Это и есть то, что тебе нужно. Пансионат? Да нет, Сеня, еще не пансионат. Это телефон-автомат. Позвонишь тотчас же мне. Кстати, не забудь захватить с собой побольше двушек. Если тебе удастся дозвониться ко мне, я тебе потом расскажу, как добираться дальше... Тут уже совсем недалеко осталось... Алле! Алле! Сеня! Вот чудак. Повесил трубку. Недослушал до конца. А потом, если вдруг не найдет нас, будет еще обижаться, что я плохо объяснил ему дорогу.

ЧУДАКИ

И. ЛАТЫПОВ (ФЕРГАНА)

С. ВЕРЕТЕННИКОВ

В. МИЛИЧЕНКО (ОРСК)

Владимир ШЛЕНСКИЙ

Из фольклора

Заурядное дело
случилось у нас.
Ворон ворону
выклевал правый глаз.
Пес с волками
по-волчьи решил
не выть.
За иголкой
не стала тянуться
нить.
Подливать перестали
масло в огонь.
И испортил борозду
старый конь.
Тут же обух свой
перебила плеть.
И рукам надоело
друг друга греть.
Шило спрятали
в рваный-прерваный
мешок.
А сверчок позабыл,
где его шесток.
Выше лба стали уши
у всех расти.
И телята
подласкав своих
пасти.
От козла получили
стакан молока.
И закон был написан
для дурака.
Кто-то впрыски воду
всю исписал.
И голодному сытый
товарищем стал.
Псы цепные до слез
полюбили котов.
А чем дальше в лес —
стало меньше дров.
И уроде лишилась
большая семья.
Бесы стали досыта
кормить соловья.
Птица вольная
полюшку
клеть предпочла.
Но дела остались,
как сажа, бела...

СТЕНГАЗЕТА КЛУБА

РОГА И КОПЫТА

● **ЧИТАТЕЛЬ И КНИГА**

Как много замечательных книг написано писателями, читая которые ты забываешь, где находишься! Только такие книги любит читать копировальщица КБ Лариса Козлова в служебное время.

● **ТАК РОЖДАЮТСЯ ТРАДИЦИИ**

Молодожены Тамара и Кирилл Потаповы решили провести свой медовый месяц там, где они родились: невеста поедет в Якутск, жених — в Мисхор.

● **ОБЪЯВЛЕНИЕ**

Молодой холостой мужчина срочно снимет угол в сердце женщины!!!

● *Взятые взаймы деньги приносят тяжелые мысли, взятые взаймы мысли приносят легкие деньги.*

● *Мертворожденные идеи особенно жизнучи.*

● *Труднее всего отказаться от тех, к кому меньше всего привыкли.*

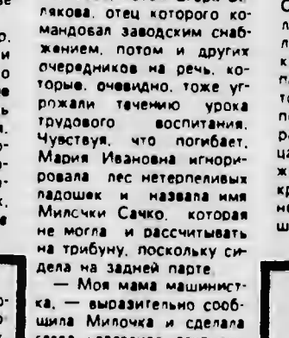
Александр ЯКИМАНСКИЙ

● *С умным человеком и помолчать приятно.*

● *Цените копейку хотя бы за то, что она не разменивается по мелочам!*

● *Иной и воздушные замки строит за государственный счет.*

Евг. ТАРАСОВ
ЭЛЕКТРОГОРСК



Иллюзионист Голубцов показал публике пустой ящик, аккуратно поставил его на скрытый в арене люк и стал выкрикивать заклинания. Выкрикивал он громко, чтобы публика не услышала кряхтения Анны Ивановны, протискивающейся из люка в ящик. Потом Голубцов сказал «ап!», таинственно пошевелил пальцами в воздухе и распахнул ящик.

Цирк восторженно аплодировал. Анна Ивановна в балетной пачке счастливо улыбалась и кланялась.

Потом она забралась обратно в ящик, а Голубцов взял в руки пилу и стал свирепо примериваться.

— Степа, — строго спросила из ящика Анна Ивановна, — ты белье сдал?

— Нет, — ответил Голубцов. — там очередь была.

— Зашел бы с черного хода, дал приемщице...

— Ты же знаешь, я не умею здавать!

Голубцов пилил медленно, чтобы Анна Ивановна успела уползти обратно в люк. Пилил и думал о том, что если побыстрей пилить, пожалуй, и не успеет уползти. «Господи! О чем это я?! Люблю ведь...»

Голубцов действительно любил жену и злился больше на себя. На время он мог все. В обычной жизни — ничего. Голубцов мог любого водопроводчика превратить в липутта или в домашнюю с бантом, но заставить его починить кран... Нет, пару раз в жизни он пытался «дать сверху», но... Последний случай был с подвыпившим маляром. Тот спросил: «Вам как ремонт делать — тяп-ляп или чтоб на всю жизнь?» И тогда Голубцов решился: шевельнул пальцами и незаметно переправил бутылку «Экстры» в карман маляру. Почуяв неладное, маляр сунул руку в карман, достал бутылку, долго смотрел на нее и грустно сказал: «Все, начались галлюцинации... допился!» И стал молча собирать инструмент. «Куда вы?» — спросил Голубцов. «На принудительное лечение, — сказал плачущий маляр. — Видать пора».

Голубцов вспоминает, как сломал жизнь человеку, тяжко вздохнул. Нет, это все не для него.

Публика ахнула, увидев пустой, перепиленный ящик. Вот это он может, пожалуйста. Так теперь фокус с часами.

Голубцов подошел к одному из зрителей, быстро пожал руку и спросил: «Сколько времени не скажете?» Мужчина привычно полез на руку, где только что была новенькая «Сейко», потом на Голубцова, потом опять на руку и стал дико озираться.

Публика визжала от восторга. Каждому было приятно, что это не с ним.

— Может часы у вашего соседа? — спросил Голубцов, кивнув на человека в клетчатом пиджаке.

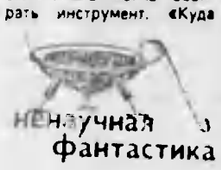
Клетчатый зашелся от смеха, потом посмотрел себе на руку, сразу посерьезнел и стал вдруг быстренько пробираться к выходу... Задержали клетчатого скоро, но Голубцову долго пришлось доказывать, что прежде они не были знакомы.

Из отделения вышли вместе.

— Ну вот, — сказал клетчатый, — пиджак порвать — это они могут! А я, между прочим, за него двадцатку переплачивал!

— Сверху дали? — восхитился Голубцов. — Я вас непременно познакомлю с женой, она это очень уважает.

Ефим СМОЛИН



ФОКУСНИК

— Для начала и нам бы познакомиться неплохо. Шувалов, Александр Семенович.

— Очень приятно, — сказал Голубцов и протянул руку.

— Ладно-ладно, — прячь свою за спину, подмигнул Шувалов. — этот фокус мы знаем.

Было жарко. Мужчины на углу в количестве полуроты брали пивной ларек.

— Не меньше часа стоять, — раздумчиво произнес Голубцов.

— Да что вы, на фокусник, что ли? Вам только пальцами шевельнуть!..

Голубцов шевельнул, и Шувалов ощутил приятную тяжесть и холодок запотевшей пивной кружки в кармане клетчатого пиджака.

— Маленькая, — разочарованно определил он, — не пролить бы...

Но пива в кружке не оказалось: в чистой воде весело резвились аквариумные рыбки. Голубцову стало неловко.

Он уставился на очередь, сдвинул брови: «Представьте себе, пиво кончилось, кон-чи-лось...»

Люди в очереди, досадливо сплевывая, стали расходиться. Но, видимо, бацилла гипноза задела и продавщицу: она вывесила табличку «Пива нет». Голубцов совсем загрустил. А Александр Семенович пренебрежительно глянул на иллюзиониста и шагнул к пивному ларьку. Через минуту он вернулся с кружками...

— Позвольте, но табличка! Как же вы это? Супергипноз, да?

— Угу, гипноз, — небрежно подтвердил Шувалов, и рука с кружкой описала полукруг ко рту. — Гипноз и еще рубль сверху. Я с деньгами кого хотите загипнотизирую.

— Да разве деньги — гипноз? — Голубцов нагнулся, подобрал обрывок бумаги, шевельнул пальцами, и клочок превратился в трешку. — Деньги ерунда, а вот как их это... ну давать? Ой, что с вами?..

Шувалов выпучил глаза:

— Миленький! Да как же это вы а? Ведь живые деньги получаются! Научите! А я вас за это... да вы у меня... любому «сверху давать» будете!

И начался многодневный обмен опытом.

— Вы берете в правую руку клочок бумаги, — говорил Голубцов, — а в левой незаметно держите рубль...

— Ну, а рубль-то из чего делаете?

— Я его не делаю, это мой рубль, из получки.

— Ой, — качал головой Шувалов, — что-то вы темните...

Но и у Голубцова были свои претензии.

Уже месяц Шувалов ходил к нему домой, познакомился с Анной Ивановной, обедал по воскресеньям, а научился Голубцов только игриво подмигивать какому-нибудь водопроводчику и говорить «Я вас отблагодарю». Но протянуть руку с трешкой по-прежнему не было сил...

Как-то придя домой, Голубцов нашел вместо Анны Ивановны записку: «Степа, я прозрела. Ты человек, который не может ничего. Я встретила другого — он может все. Прощай».

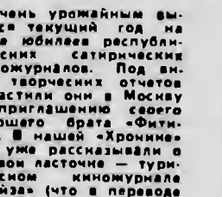
Голубцов подумал, что, если напрячь все свои способности гипнотизера и телепата, Анне Ивановне захочется вернуться. Голубцов поднял руку, пошевелил пальцами. Но Анна Ивановна не появилась.

В это время в другой квартире Александр Семенович Шувалов пошевелил пальцами ноги. Он парил мозоли. Тотчас появилась Анна Ивановна.

— Не горячо? — спросила она.

Шувалов сидел, парил ноги и от нечего делать отщипывал кусочки от бумажной гигиенической салфетки. Клочки бумаги как снежные хлопья, кружась, ложились на пол и — хотите верьте, хотите нет — превращались в двушки... «Не валяется, — думал Шувалов, — можно будет позвонить».

...А Голубцов так и не научился «давать сверху». Потому что это — действительно талант, с которым нужно родиться. И еще как нужно...



ХРОНИКА

САТИРИЧЕСКИЕ ЮБИЛЕИ

Очень урожайным выдался текущий год на ниве юбилеев республиканских сатирических киножурналов. Под видом творческих отчетов зачастили они в Москву по приглашению своего старшего брата «Фитиля». В нашей «Хронике» мы уже рассказывали о первом ласточке — туркменском киножурнале «Найза» (что в переводе означает «Стрела»).

Затем стали прибывать и остальные...

Наиболее старшего из младших братьев «Фитиля» — «Наштара» («Скальпель») привез в Москву из солнечного Узбекистана ответственный секретарь журнала писатель С. Абдукаххар. В декабре этого года у «Наштара» большой юбилей — на экраны выйдет сотый номер!

Месяцем раньше отметил свое десятилетие киножурнал из Азербайджана «Мозалан» («Овод»). За большие заслуги в развитии киносатиры многим работникам киножурнала были присвоены почетные звания заслуженных деятелей искусств и заслуженных работников культуры. Весьма показательно, что ЦК Компартии Азербайджана, признавая важность деятельности киносатириков, принял специальное постановление о неправильном реагировании некоторых министерств и ведомств республики на критические выступления киножурнала «Мозалан».

Осенью намечаются празднества и в Молдавии — исполняется 10 лет киножурналу «Уступ-ич» (что точно перевести невозможно, но тем не менее слово это стра наводит, поскольку означает что-то вроде: сейчас мы вас обожжем крапивой, посолим и поперчим). Эту крапиву, соль и перец на пленке привез в Москву главный редактор «Уступича» писатель О. Концевич.

«Гайсмалас» («Светлячок») из Латвии показал главный режиссер А. Дилиньлаусс. Журнал отпраздновал пока эта самый скромный юбилей — 10 выпусков, но они уверенно вы зачивают, оттачивая, чуть дые нож, пародии и пропагандируют залы трибуну в сатирическим кино.

Острые и интересные работы продемонстрировала «Дубинка» (в переводе на таджикский «Кантан»), которую привез за пазухой ее редактор А. Хакимов. Неотвратимые удары «Дубинки» оказались так зарыши, что «Фитиль» решил показать их с всесоюзного экрана.

Пользуясь случаем, администрация «Клуба ДС» от всей души поздравляет всех юбиляров, а также нетати, киножурнал «Фитиль», отмеченный на XIV Всесоюзном кинофестивале призом журнала «Крокодил» за лучшую сатирическую кинолентуу. Хулиганку «Фитиля» А. Столобову приз из хрусталя и горного хрусталя вручил член редколлегии «Крокодила» В. Сахиндаев.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ
Цена 15 коп.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Костянский переулок, 13
АДРЕС ДЛЯ ПИСЕМ И ТЕЛЕГРАММ: 103064 ГСП, Москва, Цветной бульвар, 30 Справочные телефоны 200-24-11

А—08079

Типография «Литературной газеты»: Москва, Ц, Цветной бульвар, 30

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, Б. ГАЛАНОВ, А. ГОЛОВЧАНСКИЙ, В. ГОРБУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, Ю. ДРУНИНА, Ю. ИЗЮМОВ (первый зам. главного редактора), Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, Л. НОВИЧЕНКО, Ю. ПОРОЙКОВ (зам главного редактора), О. ПРУДКОВ, В. СУББОТИН, А. ТЕРТЕРЯН, А. УДАЛЬЦОВ (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ, Ф. ЧАПЧАХОВ.

Зак. 677 ИНДЕКС 50067